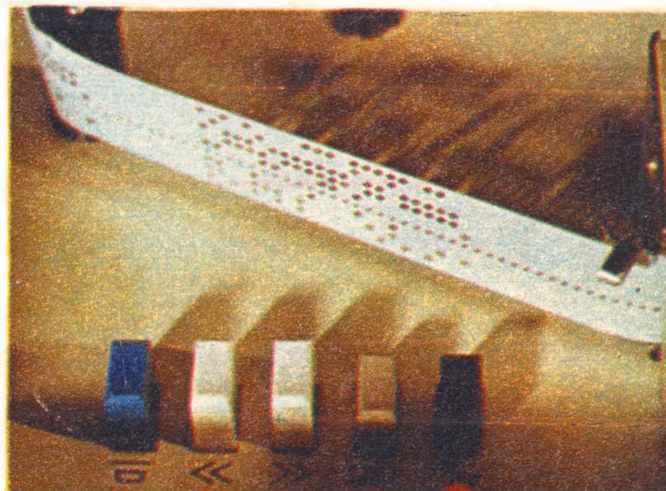
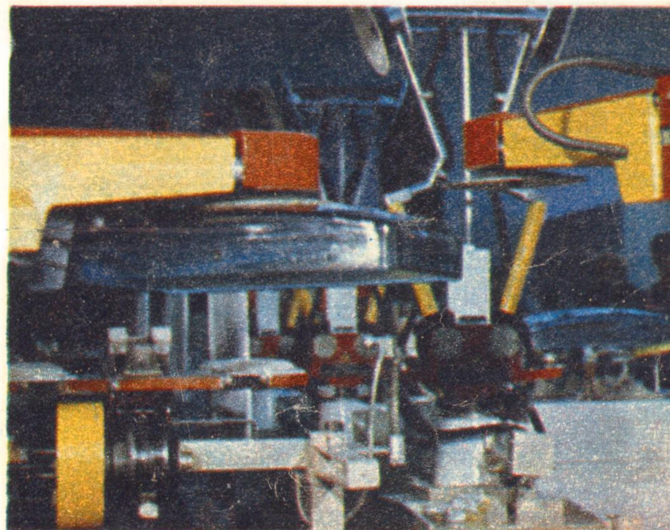
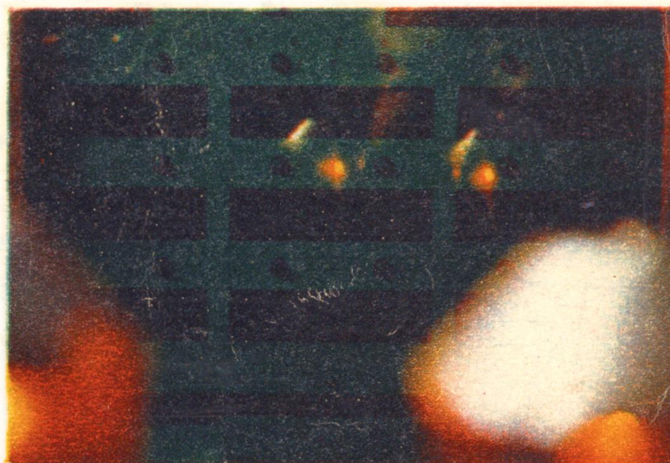
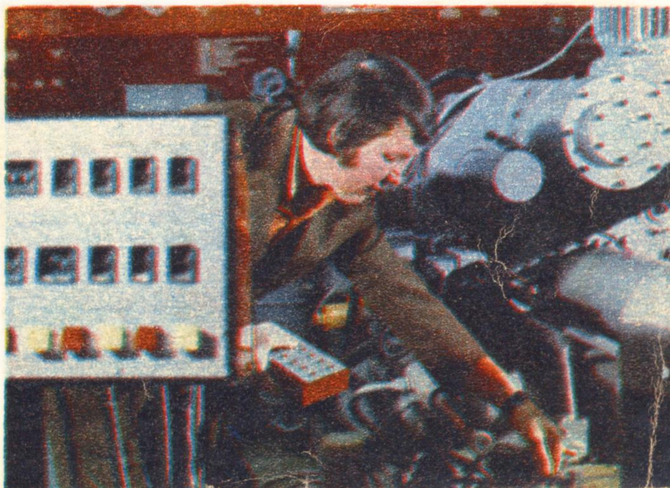








ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1982

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2848)

13 ФЕВРАЛЯ 1982

ДОМ ДЛЯ

Монтажник Виктор Мельников.

Очередной «лепесток» для монтажа кровли.

Закрома из рулонов.

ХЛЕБА

Ю. ЛУШИН

Фото автора

В каждую жатву встает вопрос не только о том, как без потерь убрать урожай, но и как сохранить его до зернышка. Недаром народ сказал: не тот хлеб, что в полях, а тот хлеб, что в закромах. Вот о закромах и поговорим.

В. Даль больше сотни лет тому назад записывал в своем знаменитом словаре: «Закром — забранное досками место в житнице или хлебном амбаре». Наши прадеды сберегали в таких простейших хранилищах зерно от урожая до урожая, перелопачивая его вручную, чтобы не горело, не портилось... Современные закрома — элеваторы — сложнейшие сооружения, в которых зерно сортируется, сушится, сохраняется, а то и превращается в муку разных сортов, манную крупу. Причем все это происходит без непосредственного участия человеческих рук, исключительно при помощи механизмов. Всем хорош такой дом для зерна, только одним неудобен — слишком велик. Поэтому партией и правительством поставлена задача постепенно переходить к строительству наряду с крупными элеваторами сравнительно небольших зернохранилищ и комбикормовых цехов в непосредственной близости к колхозам и совхозам. Об этом, в частности, говорил в своей речи на Пленуме ЦК КПСС 16 ноября 1981 года товарищ Леонид Ильич Брежнев. Особенно актуальна поставленная задача для казахстанской целины с ее необозримыми просторами и немалыми расстояниями между хлебоприемными пунктами.

Стою на перекрестье хлебных дорог Казахстана и Киргизии в селе Георгиевка, наблюдаю удивительное — как рождается дом для зерна из скатанного в рулон толстого листового железа. Такой рулон весом в 30 тонн поднимают и ставят вертикально. Затем один конец его жестко закрепляют, ко второму цепляют прочный трос и с помощью трактора рулон начинают постепенно разматывать. Так же постепенно, по мере раскручивания, монтируется лепесток за лепестком кровля, придавая всему сооружению необходимую жесткость. Через пять дней похожий на огромную банку металлический закром для двух с половиной тысяч тонн зерна готов.

— Так просто и быстро?— удивляюсь я.

— Быстро и удобно, — соглашается бригадир монтажников Бронислав Говоров.— Нужно лишь подготовить предварительно фундаменты под банки и подземную галерею для транспортеров, которые протянутся под всеми хранилищами...

— Для чего они?

— Для перемещения зерна. Транспортные каналы внутри банок послужат и для вентиляции зерна при его хранении.

— Но как узнать о его «самочувствии», ведь банки будут закрыты?

— В каждом хранилище на разных высотах устанавливаются температурные датчики, показания которых автоматически подаются на пульт управления. В зависимости от них дежурный диспетчер простым нажатием кнопки может переместить зерно или часть его из одной банки в другую или включить дополнительную вентиляцию. Погрузка и разгрузка хлеба (как из вагонов, так и из машин) тоже полностью механизированы. Да что тут долго говорить, пойдемте...

Я пошел за бригадиром, и вскоре он привел меня к длинному, приземистому бетонному зданию длиной метров в шестьдесят. Заглянув внутрь, мы увидели янтарные горы зерна. Двое рабочих перекидывали зерно деревянными лопатами к передвижному транспортеру.

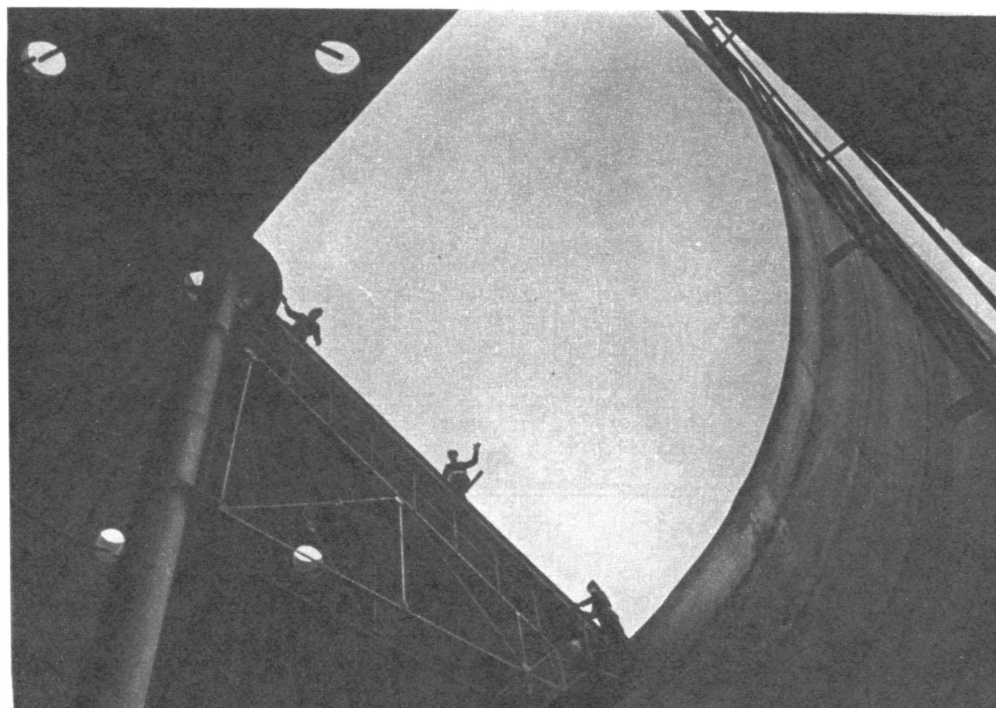
— Сколько сюда умещается хлеба, как вы думаете? — спросил Говоров.

И сам ответил:

— Да весь этот сарай уместится в одной нашей банке. А стоит он, между прочим, почти вдвое дороже, и строили его год. Мы же монтируем сами знаете сколько...

Да, это я уже знал и поэтому поспешил на монтажную площадку, чтобы не опоздать. Кончался как раз пятый день их работы на пятой банке. Всего же таких дней будет семь.

Вид хранилища изнутри.



Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

3 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял представителей Консультативного совета Социалистического интернационала по разоружению в следующем составе: К. Сорса — вице-председатель Социалистического интернационала, председатель Консультативного совета Социнтерна по разоружению, председатель Социал-демократической партии Финляндии, В. Ханкер — секретарь Консультативного совета, секретарь по международным вопросам Правления Социалистической партии Австрии и С. Тагути — член внешнеполитического комитета Центрального исполкома Партии демократического социализма Японии.

В состоявшейся беседе приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, а также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. С. Шапошников.

Л. И. Брежнев обратил внимание собеседников на опасные последствия для дела всеобщего мира, которыми чревата нынешняя линия блока НАТО, и прежде всего его главной силы — США. Никог-

ЗА ИНТЕРЕСЫ ТРУДОВОГО НАРОДА

С 3 по 7 февраля во Дворце спорта рабочего пригорода французской столицы Сент-Уэна проходил очередной, XXIV съезд Французской коммунистической партии — боевого авангарда трудящихся страны.

В течение пяти дней две тысячи делегатов съезда обсуждали насущные задачи борьбы в защиту интересов рабочего класса, всего трудового народа Франции, сложные проблемы внутренней и внешней политики, борьбы за мир и безопасность народов, за разоружение, укрепление международной солидарности со всеми революционными и прогрессивными силами планеты.

На съезд французских коммунистов прибыли делегации около 120 братских коммунистических и рабочих партий и национально-освободительных движений, а также других прогрессивных организаций. Делегацию Коммунистической партии Советского Союза возглавлял член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

С докладом ЦК ФКП о деятельности и задачах партии выступил Генеральный секретарь ФКП Жорж Марше.

6 февраля в рабочем пригороде французской столицы Вильжюиф состоялся массовый митинг интернациональной солидарности. Продолжительными аплодисментами участники митинга встретили появление на трибуне члена По-

да после второй мировой войны положение не было столь серьезным.

Касаясь ведущихся в Женеве советско-американских переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе, Л. И. Брежнев заметил, что их первоначальная стадия внушает определенную настороженность ввиду явного нежелания американской стороны искать основу взаимоприемлемой договоренности. Выдвигаемый Вашингтоном так называемый «нулевой вариант», рассчитанный на то, чтобы Советский Союз в одностороннем порядке ликвидировал все свои ракеты средней дальности, никак не назовешь серьезным предложением. И решение НАТО от декабря 1979 года, и «план Рейгана» полностью противоречат принципу равенства и одинаковой безопасности. Они направлены на то, чтобы сломать нынешнее военное равновесие и в Европе, и в глобальном масштабе в ущерб безопасности СССР и его союзников.

В отличие от этого Советский Союз готов уже сейчас договориться о полном отказе обеих сторон — Востока и Запада — от всех видов оружия средней дальности, нацеленных на объекты в Европе. Мы можем пойти и еще дальше: договориться о полном избавлении Европы от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического. Вот это был бы настоящий «нулевой вариант». СССР готов пойти на него. Если страны НАТО согласятся с таким действительно нулевым решением, то дело мира в Европе (а возможно, и во всем мире) будет поставлено на небывало прочную основу.

Если же Запад пока не готов к радикальным решениям, сказал Л. И. Брежнев, мы согласны для начала условиться о крупном сокращении обеими сторонами ядерных средств средней дальности. Об очень крупном — на сотни единиц...

К. Сорса поблагодарил Л. И. Брежнева за обстоятельное изложение позиций Советского Союза по наиболее животрепещущим вопросам современной международной обстановки. Он подчеркнул значение личного вклада Л. И. Брежнева в усилия, направленные на содействие делу разрядки и разоружения.

Беседа прошла в дружественной, деловой обстановке.

литбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко. Он передал коммунистам, всем трудящимся Франции сердечные приветствия от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

Мы убеждены, сказал в своем выступлении товарищ Черненко, что существуют прочные объективные предпосылки дальнейшего сотрудничества Франции и СССР во имя предотвращения угрозы ядерной войны, во имя укрепления мирного взаимодействия наших стран и народов. Об этом говорят и успешно развивающиеся взаимовыгодные контакты наших стран в сферах экономики, науки, культуры. И никакие искусственные препятствия, по нашему убеждению, не должны мешать плодотворному развитию советско-французских отношений.

Важным фактором дружбы наших народов являются солидарность и сотрудничество французских и советских коммунистов, Французской коммунистической партии и Коммунистической партии Советского Союза. Прочное сотрудничество наших партий, товарищеский обмен мнениями между ними полезны им обеим. Полезны они и народам наших стран.

7 февраля с заключительным словом на съезде выступил Генеральный секретарь ФКП Ж. Марше.

Съезд закончился пением «Интернационала» и национального гимна Франции — «Марсельезы».

7 февраля состоялся пленум ЦК ФКП, на котором Генеральным секретарем ФКП вновь избран Ж. Марше.

На снимке: К. У. Черненко и Жорж Марше в президиуме митинга интернациональной солидарности.

Фото В. Соболева (ТАСС)

ПОБЕДИМ, ЕСЛИ БУДЕМ ЕДИНЫ!

В беседе с корреспондентом АПН в Вене Виктором БОЕВЫМ один из участников международной конференции «Диалог по вопросам разоружения и разрядки», итальянский генерал, бывший заместитель главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе Нино ПАСТИ, сказал:

— Последние тридцать лет своей жизни я посвятил изучению проблем войны и мира. В моем распоряжении было большое число официальных американских документов, которые никак нельзя заподозрить в просоветской направленности. Результаты моих исследований сводятся к следующему: Советские Вооруженные Силы — это оборонительные силы, которые в состоянии защитить Советский Союз и его союзников, но они не предназначены для наступательных действий. С другой стороны, администрация Рейгана запросила на ближайшие пять лет 1,5 триллиона долларов на военные цели. Причем совершенно ясно, что и этой гигантской суммы недостаточно для реализации программы производства оружия, которую наметили Рейган и его помощники. Ведь предусматривается создать 200 передвижных ракетных установок MX, построить огромные подводные лодки «Трайдент» с 24 ракетами на борту каждой, новый бомбардировщик, способный поднимать в воздух и посылать к цели большое количество крылатых ракет и другое оружие.

Соединенные Штаты располагают огромной сетью военных баз. Как известно, США создают силы быстрого развертывания, чтобы иметь возможность немедленно осуществить интервенцию в любом районе земного шара. Не знаю, как бы это назвали другие, но по моим понятиям это самая настоящая милитаристская империалистическая политика.

Но обратимся к Европе. Одна из острейших проблем — вопрос о так называемом «довооружении» НАТО. В принятии этого решения не было никакой необходимости. Здесь налицо стремление НАТО, и в особенности Соединенных Штатов, к военному превосходству над Советским Союзом. Приведу два характерных примера. В 1979 году в Вене Л. И. Брежневым и Дж. Картером был подписан договор ОСВ-2. Это был весьма важный документ, так как он устанавливал одинаковые уровни стратегического ядерного вооружения как для Советского Союза, так и для Соединенных Штатов. Сенат США отказался ратифицировать ОСВ-2 именно потому, что не желал установления паритета, то есть равенства в области стратегического ядерного вооружения между СССР и США. Это решение было принято еще до того, как ограниченный контингент советских войск вступил на афганскую территорию. Следовательно, Афганистан не имеет ни малейшего отношения к решению сената США об отказе ратифицировать ОСВ-2. Второй пример. В октябре 1979 года Л. И. Брежнев заявил о готовности сократить количество ядерных средств средней дальности. Тем самым он доказал, что ни в коем случае не стремится к увеличению военной угрозы в Европе, а, наоборот, желает ее уменьшения, готов вести переговоры. В то же время Советский Союз заявил о своем намерении вывести с территории ГДР 20 тысяч советских солдат, 1000 танков и много другой военной техники. Если бы НАТО действительно была серьезно намерена вести переговоры, то это был самый подходящий момент для их начала. Вместо этого в декабре того же года последовало решение НАТО о развертывании так называемых «евроракет», то есть ракет «Першинг-2» и крылатых ракет в Европе. А это создает условия для того, чтобы начать так называемую «ограниченную» ядерную войну. Согласно американской доктрине, «ограниченная» ядерная война должна привести к уничтожению Советского Союза, не давая при этом возможности Советскому Союзу нанести ответный удар по Соединенным Штатам. Вот почему «евроракеты» представляют собой исключительную опасность.

На основе тридцатилетнего изучения проблемы я могу со всей уверенностью заявить: ядерная война никогда не может быть ограниченной. Если ядерная война начнется, она охватит весь земной шар. Но если даже допустить, что я ошибаюсь и что война может носить ограниченный характер, то и при этом Европа неизбежно будет уничтожена.

Есть ли возможность предотвратить столь опасное развитие событий? Да, такая возможность есть. Общественность во всем мире, прежде всего в Европе, все больше осознает ту угрозу, перед которой стоит человечество. Миллионы европейцев становятся в колонны демонстраций протеста против гонки ядерных вооружений, особенно против развертывания так называемых «евроракет». Уже сегодня можно сказать, что эти марши мира дали результат: Бельгия и Нидерланды отложили принятие решения о развертывании «евроракет» на своей территории. Лейбористская партия Великобритании резко выступает против любого ядерного оружия. Широкие масштабы принимает протест против «евроракет» в ФРГ. Наконец, у нас, в Италии, прошли мощные демонстрации с участием сотен тысяч людей против установки ракет на итальянской земле.

Иногда мне задают вопрос: как получилось, что вы, кадровый военный, который ряд лет занимал руководящие должности в НАТО, стали активным борцом за мир? Отвечая на него, я обычно позволяю себе небольшой исторический экскурс. Начало семидесятых годов было счастливым периодом разрядки. Обе великие державы — Советский Союз и Соединенные Штаты — во все большей мере достигали согласия, сотрудничая в деле разоружения и предотвращения войны. В этот период было доказано, что есть возможность достичь разумного соглашения не только между великими державами, но и между любыми нациями и государствами мира. Как раз в это время я занимал важный пост в НАТО и категорически выступал против любого развертывания ядерного оружия в Европе. Сегодня я придерживаюсь совершенно такого же мнения. Следовательно, от своего мнения отказались Соединенные Штаты, а не я.

Общественное мнение,— сказал в заключение Нино Пасти,— обладает колоссальной мощью. И если мы все объединимся в борьбе за предотвращение ядерной войны, то, несомненно, добьемся успеха. Следует, однако, помнить, что пропаганда Соединенных Штатов и НАТО стремится внести раскол в ряды движения за мир. Она пытается заставить антивоенное движение заниматься вопросами, которые не имеют никакого отношения к принципиальной проблеме: как избежать ядерной войны. Так не позволим же американской пропаганде расколоть наши ряды! Мы потерпим поражение, если будем разобщены. И наоборот, мы одержим победу, если будем едины!

АПН — специально для «Огонька»

Вена.

СТАВКА НА ТЕРРОР

...Никарагуанская столица Манагуа. Пресс-конференция бывшего профессионального разведчика, сотрудника Центрального разведывательного управления Филиппа Эйджи, рассказывающего о тайной войне США против стран Латинской Америки.

— Не приходится сомневаться, — свидетельствует он, — что ЦРУ активно работает во всех центральноамериканских странах для поддержки общей американской политики конфронтации. ЦРУ действует против Кубы, Никарагуа, предпринимает усилия по ликвидации освободительных сил в Сальвадоре, Гватемале и Гондурасе. Главное для США — попытаться повернуть вспять те революционные движения, которые происходят в Латинской Америке...

Так начинается вышедший на экраны столицы новый фильм советских кинодокументалистов «Центральная Америка: ставка на террор». Его авторы, опираясь на документы и факты, свидетельства очевидцев, разоблачают международный терроризм официальных кругов Вашингтона, воссоздают картину чудовищных преступлений, кровавые следы которых ведут в штаб-квартиру ЦРУ — Лэнгли. Фильм, естественно, не о Филиппе Эйджи — он один из многих свидетелей, которых мы увидим на экране. Фильм о тех, кто плетет нити заговоров против латиноамериканских стран, готовит государственные перевороты, разрабатывает планы террористических акций, диверсий, политических убийств. Фильм о тех, кто претворяет в жизнь замыслы Вашингтона.

Цепная реакция освободительных движений вызвала панику на Капитолийском холме, где Центральную Америку всегда считали своей вотчиной. Именно здесь, в непосредственной близости от США, американский империализм стремится удержать свои позиции любой ценой. Перед зрителем пройдут кадры, в которых с голливудской улыбкой промелькнет нынешний хозяин Белого дома. Он назовет национально-освободительные движения «проявлением международного терроризма». Несколько раз появится на экране в генеральских доспехах государственный секретарь США Хейг. Он будет вторить своему патрону, что-де «любая революция несет в себе вирус терроризма, и, следовательно, США имеют право подавлять ее всеми способами».

Какими? Мы узнаем об этом из показаний бывшего шефа ЦРУ Хелмса, который расскажет о том, как его ведомство намеревалось убить Фиделя Кастро. Мы услышим признания бывших агентов американских спецслужб, наемников и их вербовщиков, главарей контрреволюционных банд.

— Меня завербовали в США, — скажет один из диверсантов, пойманных на Кубе. — Наша группа должна была совершать диверсии, поджоги, убийства.

А вот откровения вербовщика:

— Мы используем тактику, которой научились в ЦРУ. Нас обучали всему. Как пользоваться бомбами, как убивать.

ЦРУ обучало и как пытать. Вот свидетельство никарагуанского мальчика, познавшего злодеяния сомосовского режима:

— Они пытали меня. Пропускали через мое тело электрический ток. Меня допрашивали три раза. Я ничего не видел, практически ослеп. Они били меня по лицу — из носа хлынула кровь. Много крови... Ее остановили током...

Под этим свидетельством никарагуанского патриота могли бы подписаться тысячи его соотечественников, побывавших в застенках диктаторского режима. Никарагуа не единственный объект международного терроризма США.

Массовые убийства стали повседневной реальностью и в другой латиноамериканской стране — Сальвадоре, где за последние два года были убиты десятки тысяч человек. «Геноцид против собственного народа» — иначе не назовешь эту нарастающую с каждым днем кампанию террора. Руку убийц и здесь направляет Центральное разведывательное управление США.

Мы увидим убитых и замученных борцов Сальвадора, Никарагуа, Гватемалы. Перед нами пройдут заплаканные лица стариков и женщин, недетские глаза детей, которым довелось увидеть гибель отцов и братьев.

Но борьба против международного терроризма США усиливается. Ее ведут бойцы Фронта национального освобождения имени Сандино, под знаменами которого народ Никарагуа сверг проамериканский режим Сомосы, бойцы Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти, которые сражаются против эксплуатации и несправедливости, за право быть хозяевами собственной земли.

Новая лента советских документалистов — это фильм-обвинение, разоблачающий террор и насилие США в странах Латинской Америки. Вместе с тем это фильм-размышление, который заставляет задуматься о будущем, призывает к борьбе против сил империализма.

К. КАПИТОНОВ

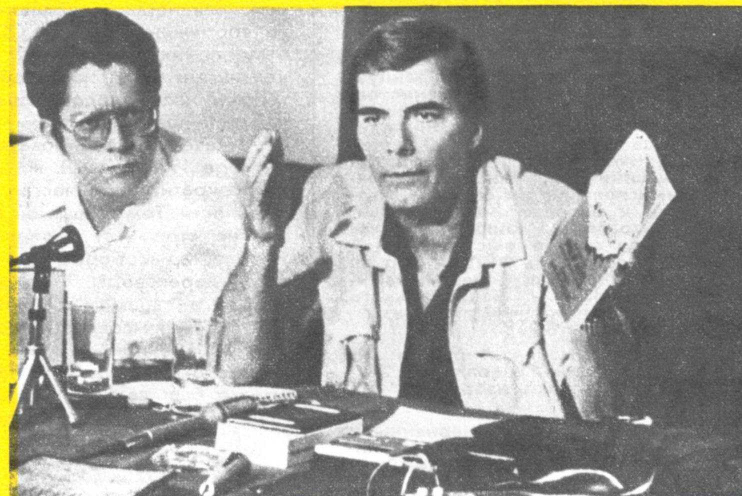
«Центральная Америка: ставка на террор». Производство ЦСДФ, 1981 г. Режиссер — И. Свешникова, авторы сценария — С. Лосев, И. Тимофеев, оператор — А. Минаев.

Боль и гнев Сальвадора.

Жертвы террора.

Американские инструкторы обучают сальвадорских карателей.

Пресс-конференция Филиппа Эйджи.



ВАШИНГТОНСКАЯ ТЕЛЕКЛОУНАДА

Чарльтон Хестон, голливудский исполнитель библейских ролей, привычно зажигал свечи. Беглый польский посол старался не смотреть в объектив телекамеры. У президента Рейгана был вид конферансье, не очень уверенного в том, что же должно идти следующим номером.

30 января с 7.30 до 9 вечера по Гринвичу Западную Европу бомбардировало американское телевизионное представление: «Пусть Польша останется Польшей». Где-то в космосе над континентом спутник прокручивал видеозапись. В нью-йоркской студии Управления по международным связям США, организовавшего передачу, возбужденно ставили на карте кресты. Более 50 стран должны были принимать «самое грандиозное шоу в истории телевидения».

Но бомбежка пропагандой из космоса не достигла цели. Антипольских международных посиделок у телевизора не получилось.

Большинство англичан отвергли идею программы еще в те дни, когда она только готовилась. Британия, конечно, свыклась с вульгарностью американской политики и образа жизни. Партийные съезды, которые больше похожи на цирк, симфонические концерты, прослоенные ревом рока, похоронные бюро, куда можно заезжать на автомашинах,— все эти приметы американской безвкусицы уже воспринимаются здесь как нечто вечное, необратимое. Но никогда, пожалуй, вульгарность вашингтонской политики не достигала таких космических высот и не затягивала в свою орбиту глав западноевропейских государств.

«Бедная Польша, чем ты заслужила это?!» — восклицает консервативная лондонская «Дейли мейл». Газета иллюстрирует свой комментарий картинкой: президент Рейган с тросточкой и плоской соломенной шляпой — атрибутами эстрадного чечеточника. В самом деле, на чем решили сплясать устроители глобального телевизионного представления? На трудностях, переживаемых польским народом.

Хотя телеклоунада называлась «Пусть Польша останется Польшей», речь в ней шла обо всем европейском континенте. Песенки и художественное чтение на польские темы должны были отвлечь зрителей от гневных протестов против ядерно-ракетного насилия США над Западной Европой. Ведь какой может быть альтернатива сдержанности в отношении польского кризиса? Лишь гонка вооружений, обострение конфронтации Восток — Запад, в конечном счете — катастрофа. Поэтому неизвестно, по ком зажигал свечи Чарльтон Хестон — по несуществующим жертвам в Польше или по вполне вероятному урожаю ядерной смерти на предполагаемом европейском театре военных действий.

...Куски американского спектакля все-таки прорвались на английские телеэкраны. Кое-что показали под видом репортажа из США. Остальное втиснули в сводки новостей. Перед страной предстала госпожа Тэтчер. Тяжеловесно звучали ее обвинения: «планы свободы в Польше затухают», «угнетатели должны понять...»

Выступление премьера в качестве «звезды» Управления по международным связям США возмутило здравомыслящих англичан.

— Большее двуличие трудно представить,— сказала мне Тесс Гилл, лондонский юрист, специализирующаяся на трудовых конфликтах.— Сегодня госпожа Тэтчер оплакивает демократию в Польше. А вчера ее министр представил в парламенте новый законопроект, позволяющий налагать на профсоюзы огромные штрафы. К тому же где ее слезы по правам человека в Сальвадоре, Чили, Турции, Гватемале, на Гаити?

Здешние телекритики обратили внимание на актерский состав, который разыграл пропагандистское шоу из космоса. Кто эти люди, взявшиеся учить Западную Европу, как надо понимать события в Польше? Вот Фрэнк Синатра с песней из архивного фильма, куда он с трудом вставляет слова, которые ему кажутся польскими. Но все на Западе знают, что Синатра лучше говорит по-итальянски. И дело тут не в его происхождении, а в постоянной разговорной практике с итальянской мафией. Разве Синатра не состоял под следствием за связи с организованной преступностью в Соединенных Штатах?

Когда Чарлзу Уику, директору Управления по международным связям, задали этот вопрос на пресс-конференции, он ответил:

— Я не думаю, что это меняет что-то в общей заботе о свободе.

Отчего же? По той же логике, с заповедью «не укради» детишек в приходской школе должен бы знакомить уголовник.

Еще более любопытно появление на экране комика Боба Хоупа, который годами «поднимал дух» у американских солдат во Вьетнаме. Кончилось это тем, что испустила дух сама агрессия США. С тех пор Хоуп символизирует собой политическое отчаяние. Когда Белый дом сознает свою беспомощность, он выставляет на подмостки этого приятеля всех президентов с его шутками, острыми, как топор, которым рубили по железу.

Решимостью Польши отстоять свои социалистические завоевания рождена и идея бомбежки Западной Европы телепропагандой из космоса.

Бомбили, но впустую.

Владимир СИМОНОВ,
собкор АПН — специально для «Огонька»

Лондон.

ЛИШЕННЫЕ ДЕТСТВА

Этот итальянский мальчуган плачет от усталости. Подобная картина не редкость для промышленных районов городов Италии. Детям достается самая грязная, неквалифицированная работа, как, например, десятилетнему Клаудио, который подметает пол в одной из неаполитанских кондитерских.

Может быть, в стране не хватает рабочих рук? Нет, безработица и нужда гонят десятки тысяч итальянцев за пределы страны в поисках заработка. А в то же время, по официальным данным, свыше полумиллиона детей, не достигших пятнадцатилетнего возраста, ежедневно выполняют тяжелую физическую работу продавцов и грузчиков, посыльных и лифтеров, подмастерий и посудомоек... Они толкают тяжелогруженые тачки, носят мешки с цементом, копают ямы и траншеи. Нередко за мизерную плату дети работают по 12—14 часов в сутки; некоторые из них никогда не переступали школьный порог. Около двух тысяч малолетних ежегодно становятся жертвами производственного травматизма, превращаются в инвалидов и даже погибают.

Посылая детей на работу, бедные семьи вынуждены соглашаться на любые условия предпринимателей, поскольку ничтожная сумма, заработанная ребенком, зачастую становится главным средством к существованию целой семьи, которая нередко состоит из 8—10 человек. Детям платят примерно в десять раз меньше, чем рабочим самой низкой квалификации. А когда маленькие рабочие подрастают, их выставляют на улицу — ведь за воротами завода или фабрики уже ждут тысячи дешевых детских рук...

Чемпионы мира в спринтерском многоборье советские конькобежцы Наталья Петрусева и Сергей Хлебников.

Телефото ТАСС

ДВА ЛАВРОВЫХ ВЕНКА

Наталья Петрусева в воскресенье 7 февраля добилась последнего недостающего титула — чемпионки мира в спринтерском многоборье.

500 + 1000 + 500 + 1000 метров — такова формула спринтерских соревнований конькобежцев. Причем для общей победы достаточно выиграть три дистанции из четырех. Петрусева выиграла три из трех и могла уже не выходить на заключительный старт. Но никто не сомневался в том, что она выйдет и снова победит. Так это и было. Дополнительной наградой победительнице явился новый «равнинный» мировой рекорд в многоборье.

На той же искусственной беговой дорожке голландского города Алкмара звание сильнейшего конькобежного спринтера мира разыгрывали мужчины. Надо сказать, что здесь наши позиции были не так прочны. После олимпийской победы Евгения Куликова в 1976 году советские мужчины-спринтеры ярких успехов на мировой арене не имели. Тем радостней для нас явилась победа москвича Сергея Хлебникова. В четвертый раз двадцатишестилетний спортсмен выступал на мировом чемпионате, и вот, наконец, большая победа!

В. ЛЕЙБОВСКИЙ

ИССЛЕДОВАНО — В ПРАКТИКУ

ТРИ ПО

В плане на одиннадцатую пятилетку особое внимание уделяется созданию промышленных роботов, автоматизированных цехов и заводов.

Товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на ноябрьском (1981 год) Пленуме ЦК КПСС, говоря о необходимости ускорения темпов внедрения новой техники, подчеркнул: «Корень зла — медленное сокращение ручного труда. В целом по промышленности им занято около 40 процентов рабочих, а в строительстве, в сфере обслуживания — и того больше. Госплан и ГКНТ СССР должны ускорить разработку целевой комплексной программы по сокращению ручного, особенно тяжелого труда». Отправными точками этой программы служат автоматизация и роботизация промышленного производства.

Один из пионеров отечественного роботостроения, заместитель председателя Научного совета Академии наук СССР по проблеме «Роботы и робототехнические системы», член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственных премий СССР Е. П. ПОПОВ отвечает на вопросы нашего корреспондента Ю. СУРХАЙХАНОВА.

— Евгений Павлович, почему именно сейчас так насущно встал вопрос о необходимости комплексной автоматизации производства, внедрении манипуляторов и роботов?

— Начну с того, что автоматизация и технический прогресс неотделимы друг от друга. Автоматизация — это и уничтожение тяжелого физического труда, и ликвидация нехватки рабочей силы, и повышение качества продукции, и рост объема производства. Все эти проблемы встали с особой остротой именно сегодня.

За последние двадцать лет прирост численности рабочих и служащих сократился с двадцати четырех процентов до девяти. В предстоящие годы этот процент будет неуклонно уменьшаться. Это объясняется рядом причин, и в первую очередь последствиями Великой Отечественной войны и общим уменьшением рождаемости; в связи с этим проблема трудовых ресурсов в стране обострилась. В 1980 году приток на производство свежих сил снизился почти вдвое по сравнению с началом десятой пятилетки. В то же время, как отмечал Леонид Ильич Брежнев, очень велика в промышленности доля ручного труда. С приходом на заводы роботов человек освобождается от рутинного и физического труда, а обеспечение надежной техники безопасности (это тоже дает внедрение манипуляторов), повышение общей культуры производительной деятельности означают гуманизацию производства. Она отвечает самой сущности зрелого социализма, когда забота о человеке, о создании благоприятных условий для его всестороннего развития возведена в ранг государственной политики и закреплена в Конституции страны. С этой точки зрения целесообразность робототехники недостаточно оценивать только экономическими критериями, тут необходимо учитывать и социальную эффективность.

Добавлю (это очень важно!), что автоматизация в корне меняет саму концепцию технологического процесса, требует непрерывности в производстве, превращает завод в интегрированное целое.

— То есть в завод-автомат?

— В перспективе — да. Создание производств, работающих по принципу безлюдной технологии,— одна из целей автоматизации. И здесь не обойтись без промышленных роботов. С их помощью можно объединять совсем разные операции, как бы сцементировать весь технологический процесс.

Напомню, что слово «робот» пришло к нам из научно-фантастической литературы. И этот навеянный фантастикой стереотип, представляющий роботов как некие стальные подобия человека (что-то вроде гоголевского Вия), которые придут в цехи и станут к станкам, поначалу вызвал к ним недоверие. На самом деле внешне никакого сходства с человеком они не имеют, хотя и способны имитировать действия его рук. Теперь время недоверия прошло, спрос на манипуляторы растет в геометрической прогрессии.

— А на каких участках производства манипуляторы уже сейчас заменяют человека, какими профессиями овладели?

— Люди создают роботов, чтобы самим, образно говоря, по мере развития производства не превратиться в роботов. Прежде всего это касается производственных операций в тяжелых, так называемых экстремальных условиях. Не секрет, что до сих пор во всех отраслях промышленности значи-

КОЛЕНИЯ РОБОТОВ

тельная доля рабочих занята выполнением монотонно повторяющихся ручных операций. Например, на конвейерах, у станков, штампов, печей, станов, на заготовках, складах. Чаще всего эти условия встречаются в тяжелой промышленности, в машиностроении. Именно там сейчас больше всего манипуляторов — они и литейщики, и штамповщики, и грузчики, и сварщики; они работают на окраске кузовов автомобилей и в цехах гальванопокрытий. Кроме того, роботы сами могут контролировать качество продукции и сообщать результаты в автоматизированную систему управления производством — АСУП, то есть выполнять контрольно-измерительные и самые различные информационные функции.

— Евгений Павлович, ведь существуют традиционные средства автоматизации: транспортеры, автоперекладчики, автооператоры и другие, вероятно, более дешевые, чем роботы...

— Совершенно верно, но роботизация не отменяет этих традиционных средств, наоборот, использует там, где их применение выгоднее. Но многие из ручных операций просто невозможно механизировать и автоматизировать традиционными средствами. И даже если это бывает возможно, оказывается, что создание специализированного автомата на одну-единственную операцию экономически невыгодно. Обычный автомат предназначен и построен для многократного совершения одной и той же операции. Совсем другое дело многоцелевой манипуляционный робот, умеющий легко перестраиваться на различные циклы ручных операций. Так что именно роботы — единственная возможность экономии трудовых ресурсов. И здесь интересно вот что: появление роботов в промышленных цехах существенно изменяет характер труда рабочих. От них требуется наладка робототехники, соответственно более высокий образовательный уровень, духовное развитие, усиливающее личностные качества, такие, как творческие способности, инициатива, новаторская активность.

— Пока что в промышленности получили распространение роботы первого поколения?

— Слово «поколение» мы употребляем в специфическом смысле. Например, новые машины, способные сами приспосабливаться к различным условиям и обладающие интеллектуальными способностями, не отменяют так называемое первое поколение. Поле деятельности программных манипуляторов первого поколения будет сохраняться и расширяться везде, где достаточно и выгодно использовать эти простые и дешевые машины.

— Хотелось бы узнать подробнее о всех трех поколениях. В чем их различие? Каковы перспективы эволюции «интеллектуальных» роботов?

— Пока мы имеем дело главным образом с роботами первого поколения — автоматически действующими манипуляторами с жестким программным управлением. Но и они уже достаточно универсальны и служат многим целям, поскольку их программные механические устройства относительно легко перестраиваются на разнообразные циклы операций.

Второе поколение — так называемые адаптивные роботы со специальной системой «очувствления». Они способны обрабатывать информацию. Они управляются с помощью цифровых вычислительных машин. Такие роботы сами в соответствии с заложенной в них программой приспосабливаются к меняющимся условиям технологического процесса, сохраняя при этом оптимальный режим работы. Большинство из них пока еще в стадии лабораторных экспериментов или проходят опытную эксплуатацию. И вот здесь я хочу поговорить о некоторых трудностях, с которыми столкнулись конструкторы роботов. Промышленность пока еще не выпускает датчиков так называемого «очувствления», необходимых для восприятия роботом обстановки в различных условиях.

— А кто должен выпускать эти датчики?

— Минприбор СССР. Кстати, на это министерство и на Министерство станкостроительной промышленности возложена ответственность за серийный выпуск промышленных роботов в стране. Правда, совсем недавно Научно-производственное объединение «Спектр» начало серийный выпуск датчиков с новым типом «очувствления», которые выгодно отличаются от прежних. Но приборов нужно много...

Роботы третьего поколения уже обладают «искусственным интеллектом». Под ним подразумевается техническая система, способная распознавать неизвестную или меняющуюся обстановку, автоматически вырабатывать решения о своих дальнейших действиях, планировать их. Сюда входит и самообучение робота и накопление им собственного опыта, который может пригодиться для выполнения даже других работ.

— А что еще тормозит внедрение роботов?

— Спрос на эту новую технику во много раз превышает план ее выпуска. Нужны специализированные заводы для серийного производства роботов. Сейчас строятся три таких завода. они должны войти в строй в 1983—1984 годах.

— Но ведь бывают случаи, когда на предприятии есть робот, но он не работает?

— Сплошь и рядом такое случается.

— А причины?

— Сверху давят: «План есть — приобретайте робота». И приобретают, но не те машины, которые нужны. Сказывается плохая информированность производственников. А иногда роботов не внедряют, опасаясь экономических потерь. Да, да, и такое бывает. Роботизация — задача не простая, она требует вдумчивого отношения, специальной подготовки. Ведь робот — не самоцель. В большинстве случаев он важен не сам по себе, а в системе себе подобных. Нужен целый комплекс, действующий совместно с другими средствами автоматизации. Поэтому чрезвычайно важно увязать действия робота с другими техническими средствами на производстве. А это задача уже творческая.

— Эта проблема, очевидно, касается другой — проблемы кадров. Кто, кроме специалистов по робототехнике, способен решать сложный комплекс задач внедрения?

— Здесь нужны специалисты, которых пока совсем мало. Сравнительно недавно введена учебная специальность по робототехническим системам на машиностроительном факультете МВТУ имени Н. Э. Баумана. А переподготовкой уже существующих инженерных кадров занимается тоже недавно созданный Научно-учебный центр «Робототехника» Академии наук СССР и Минвуза СССР.

— Вы, Евгений Павлович, назначены руководителем этого центра. Какими проблемами он будет заниматься?

— Главная задача — содействие роботизации производства предприятий Москвы. Мы начали с трикотажных фабрик. Вообще в первую очередь нас интересуют стройки, предприятия пищевой, швейной промышленности — отрасли, где роботы еще не применялись, и вместе с тем требующие большого числа людей.

Кроме того, мы будем участвовать в разработке новых перспективных типов роботов, которые ведутся разрозненно, небольшими творческими коллективами буквально во всех министерствах. Это поможет объединить усилия, ликвидировать дублирование исследований, ненужный параллелизм.

— А где сейчас можно увидеть в деле наиболее совершенный промышленный робот?

— Например, на заводе «Динамо». Он очень важен для машиностроения.

...В механический цех завода «Динамо» мы пришли как раз тогда, когда робот выдавал свою первую продукцию: огромный серебристый вал весом больше ста килограммов. Вскоре вал, вмонтированный в электродвигатели, будет вращать колеса троллейбуса, а может быть, трамвая или электропоезда. А пока робот держал экзамен перед эксплуатационниками в присутствии своих создателей — ученых и конструкторов из Экспериментального научно-исследовательского института металлорежущих станков — ЭНИМСа. Имя этого робота УМ-160. Не правда ли, символично — УМ! Однако буквы означают всего-навсего «универсальный манипулятор». Универсальный, потому что он быстро и просто переналаживается с помощью электронной памяти на различные операции. А цифра 160 говорит о весе деталей, которыми робот может манипулировать.

160 килограммов! Что и говорить, сила есть. К тому же он оснащен еще и «мозгом» — вычислительной машиной, без которой он, впрочем, не был бы роботом. Кроме того, конструкторы наделили его одним из пяти чувств — осязанием. Следовательно, УМ-160 — представитель второго поколения стальных тружеников. Специальные датчики, встроенные в лапу, позволяют машине ориентироваться, даже если обстановка изменилась.

С почтением смотрим, как робот трудится. Действия его точны, быстры и очень плавны. Тяжелые болванки, в сто — сто пятьдесят килограммов, захватывает и заряжает в станок, где деталь центруется. Затем в следующих станках деталь последовательно обрабатывается по заданной программе, которая хранится в электронной памяти. Без устали передвигается робот от станка к станку, не позволяя им простаивать ни минуты без дела. Обслуживает он три станка с числовым программным управлением, а длина участка 18 метров.

И вот первый вал готов. Разъехались ограждения третьего станка, робот берет свою первую промышленную продукцию, чтобы положить ее на место, но... несколько человек входят вдруг на рабочую территорию, и машина мгновенно замирает. Сработали фотоэлементы, ограждающие опасную зону. Техника безопасности на высоком уровне!

— Работа выполнена на «отлично»,— констатирует Юрий Георгиевич Козырев. Юрий Георгиевич возглавляет отдел автоматизации ЭНИМСа, а также является научным руководителем по проблеме «Промышленные роботы» Министерства станкостроения. На «Динамо» уже работает одно из его «детищ» — старший брат нашего УМ-160.— Год эксплуатации дал хорошие результаты,— продолжает Козырев.— Пусть такая оценка не покажется нескромной, поверьте, мы относимся к своей продукции гораздо суровей, чем эксплуатационники. И прежде всего мы требуем надежности. Робот должен трудиться полный рабочий день с заданной производительностью без перерыва даже на обед. Он заменяет труд шести человек и производит все операции гораздо быстрее и лучше. Словом, он прекрасно отвечает своему прямому назначению: заменяет тяжелый, неквалифицированный труд людей.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

ЗАХАРОВО ПОЛЕ

В один из осенних дней 1941 года жители оккупированного фашистами села Первая Михайловка, что близ Полтавы, убиравшие остатки урожая в поле, увидели, как неподалеку от них снижается подбитый в бою самолет. Из самолета выбрался раненый летчик. Первым подбежал к нему Савва Маркович Мальцев, помог подняться, подтащил к скирде соломы и спрятал его там. Подоспевшим немецким солдатам сказали, что летчик скрылся в лесу. Вечером раненого перевезли на волах, спрятав на возу под соломой, в село, в дом к Савве Марковичу. Напоили, накормили, приняв всю заботу за судьбу неизвестного им, но ставшего родным человека. Молоденький летчик, как рассказывают очевидцы, «был ранетым у лицо, очима не бачил», раны заживали медленно.

К счастью, дочь Саввы Марковича и Ольги Митрофановны Наташа кое-что смыслила в медицине. Перед самой войной она успела окончить два курса медтехникума. К тому же добрый, ласковый уход Ольги Митрофановны и ее сестры Екатерины, жившей в доме, благотворно действовал на раненого. Наконец наступило время, когда молодой летчик окончательно пришел в себя и окреп. Надо было пробираться к своим. Наташа проводила его на шлях и попрощалась, как с родным братом.

В семье Мальцевых знали, что гостя их звали Захар и что родом он из Грузии, часто вспоминали о нем. Наташу, как и многих советских девушек, угнали в Германию, где она и пропала без вести.

Окончилась война, но летчик Захар Хиталишвили, ставший Героем Советского Союза, не забыл своих спасителей. Разыскал их и сам приехал в село, где ему когда-то спасли жизнь. Войдя в дом Мальцевых, он упал в ноги двум русским женщинам и назвал их матерями. С тех пор дружба семей Мальцевых и Хиталишвили уже не прерывалась. Ездили друг к другу, помогали в беде, как самые близкие, родные люди.

А когда у Захара Соломоновича родилась дочь, он назвал ее Наташей в честь погибшей на чужбине Наташи. В память о своей украинской сестре грузинская Наташа учит украинский язык.

Сейчас уже нет в живых Саввы Марковича и его жены Ольги, но названый сын каждый год приезжает в Первую Михайловку и кладет букет живых цветов на их могилу, к памятнику, на котором выбиты слова:

«ВАШ ПОДВИГ — БЕССМЕРТНЫЙ ПРИМЕР ДРУЖБЫ НАРОДОВ УКРАИНЫ И ГРУЗИИ».

Свидетельством этого братства, скрепленного памятью о битвах за мир и счастье на советской земле, стала дружба колхозников Первой Михайловки с земляками Захара Соломоновича Хиталишвили из совхоза «Акриаспирский» Душетского района Грузинской ССР. Ездят друг к другу в гости и на взаимную проверку соцобязательств, помогают в трудных заботах. В 1971 году Кутаисский завод изготовил из сэкономленного материала автобус «Колхида» с прицепом и подарил первомихайловцам с надписью на борту: «Труженикам колхоза имени Жданова от кутаисских автостроителей в честь дружбы». Девятого мая, в День Победы, на митинге автобус «Колхида» был торжественно вручен ждановскому колхозу.

В том же году колхоз поставил на поле, где когда-то упал самолет Захара Хиталишвили, обелиск. Решением схода колхоза было наречено это поле Захаровым. Возле обелиска посадили дуб и березу как символ нерушимой дружбы двух народов, грузинского и украинского.

Герой Советского Союза, почетный гражданин села Первая Михайловка З. С. Хиталишвили со своими односельчанами.

Хорошая земля на Захаровом поле, труд ждановских колхозников награждает она славными урожаями. В прошлом году исполнилось ровно 40 лет с того дня, когда Герой Советского Союза Захар Соломонович Хиталишвили ступил на ставшую родной землю Первой Михайловки. В честь этого события состоялся большой праздник на Захаровом поле. Хлеб Захарова поля лежал на почетном праздничном столе.

Эту историю рассказал мне отдыхавший в Сочи председатель колхоза имени Жданова, вот уже более тридцати лет бессменно стоящий на посту «колгоспного головы» и лично знающий Героя Советского Союза Захара Хиталишвили с давних пор, Иван Дмитриевич Сидько, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, заслуженный человек.

В. СААКОВА

Сочи.

Юрий КОЗЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

СЕЛО-

Вспоминаются слова великого ученого-естествоиспытателя К. А. Тимирязева: «Возделывающий землю, хотя он сам этого не сознает, является жизненной опорой всей нации...» Оттого-то, знать, и возникает чувство, что все происходящее на земле самым прямым, непосредственным образом связано и с твоей жизнью в городе, оттого-то, читая, что пишут нынче о селе, видишь, что мировоззренческие, философские, исторические аспекты жизни советской деревни все чаще рассматриваются под углом таких понятий, как, с одной стороны, простое и естественное производство хлеба насущного, а с другой — осознание земледельцем важности и необходимости своей миссии на земле. В самом деле: с одной стороны, с каждым годом растет техническое оснащение села, поднимается личное благосостояние сельского труженика, а с другой — как будто убывает ответственность за свой труд, не всегда отношение к труду честное, по-настоящему нравственное. В размахе этих «ножниц» очевиднее невеселое обстоятельство, что слишком уж медленно растет производительность труда на селе, в частности медленно окупаются вложенные в Нечерноземье миллиарды. Об этом прямо говорилось и на ноябрьском (1981 г.) Пленуме ЦК КПСС.

...Я был в этом хозяйстве три года назад. Тогда, помнится, директорствовал в совхозе «Новленский» молодой человек Валентин Иванович Ефимов (сейчас он руководит другим хозяйством), и разговор у нас шел о том, как научить молодых любить землю, привить им уважение к сельскому труду. Ефимов разворачивал на столе шуршащую кальку — архитекторы проводили конкурс на лучший проект сельского поселка нового типа, и строительство в «Новленском» этого поселка — с хорошими, удобными домами, торговым центром, комбинатом бытовых услуг — намечалось начать в следующем (то есть 1980-м) году, о чем Ефимов и говорил с понятной гордостью.

Нынче же, спустя три года, я ехал в «Новленский» с намерением рассказать, как «вживаются» в производство молодые специалисты, вчерашние выпускники Вологодского молочного института. С какими трудностями сталкиваются в первые годы работы на селе, как их преодолевают. Вологодский молочный институт существует уже семь десятилетий, каждый год выпускает примерно пятьсот человек, так что сельские руководители трех поколений здесь — выпускники этого института.

Но вот подумалось: а ведь строительство нового поселка и судьбы молодых специалистов — это очень взаимосвязано. И то, что, как и три года назад, здесь считается, что строительство нового поселка начнется в будущем году, а пока... пока надо подождать, потерпеть,— это, пожалуй, отчасти характеризует сегодняшнюю ситуацию на селе. И я уверен, начни я доискиваться причин — почему не строят? — найдутся десятки «объективных», в данный момент неразрешимых. Все хотят строить, все понимают, что надо строить, но... не могут. Обязательно что-то да не позволяет. Всё будет, всё построим, но... когда? Медленно движется дело, первоначальные планы нарушаются, а человеческий век стремителен. И к тридцати обязательно надо, чтобы была семья, дом, чтобы детей можно было определить в ясли или в детский сад. И те, кто три года назад уехал из «Новленского», наверное, ехидно спрашивают тех, кто остался: «Ну как новый поселок? Как и три года назад, в будущем году начнут строить?» Годы идут, а проблемы же перед здешним селом остаются прежние, то есть... когда-то так и не решенные. И это не может не породить у иных руководителей своеобразной тактики — ухода от решения проблем. Только бы связать концы с концами. Вместо добротных, хороших домов и подсобных помещений — деревянные времянки, которые строят шабашники с юга, весьма условно соблюдающие технологию и правила строительства; вместо прочного закрепления кадров—текучка, прием на работу случайных людей, лишь бы не требовали ничего. Такова реальность, в которой начинают свою работу молодые специалисты. Вот, допустим, кто-то из них был на практике в «Новленском» три года назад. Тогда в совхозе было 1124 коровы, льном засевали четыреста гектаров — совхоз мясо-молочного и льняного направления. Сейчас коров насчитывается 1250, под лен идет четыреста сорок гектаров. Прогресс? Да, но скромный, медленный. А ведь «Новленский» в области на хорошем счету, это прибыльное хозяйство.

...Валентин Грушин — самый что ни на есть молодой специалист. Он окончил факультет механизации сельского хозяйства молочного института несколько месяцев назад и сейчас получает в совхозе «боевое крещение». Валентин Грушин — местный, родом из деревни Погостец. В институт поступил сразу после школы. Отец — комбайнер, мать — бригадир в полеводстве. Так что особенно удивить его чем-либо в «Новленском» было трудно. Все знакомое, родное. Валентин сказал, что большинство питомцев молочного института — сельские люди, знают, куда идут и что их ждет.

— Да. Все вроде знаешь,— задумчиво сказал он,— но... вот сейчас приходится заниматься механизацией процессов животноводства: дойки, уборки навоза, раздачи кормов... В институте изучать все это было куда проще — учебная лаборатория, доильный зал, там все необходимое оборудова-

ние, тут тебе и охладители и пастеризаторы. В институте, например, я не сталкивался с водопроводами. Подразумевалось, что они обязательно должны быть. А здесь самому приходится рассчитывать подачу воды из скважины в башню, потом по объектам. Дальше пошли. У совхоза договор с Кубенским отделением «Сельхозтехники», они должны технически обслуживать хозяйство, ухаживать за нашими доильными блоками. Смотрю: не выполняются работы по графику! Связываюсь с «Сельхозтехникой» — нет запчастей! А для водопровода, которым я сейчас занимаюсь, нет труб. Ладно, достали кое-как четыре километра полиэтиленовых, где взять сварщика? Сварка-то специфическая. В институте что-то говорили о кормоцехах, но так, отдаленно. А сейчас вот навис надо мной кормоцех. Нет для смесителя лопаток. Где взять? Так что сложностей хватает. С одной стороны, многому приходится на практике учиться, а с другой — очень многое, особенно касательно запчастей, на личных связях держится. Приходит новый человек, никого не знает и его никто не знает...

Грушин считает, впрочем, что это объективные, неизбежные трудности и спасовать перед ними может только хлюпик какой-нибудь изнеженный. Куда серьезнее, сказал он, бытовая неустроенность. Вот где можно сломаться.

— Пока живем с женой у родителей,— сказал Грушин,— это восемь километров от центральной усадьбы. На планерке мне необходимо быть каждое утро в семь тридцать. А транспорт — собственный мотоцикл «Иж-Юпитер». Осенью, бывает, дороги так развезет, что никакой мотоцикл не пройдет. Как быть? Жена моя по специальности экономист. А работает сейчас не по специальности — инженером по технике безопасности. Хорошего, естественно, мало. Да и у родителей жить не сладко. Возник тут, правда, один вариант. Предложили нам с женой жилье... Дом этот шабашники строили, в нем же и жили. Прорубили пол, развели под ним помойку. Вонь страшная! Как же жить там? Да и ветром этот дом насквозь продувается. Топить три раза в день надо, где дров напасешь? В общем,— невесело усмехнулся он,— ситуация не то чтобы критическая, но...

И рассказал, как мать его недавно поругалась на планерке с директором. Вернулась домой, сказала в сердцах: «Отец твой тридцать лет на комбайнах да на тракторах работал — ничего почти не заработал, неужели и ты вот так же!»

— Я ее мнения, конечно, не разделяю,— заметил Валентин,— это она сгоряча, но... Сто двадцать пять рублей у меня оклад, добавляют, правда, тридцать процентов от оклада за четкую, безаварийную работу техники.

О ней, о технике, о своей работе Грушин говорил с увлечением. Чувствовалось, что дела, заботы совхоза — это и его дела, его заботы. В этом году, радовался Грушин, заготовили много кормов, значит, молоко будет качественным, хорошим. Здесь поблизости есть торф, компосты на поля легко возить. Вообще у «Новленского» хорошая база для роста. А сколько здесь работает молодых! Он называл каждого поименно, для каждого находил доброе слово. Все было так. Но какая-то обида все же сидела в Грушине. Конечно, он понимал, что сразу ничего не бывает, что первые годы надо терпеть. Но он не хотел терпеть! И, думается, не надо считать максималистом человека, который хочет жить отдельно от родителей и не мучиться вопросом: как успевать на утреннюю планерку к половине восьмого, если по дороге ни пройти ни проехать? Мне кажется, будь он избавлен от этих бытовых изматывающих душу забот, куда больше успевал бы по работе.

...Надежде Сошениной, главному зоотехнику совхоза «Новленский», двадцать четыре года. Институт, зооинженерный факультет, она окончила два года назад. Жилищный вопрос у нее решен, вместе с сестрой живут в трехквартирном щитовом домике. Она рассказала, что животных любила с детства, поэтому проблемами выбора профессии не мучилась. Сейчас в ее ведении одиннадцать ферм, все совхозное стадо.

Она рассказала, что как только начала самостоятельно работать, то первое время видела вокруг одни лишь недостатки.

— Это, наверное, неизбежно. И тут важно как-то пересилить себя. Ведь что часто бывает? Или руки у человека опускаются, или же он становится равнодушным, полагая, что малыми своими силами ситуацию не исправит. А надо работать! Уметь отстаивать свою правоту. Я, например, какие испытала сложности? Знания-то по профессии вроде есть, а вот умения работать с людьми поначалу не хватало. И не только с доярками на фермах. Они, кстати, сейчас куда более восприимчивыми ко всему стали, с чувством собственного достоинства. На повышенных тонах говорить с ними бесполезно, а если под них подлаживаться — на смех поднимут. Особенно демагогов не любят... Ну да это ладно. А я и на совхозных планерках не всегда могла четко и убедительно мысли свои изложить, убедить присутствующих в собственной правоте. Мне кажется, институт должен давать не только профессиональные знания, но и учить людей руководить, умению поставить себя в коллективе, отстоять свою точку зрения. Я так считаю: если в чем уверена, надо до конца на том стоять! Тогда и сама себя будешь уважать, и люди тоже.

Надежда Сошенина считает, что ситуация сейчас в «Новленском» непростая. С одной стороны, конечно, рост. Стадо к концу пятилетки планируется значительно увеличить, построить еще несколько ферм. А с другой — какой же рост, если не на всех еще фермах введена двухсменка! В совхозе пятьдесят шесть доярок, и многие, как говорится, предпенсионного возраста. Молодых — до тридцати лет — всего пятнадцать человек, и только там, где двухсменка. Следовательно, нехватка кадров. Значит, и дисциплина хромает. Спросишь строго, человек сразу в ответ: «Ах, так? Сегодня же увольняюсь!» А заменить-то некем...

Истинный рост возможен только когда все фермы станут двухсменными, это ее, Надежды Сошениной, точка зрения. Иначе не видать тут молодых девчат. Да и откуда им взяться, если трудовую деятельность начинает сейчас молодежь, родившаяся в середине шестидесятых годов, а годы эти высокой рождаемостью не отличались? Сейчас бы закрепить, удержать на селе тех, кто работает — в этом году школьных выпускников в совхозе, например, осталось двенадцать человек,— а уж потом думать, как да за счет чего дальше расти.

Надежда Сошенина в «Новленском» еще и комсорг. Семьдесят комсомольцев здесь, а деревень на территории совхоза... шестьдесят четыре! Чувствуется, конечно, разобщенность, но создали ансамбль, художественную самодеятельность. Они как-то сплачивают молодежь. У Надежды есть мотоцикл, на нем она и ездит по деревням...

Встретился я в «Новленском» еще с одной выпускницей Вологодского молочного института, еще с одной Надеждой — Кириной. Она уже два года работает тут агрономом-семеноводом. Если Валентин Грушин имеет дело с людьми и техникой, Надежда Сошенина — с людьми и животными, то Надежда Кирина — с людьми и землей. Она производила впечатление спокойного, уверенного в себе человека. Разговор, однако, у нас несколько отвлекся от проблем агрономии. Мы говорили: каков же он, недавний выпускник института, работающий на селе? Во-первых, это человек с высшим образованием, во-вторых, пять лет он прожил в городе, в-третьих, как бы работой своей ни увлекался, но остается же что-то и помимо нее. Об этом-то, об удовлетворении культурных запросов и шла речь. Ведь за пять лет обучения студенты — большинство из них из села — как бы успевают стать городскими, а потом им снова предстоит жить на селе. И не всегда эта вторичная адаптация — село—город—село — проходит безболезненно.

Надежда говорила, что в «Новленском» в этом отношении хорошо. Молодежи много — это раз. От города близко — это два. А вот если попадает молодой человек или девушка в расцвете сил в какой-нибудь глухой район, куда только на самолете можно долететь, тогда как? «Многие, кто со мной учился, не прижились на новых местах, уехали...»

Об этом же я беседовал и с секретарем парткома совхоза Екатериной Аркадьевной Рассказовой, она тоже когда-то окончила молочный институт. Рассказова, заметила, что молодым, между прочим, тоже не следует ждать, когда им все принесут на блюдечке. Их в совхозе вон сколько! Им и думать самим, как организовать свой же досуг. Кино, клуб — это все какой-то традиционный отдых, но могут же они и сами чего-то придумывать? А вот этой инициативы, активности, не в работе, а в жизни, в сфере, так сказать, социальной, что-то не видать. Кто уж слишком подсобным хозяйством увлечется, а кто на претензиях к руководству зафиксируется — этого нет, то подай, а вот чего-то главного, объединяющего не чувствуется. А ведь они новая сельская интеллигенция!

...В Вологде я встретился с проректором молочного института по научной работе Анатолием Георгиевичем Елиным. Об этом институте есть что рассказать. Здесь много новшеств и в том, как организован учебный процесс, и в системе студенческих практик. При институте, например, имеются учебное хозяйство — госплемзавод «Молочное», учебно-опытный молочный завод, где студенты знакомятся с технологией производства молочных продуктов. На восьми факультетах тут учатся более двух с половиной тысяч студентов. Вологодский молочный — один из крупнейших «поставщиков» кадров для Нечерноземья.

Но нас сейчас интересовали не те, кто учится, а те, кто уже окончил институт...

— Приживается или не приживается в хозяйстве молодой специалист,— рассуждал Елин,— зависит не только от того, как его там встретят, но и от того, как мы его подготовим морально. Прежде всего стараемся поддерживать тесные связи с выпускниками. Каждые пять и десять лет с года выпуска проводятся традиционные встречи бывших студентов. Здесь не только вспоминаем былое, но выясняем, какие были недостатки в учебном процессе, в воспитательной работе. Что аукнулось? Как можно поправить дело? Не секрет, главная трудность — недостаток практической подготовки. Стараемся сократить часы преподавания теоретических, академических дисциплин, приблизить обучение к практике. Второе — плохо учим студентов работать с коллективом. Теперь в каждую производственную практику входит так называемая общественно-политическая практика, то есть студенты выступают с беседами, лекциями перед теми, кем они будут завтра руководить. Это помогает избавиться от излишней стеснительности, выработать четкость речи, учит точному выражению мыслей. В этом году разослали по хозяйствам, где работают наши выпускники, специальные анкеты: «Как устроились в бытовом плане?» И, наконец, год наблюдаем за выпускником. Иногда в хозяйствах встречают так, что человек хочет уехать. Вмешиваемся. Бывает, что и конфликты возникают...

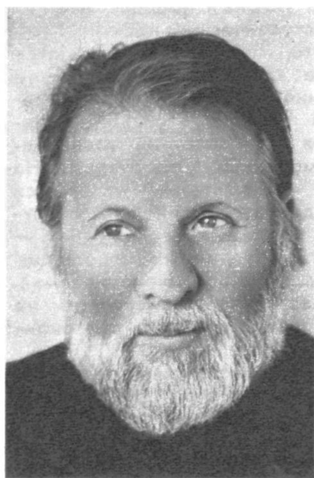
А мне вспоминался недавний разговор с Рассказовой. В «Новленском», конечно, отношение к молодым заинтересованное. Их охотно ставят и управляющими отделений и главными специалистами. И самое важное — это отмечали все, с кем я говорил,— большая предоставлена самостоятельность. Их приказы не отменяются, директор — Анатолий Анатольевич Гусев — мелочной опеки не допускает. Что же касается быта — стараются быстрее предоставить жилье, но темпы строительства... Вот как будет построен новый поселок... Там и детсады и школа с бассейном... И не мог избавиться я от чувства, что по кругу скользят мысли — вновь и вновь возвращаются к этому самому новому поселку,— до чего же он необходим в «Новленском»!

А пока сошлись с Елиным на том, что институт, конечно, институтом, работа работой, но главное — любовь к своей земле, иногда суровой, неприютной, но единственной, потому что родная она! «Возделывающий землю... является жизненной опорой всей нации...»

Хорошо бы строительство нового поселка на сей раз началось в срок!

Вологда — Москва.

ГОРОД-СЕЛО



Алексей МАРКОВ

ХАРА

●

Не убивай свою любовь,
Которой нет уже на свете,
Не назначай свиданий вновь
По истеченье многолетий.

Воспоминаньем пусть живет,
Душеспасительной жар-птицей,
Житейский плавит в сердце лед,
Заветной звездочкой искрится.

...Пусть имя вечное святится...

●

У хозяина хорошего
Скачут дни веселой конницей.
Под тяжелой сладкой ношею
Дерева под осень клонятся.
И посеяно и скошено
К сроку все.
Пусть зависть зарится!
...У хозяина хорошего
И жена вовек не старится.

ЗАБОТЛИВЫЕ

На теплом склоне у пруда
Сидят деды седоволосы.
А день лучист, как никогда,
На водах солнечная россыпь.

Полощут белое белье
Розовощекие девицы,
Как будто мастерство свое
Любая показать стремится.

За пояс юбки подоткнув,
Они взгрустнули не на шутку.
Душевно кто-то затянул
Мотив про гуся и про утку...

Стекает по босым ногам,
Запечатленным Рафаэлем,
Водичка с солнцем пополам,
Дощатым мостиком алея.

Деды взирают на девчат,
Невест с придиркой выбирая,
Ворчат беззлобно на внучат,
Вдогонку свадебного рая...
«В работе поищи жену,
Не на гулянке легкокрылой!» —
Так говорили в старину,
И в этом много правды было.

Облокотившись на плетень,
Старушки глаз с парней не сводят,
Что топорами целый день
Без нот мелодию выводят.
Чурбак березовый вразлет.
Удар! И вновь — по сердцевине! —
Поистине, день кормит год! —
Слова не выдохлись поныне.

Бабуси пристально глядят,
Мужей для внучек подбирая:
Семейный не наступит ад
Вдогонку свадебному раю?

Растет зеленая трава,
Сияет солнышко в зените,
И жизнь, что искони права,
Вы очень строго не судите!

МОЗОЛИ

Мозолистые руки от нее
Он прячет на свиданье то и дело...
А ведь они способны сжать ружье,
В дожди и ветер
жечь костры умело,
Из кирпича фундамент подвести,
Возить на тачках гравий
из карьера...
Они все могут.
Только не в чести
У этих рук строительство карьеры,
Любым путем, пусть так,
чтоб хруст костей
Нечаянных соперников
был слышен...
Он прячет руки от любви своей.
Она —
подвинуться мечтает ближе,
Ей хочется в ладони целовать
Усталые и жилистые руки...
Лишь у того блистает кожи гладь,
Кто раздирает рты
от праздной скуки...

●

Уступлю дорогу женщине,
Место чутко уступлю.
Никому не дам перечить ей
И правами наделю.

В крупном уступлю и в мелочи
Доблесть уступлю труда.
Все отдам ей не жалеючи.
Но свободу — никогда!

ПОХВАЛИЛИ

Девочку спросила молодица,
Почему, не ясно до сих пор:
«Это ты мыть окна мастерица?» —
Та потупила смущенно взор.

В жизни стекол никогда не мыла.
Все же лестно было услыхать —
«Мастерица». И теперь просила,
Чтобы окна мыть велела мать.
И действительно, умелой стала!
Похвала прекрасна на миру.
...В чистых стеклах
всходит солнце ало,
Занавески пляшут на ветру...

РАЗГОВОР

Он говорил. Я слушал, слушал...
Ведь много говорил не зря!
А я свою изранил душу,
Слова напрасно говоря:
Глушить он свистом,
песней начал
Все то, что я провозглашал.

Я в споре вдвое стал богаче,
А он беднее вдвое стал.

ДУРНУШКА

Эта девушка — всегда с цветами.
Кто-то покупает ей цветы...
То тюльпаны, розы, словно пламя,
То фиалки, как весна, чисты —
На столе рабочем перед нею,
По конторе аромат сквозит.

Шепчут перекрашенные феи:
«Надо ж, а невзрачная на вид!
Откровенно говоря, дурнушка...»

А наведавшись к дурнушке в дом,
Говорили,
наклонясь друг к дружке,
Что и там цветы, цветы кругом!
...Нам не дарят флоксы отчего же?
Что-то тут таинственное есть!

Лишь иной,
на сплетниц не похожий,
Сможет напрочь болтовню
отместь.
Он заметит, что перешивает
Девушка пальто в который раз,
Что обедает стаканом чаю,
Но искрятся лучики из глаз.
Всю зарплату — на цветы и только,
Что бы ни случилось — на цветы!

Мать вздыхает горько:
«Олька, Олька!
Ну, когда же поумнеешь ты...»

КИПЕНЬ

Есть на Арбате дворик.
В нем смутная тревога:
Сидит согбенно-горек
В тяжелой бронзе Гоголь.
Как будто утомленный,
Он отдышаться вышел,
И смотрит удивленно
На кипень белых вишен.

...Мы целовались, помню,
Цветеньем пахли губы...
Горячие ладони...
Наверно, это глупо
Под взглядом человека,
Истерзанного болью,
Жестокой болью века...
Но как же быть с любовью?!

Ты говорила: «Годы
Пускай пройдут над нами,
Но не забуду сроду,
Но не погаснет память...»
Сулила: «Что со мною
В пути ни приключится,
Я будущей весною
Примчусь к тебе, как птица,
Вот в этот самый дворик,
Где в тяжких думах Гоголь,
Где ароматов море,
Где сказано так много...»

...Сижу один на лавочке.
Уже вдали — восход...
И в белых, белых фартучках
Вишневый хоровод...

●

Тебе такое, друг, знакомо:
Ты приближаешься к собаке,
К собаке, что живет без дома.
Ее обидеть вправе всякий!
Сторонится она прохожих,
От них — одна головомойка...
Худущая — мослы да кожа, —
Крадется, робкая, к помойкам...

И вдруг, вблизи тебя заметив
И хорошенько присмотревшись
(Бывают странности на свете,
Их не распутать даже лешим!),
Не убегает. Очи плачут,
Как будто ты —
душевный лекарь:
Поверила чутьем собачьим,
Что повстречалась
с Человеком!..

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

В метро читали мы таблички:
«Уступим место инвалидам!»
И уступали.
На привычке
Мир держится, мудреный с виду.
Но вот таблички эти сняли,
И юные сидят в обнимку,
Приметив бабушку едва ли,
Что топчется, зажав корзинку.

Писали раньше «Три минуты»
На телефонных автоматах.
Не токовали возле будок,
Друг другу не сбивали пяток.
Теперь не пишут так на стеклах,
Мол, понукать не надо граждан,
И вот, сознание... подмокло,
По полчаса болтает каждый.

Дощечек нет: «Цветы не рвите!
Нельзя топтаться по газонам!»
Глядишь, иной бульварный витязь
Рвет астры, вопреки законам:
— Где написали, что цветочка
Нельзя сорвать? Ступайте мимо!
...Эх, вы, сынки мои и дочки,
Хозяева страны родимой...

●

Я думал: плачут только люди,
А слезы женские особо
Во мне поток сочувствий будят.
Всегда я перед ними робок,
Послушен, терпелив, растерян...
Но встретился
с такой
однажды,
Что понял: слезы льют и звери,
Добычей утоляя жажду!

ЗАКОНЫ СЦЕНЫ

Меня артист седой подначивал:
— Законы сцены знаешь? Нет!
Здесь искренность нельзя
растрачивать,
Театр имеет свой секрет.
Нужна, чтоб слезы вызвать,
техника,
Чтоб зарыдать, нужна она.
Любая сказанная реплика
Расчета точного полна.
А если слезы лить горючие,
Так где ж тогда набраться слез?
Профессия артиста буднична,
День изо дня... Вот в чем вопрос!
И в жизни так. Душевно, искренне
Не улыбайся, что за блажь!
Живыми не кидайся искрами —
Для дел таких есть камуфляж.
Не хватит сил тебе нервических,
Ни слова от души не рви!
Ты гневайся, но так... технически,
Люби, но только без любви...

К Т Е Р Ы

И понял я, как из задачника:
Напрасно мной истрачен пыл.
Вот потому я неудачником
В глазах «удачников» прослыл...

СОЛДАТ И МАЛЬЧИК

Сапоги начищены до блеска.
Сколько раз бархоткою, видать,
Проходился сердцеед армейский,
Чтоб вот так могли они блистать.

Подворотничок у паренька
что надо:
Белый, как по ниточке подшит!
Словом, форма — или для парада,
Или на свидание спешит.

Так и есть... Вот,
подозвал мальчишку,
В сторону кудрявого увлек
И сует ему в карман записку.

Различаю тайный шепоток:
— Передай сестре и жми обратно,
Да смотри мне,
чтоб ответ был дан.
— Что я, маленький?
Тут все понятно,—
Каблуками стукнул мальчуган.
...До чего ж знакомая картина.
Было так десятки лет назад,
Будет так,
покуда свет не сгинул:
Девушка, братишка и солдат...

ТЕМБР

Может голос моего приятеля
Проявлять характеры людей.
Скрытый жулик —
рявкнет обязательно,
Становясь пантеры дикой злей.

Голос независимый печальника
И глаза, как режущий алмаз,
Встретят у надутого начальника
Загодя решительный отказ.

И по телефону —
тембр нервический
Многим собеседникам не мил,
Не по нраву, видно,
пыл критический,
Обличающий бездушье пыл.

С девушкой захочет
познакомиться —
Вызовет в ответ такой укор,
Что потом терзается
бессонницей.
...Ходит неженатый до сих пор!

...Но когда-нибудь
в дороге встретится
Та, которая поймет его
И от счастья, может быть,
засветится,
От родного голоса того!
Засияют их окошки радостью,
Если сложится судьба, как песнь.
...Будут им завидовать
и пакостить,
Сапогом стараясь в душу влезть...
Удивятся: что нашла красавица?
Никакого обаянья нет...

Только ей единственной
достанется
Голос теплый, ласковый,
как свет...

КАВАЛЕРИСТ

На стертых сапогах подковки,
На брюках кант.
Кавалерист
Седой стоит у самой бровки,
Рука трясется, словно лист.

Стоит он, безнадежно старый,
Ждет: помощь люди подадут.
Но пробегают мимо пары:
Им некогда, заботы ждут!

Ну что ж, зато есть время
вспомнить,
Как несся с шашкой наголо,
Друг с другом сталкивались кони,
Как свет и тень, добро и зло.

Как он рубил лозу жестоко,
Быстрее ветра на скаку,
Склонясь к земле,
хватал платок он —
Все было впору казаку!

А вот сегодня просто бровку
Не может он перешагнуть.
Сощурился... Ему неловко...
Все ж помогите кто-нибудь!..

ГРИБЫ НА АСФАЛЬТЕ

Человеку некуда спешить.
Все уже, наверно, позади,
А вчера лишь торопился жить
И бежал, аж екало в груди,
Так же, как другие, по Москве
Мчатся, не взглянув по сторонам:
План дневной роится в голове,
До земной ли благодати нам?!

Облака? Пусть облака плывут,
И сирень пускай себе цветет...
На рыбалку съездить? Экий блуд!

Глядь, промчался незаметно год,
Глядь, уходит незаметно жизнь...
А сейчас вот, словно по грибы,
Человек идет и смотрит вниз
Без тревог, сомнений и борьбы...

Если поглядеть со стороны,
Видишь что-то вроде кузовка,
И глаза — к земле устремлены:
Углядел грибок наверняка.

...Дочиста асфальт дождем промыт.
Люди, стоп! Взгляните на грибы.
Человек идет, но не спешит:
Не догонишь все равно судьбы...

●

— Все женщины прекрасны! —
Изрек один пиит.
Ей-богу, он напрасно
Такое говорит...

Ужель красоток лютых
Причислим мы сюда,
Что, народив малюток,
Их бросят без стыда?

А то идут — и искры
Летят от сигарет.
В любви — легки и быстры...
Они прекрасны? Нет!

Весь женский род невинный
Собой они чернят,
Так губит мед пчелиный
Попавший в бочку яд.

ЛАСКА

Женщина в столовой придорожной
Ласковая, что родная мать,
Если матерью назваться можно
Всем, кому пришлось здесь
побывать,
Борщ дымящийся поставит гостю,
На тарелке пододвинет хлеб...
«Вот сюда откладывайте кости...»
И смекаешь сразу, коль не слеп:
Не простая тут официантка,
Слишком светом полнятся глаза,
Слишком на работу спозаранку
Поспешает.
На ногах — кирза
(Сохранилася с поры военной,
Словно память о беде былой.
Было трое сыновей отменных,
Пали все на сече огневой...)
Вот она, ладонью подбородок
Подперев, взирает на гостей
И все тягостнее год от года
Вспоминает милых сыновей...

Наслаждаясь добрым аппетитом,
За приход людей благодарит,
И порою у клиентов сытых
Размышленья странные родит.

«Не свихнулась ли совсем седая?
Всякому родною быть нельзя».
А она, котлеты подавая,
Улыбается, сияет вся...

●

Не надо вешать носа:
Вслед мраку — радость брызнет!
Бывают смерти розы,
Бывают розы жизни.

Те — на сырых могилках
И пахнут сном столетий.
Но дерзостно, и пылко,
И смутно пахнут эти...

ЦВЕТЫ

Стоят на подоконнике
Безгрешны и чисты —
Любуйтесь, посторонние! —
Красивые цветы.

Герани темно-алые
Спешат сказать спроста,
Что в доме — не привялая,
Живая красота.

Они пылают, жаркие,
Томления полны,
И мнятся взгляды жадные
Парней, что без жены.

...С косою длинной женщина
Цветы кропит водой.
Все, что судьбой обещано,
Проходит стороной.

Давно лета просрочены,
И отцветаешь ты...
Невинно-непорочные
Зовут, кричат цветы...

НАЗНАЧЕНИЕ

Нет, вы не правы все равно,
Задача мастера другая:
Построить дом, пробить окно,—
Пусть в стеклах солнышко играет!

Но от известки протереть,
От всякой пыли, паутины,
Печь затопить и чай согреть —
Хозяйки дело, не мужчины...

●

О декабристах — горы книжек —
От площади Сенатской до
Сторожевых острожных вышек,—
Как горечь
канувших годов.

Но вот, я узнаю впервые,
Как, может быть, узнаешь ты:
Ввели пришельцы горевые
Обычай разводить цветы.

Сквозь каторжное лихолетье
Светил им тридцать лет подряд,
Как через тучи солнце светит,
Родного дома аромат...

И нынче памятью живою
Цветы горят на площадях:
Гвоздики, примулы, левкои
И розы развевают стяг.

...Цветы нам пышные дарили
На Черноморском берегу:
Нас за стихи благодарили.
Я это в сердце берегу!

Однако вдвое благодарен
Сибири снежной за цветы.
Подумать только, розы дарят!
И это где? Средь мерзлоты...

...Пускай здесь молодость убили
Но не убить души тепло.
Цветы, цветы по всей Сибири,
По всей стране — белым-бело...

●

От одиночества сгорая,
Искал спасения в тебе.
Щедра — от края и до края,
Ты предалась моей судьбе.
Но это только так казалось!
Тщеславья глупого полна,
Тупыми пальцами касалась
Души, не ведающей сна...
Доказывала с новой силой,
Что без тебя мне в жизни крах,
Такою делаясь красивой...
В своих же собственных глазах.

В ДОРОГЕ

— Тяжеленько, небось! —
Вдруг сказал незнакомый.
Мне корзинку поднес
Аж до самого дома.

В электричке я сел:
Чуть подвинулся кто-то,
Сердце мне обогрел
Неподдельной заботой.

Пониманье людей!
Просто малая малость...
Но от боли моей
Ничего не осталось.

А. СОФРОНОВ

В АФГАНИСТАНЕ

В первые дни нашей жизни в Кабуле я написал эти строки:

Слышим в небе самолетный гул,—
Белые в снегах и льдах вершины,—
Принимай нас, утренний Кабул,
Ты позвал нас — мы лететь решили.

Нелегко ты в эти дни живешь,
Древняя и гордая столица;
От тебя врагов бросает в дрожь,
За тебя хотят покрепче уцепиться.

Только ветер радости подул,
От печалей горестных свободный,—
Ты стоишь, как монумент, Кабул,
Доблести высокой всенародной.

Так удобно в темноте держать
Всех людей обманом повсеместно;
За спиной народа все решать,
А народ пусть будет бессловесным!

Только этот век уже минул,—
Коршуны пусть над тобой не кружат!
Здравствуй, вечно молодой Кабул,
Ты теперь, как воин, при оружье!

Солнца луч не просто так сверкнул,—
Засияло солнце неустанно...
Пусть живет и здравствует Кабул —
Знамя и любовь Афганистана!

ВСТРЕЧИ С ПИСАТЕЛЯМИ

Одна из первых встреч, естественно, состоялась у нас с афганскими писателями.

Асадулла Хабиб, председатель афганского Союза писателей, с которым мы познакомились еще в Москве, горячо приветствовал гостей Кабула и, представляя своих литераторов, сказал, что «это люди, которые отдают все свое сердце борьбе за независимость Афганистана и счастье своего народа».

Выступал профессор Абдулхамид Джавид. Он говорил:

— Афганская литература существует века. И это несмотря на то, что народы Афганистана говорят на десятках языков. Афганская литература сыграла немалую роль в развитии всей мировой литературы. Она всегда боролась за мир и дружбу между народами.— И, обращаясь к советским писателям, профессор сказал: — У нас есть такой обычай, что, когда люди приходят в гости, они что-нибудь приносят в дар. Мы очень благодарны советским друзьям, которые много сделали для того, чтобы на хлопковых и других наших полях была вода. Вода — это плодородие.

Выступала поэтесса Лейла Казьян:

— Мы рады приветствовать писателей, которые из многих стран Азии и Африки прилетели в Кабул. И вы и мы прекрасно понимаем, что все силы реакции, империализм и сионизм пытались да и до сих пор пытаются сдержать силу нашей революции. С Афганистаном, по существу, идет необъявленная война. В мировом масштабе наши враги, враги афганского народа, организовали кампанию клеветы на страницах буржуазной прессы, по радио и телевидению обливают грязью наш трудовой народ. Но мы можем вам, друзьям нашим, честно сказать, что это не останавливает нас, я бы даже сказала мобилизует нас, литераторов, на борьбу. Мы прекрасно понимаем, что Афганистан, его позиция находятся сейчас в центре внимания всего мира. Я вижу трагические сцены жизни нашего народа. Вижу матерей, безутешных жен, когда их мужья и дети падают на полях сражений мертвыми или когда их убивают из-за угла. Когда-то мы, афганские женщины, были темными, забитыми. Сейчас мы сражаемся наравне с мужчинами. Женское движение, которое началось после Апрельской революции, является большой силой в нашей стране. Мы теряем в сражениях не только мужчин, но и женщин. Но мы, писательницы, гордимся, что стоим в одном ряду с теми, кто сражается за свободу афганского народа.

На этой встрече выступали и гости. Палестинский поэт Моин Бсису сказал:

— Снег приносит счастье. (Накануне в Кабуле выпал снег.) Кровь борцов за свободу открывает дорогу к победе. Палестина горячо поддерживает борьбу Афганистана. Что может подарить революция революции? Слово поддержки друга. И мы знаем, что наша сила, прогрессивная сила победит врагов. За свое предательство уже расплатился жизнью Садат. Арабские народы вместе со всеми прогрессивными силами вынесли смертный приговор империализму и сионизму. В наших руках не только перья, но и обычное оружие.

Так же страстно говорил египетский поэт Абдуррахман аль-Хамиси:

— Почему мы собрались в Кабуле? Для какой цели мы здесь? Мы для того в Афганистане, чтобы слить борьбу наших народов с борьбой афганского народа. Сейчас решается вопрос жизни и смерти, идет борьба справедливости с несправедливостью. Под знаменами свободы мы все едины, независимо от цвета кожи. Здесь, в Кабуле, мы понимаем, что будущее народов зависит от нашей сплоченности,— наше искусство, литература вдохновляют борцов за справедливость.

С интересом в этот вечер мы посмотрели два фильма, в которых наглядно была представлена борьба афганского народа за свободу. Около двух лет прошло всего, как был уничтожен прославившийся фашистскими замашками диктатор Амин. К власти пришло правительство Бабрака Кармаля. В одном из фильмов наряду с волнующими кадрами были и смешные. Так, Амин пытался оставить «для истории» кинокадры, где он предстает бедным, в плохой одежде. Но биография этого авантюриста известна. И пришел он к власти после того, как предыдущий глава правительства Тараки был ночью задушен во дворце.

Когда-нибудь все это будет осмыслено и показано теми афганскими писателями, с которыми мы встречались. А впечатление от встречи осталось сильным и памятным.

НЕМНОГО О ЖИВОПИСИ

С архитектором Гайратом Гулямом мы не просто познакомились, но и духовно сблизились в первые же дни пребывания в Кабуле. Архитектурному искусству он учился в московском институте. Здесь на его плечах лежит ответственность за немалый участок постройки нового района. Гайрат Гулям отлично говорит по-русски. «Всегда при первой возможности, стараюсь побывать в Москве. Полюбил вашу столицу и людей, с которыми приходилось встречаться. В Москве у меня немало друзей».

Он очень нам помогал многое увидеть и понять. Знакомил с новыми людьми. Когда мы были на выставке фотографий, изобличающих бандитов и террористов, убивающих мирных жителей Афганистана (часть фотографий с выставки афганских репортеров печатается в этом номере), Гайрат познакомил меня с молодым человеком, даже внешностью своей как бы имеющим непосредственное отношение к художническому миру.

— Аслам Акрам — заместитель председателя Союза художников Афганистана.

Я понимал — лишних вопросов задавать не следует: Союз художников очень молод. Фотовыставка располагалась в административном помещении Союза художников. Несколько картин висели в разных комнатах, но они как-то терялись среди тяжких фотодокументов. Разговаривать здесь было просто невозможно. Мы договорились, что обязательно встретимся перед отлетом.

В последний вечер ко мне в номер вошли Аслам и Гайрат. Что-то в облике Аслама, в его одежде было привычное, европейское. Я не ошибся. Тридцатилетний художник был тесно связан с художниками Парижа. Первый раз он попал туда десять лет назад, учился в Париже. А для того, чтобы учиться, надо было работать.

— Конечно, вспоминаю Монмартр,— говорил Аслам.— Там даже если и не хочешь рисовать — рука сама потянется к кисти. Так и я — шел на Монмартр, садился где-нибудь в привлекательном для меня месте и рисовал. Рисовал и все же думал: а вдруг что-нибудь продам? И однажды какой-то японец купил у меня мои пейзажи на пятьсот франков. Это и было начало моей художественной деятельности. После этого я как бы стал серьезней и начал уже писать картины. В семьдесят втором году несколько десятков картин я выставил в музее современного искусства. Сорок из них были куплены.

— Случайно в Париже не покупают,— улыбнулся Гайрат.

— Не покупают,— совершенно серьезно подтвердил Аслам.— Но я еще учился химии и биологии. Это не мешало живописи. Я подружился с Парижем и французскими художниками. За эти годы в Париже у меня состоялось двенадцать выставок... Сейчас готовлюсь к тринадцатой.

— Кто вам близок из художников?

— Ван Гог, Сезанн... Это, пожалуй, лучшие представители импрессионизма. Сейчас хочу сделать все, чтобы ближе познакомиться с русскими художниками.

...Позже нас позвали еще на одну прощальную встречу. Мы уже протянули друг другу руки, но Гайрат, как всегда все помнивший, что-то сказал по-афгански Асламу.

— Ах, да! — воскликнул Аслам.— Я принес вам слайды своих картин. Может, пригодятся? — Он протянул мне красную маленькую коробочку со слайдами.

Думаю, что слайды пригодились. Несколько репродукций работ Аслама Акрама мы публикуем на последней обложке этого номера.

В МУЗЕЕ ТРОФЕЙНОГО ОРУЖИЯ

Еще с вечера нас предупредили, что на другой день утром мы отправимся в один из музеев, где собрано трофейное оружие американского, китайского, египетского производства, оказавшееся в руках бандитов — тех, кто засылается постоянно на землю Афганистана.

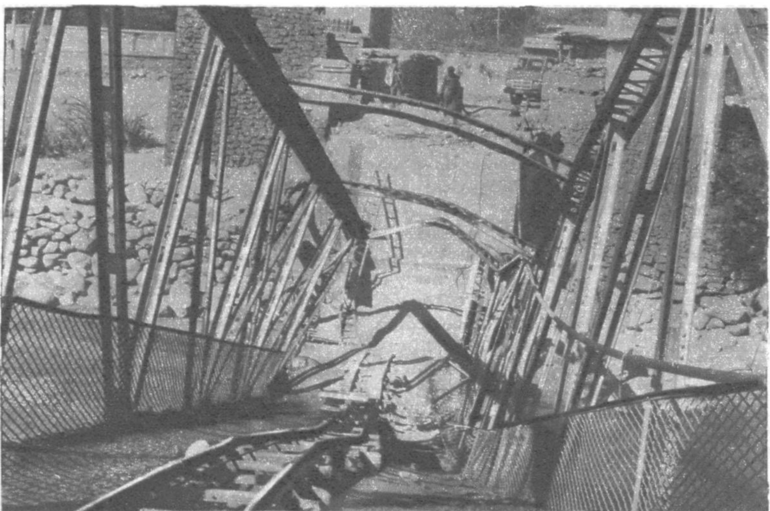
Это действительно был настоящий музей. На стеллажах и полках

Окончание. См. «Огонек» № 6.

Бойцы отряда защиты революции.

Всегда начеку...

Мост, взорванный бандитами.



Этими деньгами оплачивались диверсии.

лежало, висело, было расставлено, но в образцовом порядке самое разнообразное оружие. Подполковник Хайир Мохаммед подробно объяснял нам, где, какое и откуда оружие. Мы спросили подполковника:

— А вам лично пришлось воевать?

— Конечно. Как же иначе?

А затем он рассказывал о том, чем наполнен этот необыкновенный музей:

— Вот 83-миллиметровая ракета из Соединенных Штатов. Дальность действия — 800 метров. Прошивает насквозь танки. Это трофей. Ракеты захвачены в боях. А это вот бомба замедленного действия. А это противоартиллерийские мины английского производства. А вот мина для взрыва мостов. Вот это парная коробка. Она из Китая. Предназначена для поражения живой силы. В основном этим оружием минируются мосты, где проходят солдаты. Вот автоматы из Соединенных Штатов. А это — из Китая. Это — из Египта. Вот эти тяжелые автоматы из Соединенных Штатов Америки. А эти минометы — английского производства. А вот эти винтовки обычные. Это китайские. И снова автоматы английского производства. Даже из ФРГ имеется здесь оружие. А вот это — снова из Китая. Эти винтовки удобны для применения в городах и селах.

Кто-то из нас пошутил:

— Подарили бы нам по сувениру.

Подполковник ответил серьезно:

— Надеемся, настанет день, и мы сможем подарить друзьям и эти сувениры.

На одном из стеллажей лежало много пистолетов. А на другом, здесь же, по соседству,— маленькие бомбочки, сделанные из водопроводных труб. Весь этот «урожай» был собран на равнинах и в горах Афганистана.

Музей впечатляет холодными стальными прикладами, дулами, курками, минами — всем тем, что носители смерти безжалостно отправляют сюда, в Афганистан, в тщетной надежде задержать победное шествие афганской революции.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Привожу некоторые отзывы — впечатления разных людей, побывавших в Афганистане. На мой взгляд, они достаточно объективны.

Вальтер Люти (газета «Бунд», Швейцария)

В Кабуле, столице Афганистана, наблюдается удивительно спокойная обстановка. В аэропорту стоят несколько небольших транспортных самолетов и военные вертолеты. Правда, афганские солдаты с винтовками с примкнутыми штыками у зданий некоторых министерств и других общественных зданий, милицейские патрули свидетельствуют о том, что революция здесь еще не закончилась.

...Комендантский час начинается в десять часов вечера, то есть когда улицы в таком городе, как Кабул, так или иначе пусты. Оканчивается он в шесть утра. Никакой ночной жизни в городе нет да никогда и не было. Около половины десятого бронетранспортеры, большей частью группами по три машины, проходят по улицам и занимают позиции в некоторых важных стратегических пунктах города...

О нормальном положении на базаре, на площадях и улицах рассказывают также дипломаты и иностранные торговцы. Все сходятся во мнении, что Кабул, насчитывающий в настоящее время 800 тысяч жителей, находится под контролем правительства.

В провинции Нанграхар продолжаются бои. Во время поездки по очень красивой местности, окруженной заснеженными склонами горных массивов Нуристан и Сулейман, мимо обработанных полей создается впечатление спокойствия. Но оно обманчиво. Если 40 километров от Кабула до Пагмана мы ехали без сопровождения, то 80 километров от Джелалабада до Торкхама нас охраняли солдаты.

— В последнюю неделю, — говорит наш шофер-пуштун, служащий в афганской армии, — они снова появлялись то тут, то там.

Мятежники не ведут полевых сражений, не проводят крупных наступлений, они нападают на отдельные объекты. Мы видели разрушенную мельницу образцового хозяйства, располагающего 3200 гектарами земли, созданного в 1964 году неподалеку от Джелалабада с советской помощью. Во время одного из налетов была полностью разрушена транспортная база фермы, на которой трудятся более 1500 крестьян. Мятежники предпочитают нападать, причем не только в пограничных провинциях, на школы, в которых они усматривают базу революции и центры прогресса. Местные партийные руководители рассказывали нам, что жертвами нападений становятся учителя и школьники.

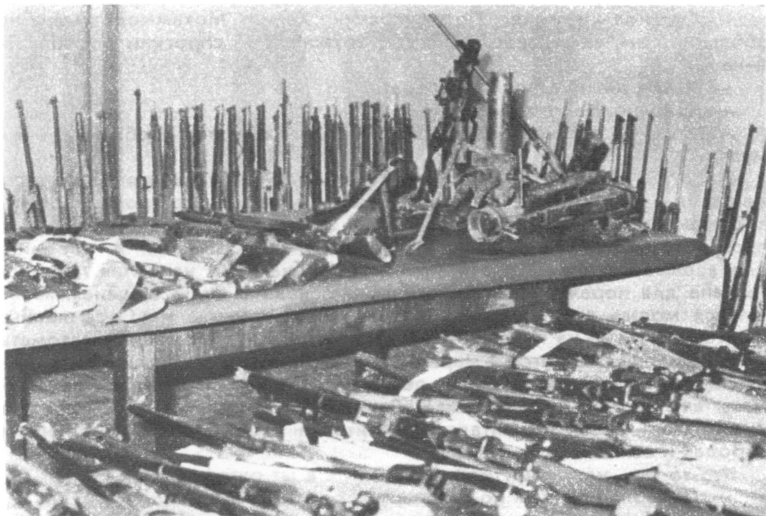
...Сейчас, когда заговариваешь с людьми о периоде правления Амина, они с облегчением говорят о нынешнем правительстве. «По сравнению с периодом господства Амина, — сказал один фотограф, — мы живем в нормальное время. Амин дискредитировал революцию и посеял среди афганцев опасения и недоверие по отношению к руководству»...

Идеологически исходный пункт и цели афганской революции остались теми же самыми: ликвидация феодализма, преодоление племенных структур.

«Европа освободилась от феодализма, а почему это не должно произойти в Афганистане? Мы начали делать это, правда, возможно, чересчур поздно»,— сказала министр просвещения Анахита Ратебзад.

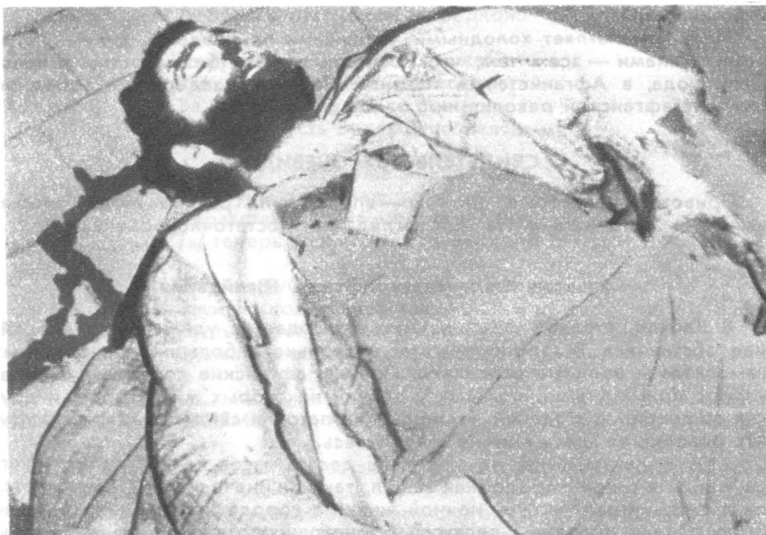
Рон Браун, депутат английского парламента (журнал «Лейбор мансли», Великобритания)

Мы хотели встретиться с некоторыми руководителями, в том числе и с Б. Кармалем, а также посетить отдельные районы страны — цель, которую мы преследовали, состояла в том, чтобы проверить некото-



Таким оружием снабжают бандитов.

Жертва террора.



рые сообщения, появляющиеся на Западе... После некоторых колебаний — или мне так показалось — нам сказали, что мы сами можем разрабатывать нашу программу действий и на нашем пути не будет никаких препятствий. Например, мы могли пользоваться нашими фото- и кинокамерами, куда бы мы ни пошли.

В четверг мы встретились с Анахитой Ратебзад, энергичной и приятной женщиной немногим старше 50 лет. Она — председатель Демократической организации женщин и говорит по-английски. Разъяснив бюрократические ошибки режима Амина, она сказала, что правительство не отказывается от своего обещания ликвидировать 98-процентную неграмотность среди женщин. К нашему удивлению, она утверждала, что многие среди духовенства сейчас поддерживают кампанию за эмансипацию женщин, очевидно, изменив свое отношение к правительству «неверных».

Затем мы поехали к местному пограничному посту на границе с Пакистаном. По дороге я видел, что афганские войска охраняют мосты, и я замечал все больше рабочих и крестьян, вооруженных пулеметами и винтовками. Мне сказали, что эти люди входят в народную милицию и используются для охраны школ и деревень от нападений «мятежников», которых они называют бандитами.

Конечно, в пограничном районе чувствовалась напряженность, но единственный инцидент произошел на обратном пути в Джелалабад. Выскочив из своей машины, полицейские окружили выемку на краю дороги. После нескольких окриков из нее вышли, плача, трое детей кочевников, и мы все с облегчением рассмеялись.

Филип Шпильман, корреспондент швейцарской газеты «Унзере вельт»

После широко распространенных сообщений об «убогом», «самодельном», «совершенно устаревшем» оружии бандитов, именуемых на Западе «борцами за свободу», немалое удивление вызывает богатая коллекция трофейного оружия, собранная в специально созданном музее в Кабуле. Все, что было захвачено у бывших помещиков и эксплуататоров и у находившихся у них на службе бедных, забитых людей, имеет мало общего с оружием каменного века. Здесь можно увидеть не только сотни автоматических винтовок, карабинов и другого огнестрельного оружия, но и минометы. Кроме того, там выставлены гранаты, мины, боеприпасы самого различного типа и даже сделанные в США гранаты с отравляющими газами. Оттуда, а также из Китая, Пакистана и Египта поступают не только военные материалы, но и инструкторы, работающие в организованных в настоящее время лагерях в Пакистане, неподалеку от границы с ДРА. Не только «добровольцев», но и насильственно удерживаемых членов кочевых племен обучают там убийству деревенских учителей и специалистов-ирригаторов, изгнанию населения целых деревень, угону отар овец, сожжению школ и террору против населения. В качестве «альтернативы» усилиям Народно-демократической партии афганские мятежники предлагают убийства вместо знаний, разрушение вместо созидания, опустошение вместо хлеба. В этом мы могли сами убедиться во время двухдневной поездки в город Джелалабад, находящийся на востоке страны...

От Джелалабада до пакистанской границы немногим более 70 километров. Стоя непосредственно на разделительной полосе у пограничного пункта Торкхам, мы с удивлением смотрим на «свободный рай» Зия-уль-Хака, являющийся «последним оплотом прав человека» в этом районе мира. В ста метрах от нас мы замечаем афганские грузовики, направляющиеся в нашу сторону. Один офицер объясняет нам, что пакистанцы не пропустят никого через границу, пока мы, журналисты, будем там находиться, но обычно через границу постоянно прибывают люди. За последние шесть дней в Афганистан возвратились 450 семей...

Где бы мы ни были — беседовали ли мы с членами правительства, осматривали ли строительство завода по производству оливкового масла возле Джелалабада, либо встречались с членами бригад по охране общественного порядка (представляющими собой специальные подразделения Демократической организации молодежи Афганистана,— всюду наши хозяева выражали одно и то же простое пожелание, а именно: чтобы мы объективно написали о том, что видели, а не распространяли ложь об их стране. Действительно чувствуется, насколько важно это для афганцев и как глубоко они надеются на то, что их поймут. То, к чему стремится эта страна в первую очередь, не значит почти ничего для Европы, но для Афганистана значит очень многое: обеспечить всех пищей, дать всем образование и достойную человека жизнь. И мы должны внести вклад в это дело.

Закария Шахин, палестинский журналист, «Шесть дней в Афганистане» (отрывок из книги).

Народ Афганистана сплочен вокруг революционной партии и правительства, руководимых Бабраком Кармалем. Куда бы ни пошел, к кому бы ни обратился, видишь, что все товарищи полны веры и надежды, уверены в окончательной победе над силами заговорщиков и реакции, окопавшимися за пределами страны, и их агентами внутри ДРА, уверены в построении социалистического общества, свободного от эксплуатации человека человеком...

...Что же касается афганского духовенства, то оно решительно заявляет о своей поддержке нынешнего правительства ДРА. Муллы многочисленных мечетей в своих проповедях призвали население к поддержке существующего в стране режима, а проповедники большинства мечетей столицы призвали верующих не предоставлять какой-либо помощи мятежникам. Поддержка афганским духовенством правительства Бабрака Кармаля ясно проявилась и в ходе первой конференции улемов, состоявшейся во дворце Салам Хана в Кабуле...

США были и останутся основным источником снабжения контрреволюционных банд, которые просачиваются на территорию ДРА, прежде всего с территории Пакистана. Враги афганского народа получают от США ракетное оружие, минометы, артиллерийские орудия, джипы, оснащенные огнеметами, базуки, пулеметы и винтовки, в том числе новых образцов. Из американских арсеналов банды получают также отравляющие вещества, которые применяются для подрывных акций в Кабуле и других городах ДРА. Американское правительство поощряет другие страны на продолжение и увеличение военной помощи контрреволюционным элементам. Отряды наемников, совершающих вылазки со своих баз в Пакистане, получают оружие из Китая водным путем, по Каракорумскому шоссе, а также по воздуху...

...Вместе с тем Советский Союз не может занимать безразличной позиции в отношении судеб других народов, особенно тогда, когда эти народы подвергаются агрессии, угрожающей их независимости. Подлинным борцом за мир является тот, кто на деле, а не на словах ведет решительную борьбу против агрессивной политики империализма и его попыток поработить другие народы и превратить их в своих марионеток. В подобных вопросах Советский Союз неизменно занимал принципиальную позицию...

Разумеется, Советский Союз не мог оставаться безучастным, видя, как агрессивные империалистические силы топят в крови афганскую революцию, ведут подготовку к тому, чтобы превратить Демократическую Республику Афганистан в базу неоколониализма, в плацдарм для осуществления враждебной СССР деятельности...

Иногда пытаются представить дело таким образом, будто бы против Афганистана не осуществляется агрессии, а следовательно, нет никакой необходимости в присутствии там советского воинского контингента. Но кто же тогда стреляет в афганских граждан, кто взрывает мины, почему вспыхивают пожары и гибнут люди? Все это — результат действий тех, кого международное право осуждает как наемников и преступников, то есть как лиц, завербованных на месте или за пределами страны с целью участия в вооруженных вылазках...

В этих записках я привожу впечатления разных людей, побывавших в Афганистане. Подобных высказываний значительно больше. Но думается, что наши читатели увидят правду в тех непредвзятых словах, которые высказали эти люди, побывавшие в Афганистане, представляющие разные страны и разные социальные группы.

...Вот и снова кабульский аэродром. Рукопожатия афганских и советских друзей, провожающих нас. Самолет в воздухе. И под нами уже лежит Кабул, освещаемый зимним солнцем, белые сияющие снега на вершинах гор. И в сердце — чувство еще одного открытия, теперь уже открытия нового, свободного Афганистана.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. П. ОРЛОВОЙ

ЛЮБОВЬ НЕУХОДЯЩАЯ

Простое русское имя Любовь, а будто несет в себе некое обещание. Несет судьбу.

Быть может, об этом и думали, этого и хотели родители будущей знаменитой актрисы, которую действительно любили все.

Став любимицей своего народа, Любовь Петровна Орлова прожила в искусстве жизнь редкостно счастливую. Участие ее в фильме заранее делало картину «звездной», сулило встречу с прекрасным. И ни разу актриса не обманула зрительских ожиданий. Не изменила ни тем, кто восторженно смотрел на ее героинь и влюблялся в них, ни, что главное, самой себе. Всю жизнь отдавала она творчеству и работала, не жалея сил. А мы видели конечный результат этих усилий: искренность, изящество, свет души, талант. Всеми этими качествами Орлова щедро наделяла своих вроде бы простодушных, «простонародных» девчонок, стремительно растущих, увлеченно созидающих советскую новь... Разве только однажды — в финале «Светлого пути» — героиня Орловой возникла на экране вдруг очень уж пышно. Но даже и тут актриса оправдала финал. И не показалось совсем уж невзаправдашним, нарочитым даже «летание» героини в облаках на... автомобиле! Эта метафора, хоть и слишком прямолинейная, все-таки выразила мечту народа о будущем — самые масштабы мечты. И кроме того, она со временем сбылась, сама-то мечта: полет бывшей ткачихи в небо, в космос свершился...

В пору триумфального появления «Веселых ребят» уже тогда догадывалась актриса и о многих других своих возможностях. Творческий арсенал Орловой — ее нравственные запасы, глубина собственных представлений о задачах искусства — заставлял стремиться к поискам внутренней сложности образов, выявлять диалектику души. И это показал «Цирк», картина неувядаемая, ставшая классикой мирового кино. Здесь уже выявилось особое, драматическое начало в актерском существе, во всем внутреннем облике самой Орловой. И если бы Любовь Петровна ничего, кроме «Цирка», в кино вообще не сыграла бы, мы все равно стали бы, наверное, помнить созданное ею всегда.

Героиня этого веселого, искрящегося, полукомедийного фильма проживает напряженную и сложную, «двойную» жизнь. Помните: Мэри поет песенку... Голос звучит сильно, звонко, будто радостно, а в душе Мэри тревога, ужас... Даже не за себя, не за свою участь она тревожится, а за свое дитя, мальчика-негритенка. Здесь, у нас, в Советской стране, она все еще прячет, скрывает сына от людских глаз, как свой позор и несчастье, как злую, постыдную тайну... Зато каким же восторженным изумлением отблагодарит она людей, как засветится и вся засверкает в те минуты, когда народ — великое множество людей — словно усыновляет ее ребенка, ласково и бережно передавая черного малыша из рук в руки...

Впрочем, нужно ли об этом напоминать сегодня? Телевидение, славу богу, возобновило показ фильма «Цирк», который не просто забавляет зрителя, а славит интернационализм как качество советской души, живое проявление советского дружелюбия и братства.

Теперь новые и новые поколения зрителей смотрят «Цирк» на экранах ТВ. И остается только пожалеть, что не были в свое время записаны телевидением работы, созданные Л. П. Орловой на сцене Театра имени Моссовета. В каждой из них особенно раскрывалось тонкое умение актрисы наполнять роль сложностью, неповторимостью внутреннего мира. И образы, казалось бы, прочно обжитые ею в репертуаре, порою по-новому оживляла Орлова какою-то виртуозной, неожиданной, изнутри звучащей нотой, какою-то пластической находкой. Так, всегда с упоением играла Любовь Петровна в «Милом лжеце» Килти свою Патрик Кэмпбелл, известную актрису Англии, а ее партнер Ростислав Янович Плятт выступал в роли Бернарда Шоу. Спектакль шел на тончайшем совместном артистическом постижении тех обоюдных, скрытых от всех чувств, которые, переплетаясь все крепче, с годами становились и больней. И нерасторжимее. Но ведь эта неуходящая любовь, оказавшаяся таким испытанием для героини Орловой, снова и снова ее возвышала, давала ей новые силы жить и творить. Именно отсюда, наверное, возникала в «Милом лжеце» поразительная сцена из «Пигмалиона» Шоу, где Орлова, мгновенно преобразившись в Элизу Дулитл, озорную и дерзкую девчонку, рыночную продавщицу цветов, прыгала и дурачилась, вволю издеваясь над окружающими ее почтенными леди и лордами из «высшего общества»... Здесь возникало чудо преображения, найденное как бы внутри самого преображения: Орлова создавала Кэмпбелл, и уже Кэмпбелл создавала Элизу... Короче, это был шедевр. Однако сама Любовь Петровна после спектакля порою спрашивала:

— Ну, как все прошло?.. Получилось?..

По-прежнему оставалась она беспощадно требовательной к себе; ее домашняя жизнь представляла собою — как у балерины — непрерывный тренинг. Даже в выходные дни, даже на даче во Внукове, когда все кругом, изнывая от жары, находили укромные местечки для отдыха, она уходила в пешие далекие прогулки: спортивная ходьба тоже составляла обязательную часть ее жесткого режима...

Своим великим личным счастьем Любовь Петровна справедливо считала неразрывный жизненный — творческий и семейный — союз с выдающимся советским режиссером Г. В. Александровым. Будучи настоящими, большими художниками, они оба с редким согласием служили искусству, не зная вроде бы ни усталости, ни старения, захваченные созиданием, исполненные интересных замыслов...

Кажется, такая же, как всегда — красивая, молодая, улыбающаяся,— появилась Орлова на экранах ТВ несколько лет назад... Она была уже смертельно больна, и мы увидели ее, не зная этого, в последний раз. Но она не только сохранила за собою, увековечив в истории советского искусства, первородство своих давних отчаянных девчонок: она и сама не ушла из нашей жизни, из нашей памяти, из нашей действительности—эта неповторимая Любовь...

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

«...Лежали с вечера на мокром, обдуваемом злым мартовским ветром бугре восемь человек. Ждали эшелон. А эшелона не было, и только мотались туда-сюда из Готни сторожевые дрезины, и Рокотов разглядел, что в отличие от обычного, на каждой по два пулемета и по нескольку солдат».

Партизаны ждут эшелон, чтобы не дать врагу вывезти в Германию ценный, засекреченный груз. И когда в грохоте и пламени взрывов они прорываются наконец к вздыбившимся на рельсах вагонам и откатывают в сторону тяжелые двери, их сбитые пальцы погружаются в волну мягкого, отборного... чернозема.

Таков неожиданный пролог нового романа Олега Кириллова «Всё на земле». Он о тех, кто живет сегодня заботами земли, сохраняет ее богатства. Эстафета памяти, завет не вернувшегося из боя отца придают особый смысл словам и поступкам его сына, секретаря райкома Рокотова. Дорогой ценой заплачено им за право бороться против расходования многих гектаров невосполнимого чернозема под проектируемый карьер горнорудного комбината.

Директор комбината Дорошин — главный оппонент Рокотова в романе. Что же, очередной производственный конфликт хорошего руководителя с «плохим»? Нет, все обстоит не так просто. Дорошин — человек, преданный своему делу, натура недюжинная, яркая. И дело у него с Рокотовым общее. Он понимает обоснованную тревогу секретаря райкома, ему близко хозяйское отношение того к земле. Но и сам он исходит из конкретных нужд страны, действует во имя необходимости.

Дело, выходит, общее, а правота — разная. Оба героя нуждаются друг в друге, и каждый нужен на своем месте. Не сразу возникает между ними приязнь, не сразу рождается взаимное доверие, однако оно скреплено нелегким опытом проб и ошибок, а значит, способно помочь правильно решить возникшую проблему.

Романы «Лихолетье», «Сполохи» (продолжением которого является «Всё на земле») познакомили читателей с примечательной галереей образов людей послевоенной деревни, с их несуетными думами и будничными хлопотами. В новой книге они окружены повзрослевшими «наследниками», выбирающими свои дороги в жизни.

Особенно удаются О. Кириллову сцены сельского быта. Здесь его повествование обретает весомость и глубину, расцвечивается зримыми деталями.

...Автор прощается с главным героем на перроне вокзала, когда тот садится в московский поезд. Впереди его ждут «первые победы, поиски друзей, расставания с ними... сомнения, любовь, ошибки... У него будет все, как у всех людей, живущих на нашей... маленькой, шумной, ласковой и строгой земле».

Ю. ОСИПОВ

Олег Кириллов. Всё на земле. М., «Советский писатель», стр. 424.

ИВАН ШИШКИН

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Как поистине велики художники, у которых неизбывный запас духовных сил и жизненных наблюдений выливается в форму предельно ясную, простую, доступную самому широкому зрителю. Искусство таких мастеров лишено даже намека на какую-то особую усложненность либо закодированность, наоборот, вся философия их полотен суть гимн живой природе, красоте натуры. Эти живописцы, как правило, чуждаются эффектов, ошеломляющих состояний. Их творчество напоминает неторопливую песнь — эпическую и привольную, а полотна требуют пристального, неспешного разглядывания, порою вслушивания, ибо каждая картина такого художника населена множеством звучащих деталей, дающих в сумме ни с чем не сравнимое, никогда не покидающее нас впечатление. Лучшие холсты подобных художников становятся вехами в развитии искусства страны, в которой они жили и писали. Соотечественники гордятся их картинами, как национальными сокровищами, настолько велико обобщенное чувство гражданственности и ощущения Родины в этих реалистических станковых произведениях.

Казалось, что могло в середине девятнадцатого века быть банальней и обыденней для любого жителя средней полосы России, чем вид соснового леса или поля спеющей ржи. И, однако, надо было появиться Ивану Шишкину, чтобы создать творения, которые до сих пор являются непревзойденными произведениями ландшафтного искусства, в которых с поразительной ясностью, как будто впервые видишь новые заповедные места. Перед нами предстают буйные хвойные заросли, тучные нивы, неоглядное раздолье Руси. Никто до Шишкина с такой ошеломляющей открытостью и с такой обезоруживающей сокровенностью не поведал зрителю о своей любви к родному краю, к неброской прелести северной природы. Ведь сколько художников до него видели все это богатство. Бери кисть, палитру, холст — пиши! И однако парадокс всякого большого создания истинного художества заключается в том, что оно бесконечно д о с т у п н о и в то же время непостижимо с л о ж н о в своей непередаваемой простоте, требующей от автора великой зоркости души, богатства сердечного добра и, главное, безграничной любви к природе, миру людей. Не в роскошном колорите, не в мудреной архитектонике композиции, не в сюжетных ухищрениях сила полотен Шишкина. Нет, картины мастера предельно, порою до наивности непритязательны, незамысловаты. Но в этой на первый взгляд кажущейся несложности — исполинский темперамент дара русского живописца.

Невольно задаешь себе вопрос. Почему Иван Шишкин — живописец ровного, сильного, спокойного темперамента вызвал такую бурю чувств у своих противников? Едва ли кто из старых русских художников, кроме, пожалуй, Виктора Васнецова, исторг такую кипень критики, как Шишкин. В чем здесь секрет? В открытой приверженности мастера к любимой им теме? Пожалуй, в том, что искусство Ивана Ивановича Шишкина, как, впрочем, и искусство Кипренского, Брюллова, Александра Иванова, Репина, Левитана, требовало огромной школы, знания и непрестанного, тяжелейшего труда. Все эти свойства потеряли свою притягательность, когда в мир искусства шагнули тысячи дилетантов, которые за счет изрядного грохота сделали все, чтобы смять, сломать традиции и сделать доселе недоступное искусство вседоступным, а манеру исполнения своих опусов — любой, то есть вседозволенной.

Взгляните на старые семейные фото. На добрые морщинки в уголках глаз деда. На серьезно смотрящих в фотоаппарат молодых отца и мать. Наконец, окиньте взором себя, несмышленого мальчишку или юнца... Невыразимые чувства рождают эти незамысловатые, выцветшие изображения.

Почему? Потому, что каждая из них вызывает поток ассоциаций. Встревоженная память мгновенно отвечает рядом наплывающих один на другой образов. Нечто подобное испытываешь, глядя на картины больших художников, увиденные в детстве, слушая романсы и песни, которые пели в школьном хоре или запомнил в юности. Попробуйте сходите на «Синюю птицу» Метерлинка во МХАТ, и вы захлебнетесь от воспоминаний. Все, все как живое предстанет вновь. И сани, синяя московская зима и торжественная тишина, восторг мига, когда открывается волшебный занавес. Все это наша жизнь. Поэтому, когда мы входим в Третьяковку и глядим на «Рожь» Шишкина или на его суровые сосновые леса, то уже не просто живопись предстает перед нами. Нет. Это во всей грандиозности вырастает тот зрительный ряд образов, который формирует душу человека, гражданина своей страны, как Красная площадь, Кремль, собор Василия Блаженного.

Когда я слышу нападки «знатоков» на Чайковского — это, «мол, слишком понятно и тривиально» или внимаю претензиям к старому МХАТу — «это прекрасно, но, простите, надо идти дальше», о Шишкине и Айвазовском — «донельзя банально, ведь все это миллион раз видано в плохих репродукциях»,— невольно мне становится грустно.

Почему никому не приходит в голову поставить пирамиду Хеопса вместо храма Василия Блаженного? Отчего не нашелся «новатор», который предложил бы убрать березовые подмосковные рощи и насадить там пальмы? Почему, наконец, никто не запрещает людям мечтать о море, о зеленом лесе, цветущем луге? По какой же причине иногда с такою ожесточенностью встречают сегодня искусство, которое воспевает эту естественную любовь человека к живому миру родной природы? Причем воспевает высокохудожественно, понятно, доступно. Неужели хороший тон — считать прекрасное пошлым? Почему мы пропагандируем туризм, бег трусцой, гимнастику, а не поддерживаем активно силы реалистического искусства в живописи, воспевающего красоту окружающей нас природы? Это сегодня крайне необходимо. Потому что человеку бесконечно скучны бетонные однообразные кварталы, оболваненные, примитивные скульптуры, дурно исполненные фрески, изображающие людей и выдаваемые за монументальные образы в искусстве, которые калечат, особенно юные души.

Яркость, свежесть, истинная пластика красоты изменят климат нашего быта, укрепят духовное здоровье народа.

Но обратимся к Шишкину, посетим Елабугу, далекую вятскую сторону, где в 1832 году родился художник.

Давно это было. Пожалуй, лет восемь назад... Теплый, пахнущий нефтью ветер гулял по Каме. Он гнал белые барашки по густой коричневато-фиолетовой воде. Мелкая зыбь с острыми гребнями волн накатывала на берег, оставляя грязную кромку на мелком, словно просеянном песке. Большая неряшливая платформа парома неспешно забивалась людьми, машинами, лошадьми. Наконец сиплый гудок известил об отплытии. Серые буруны разогнали щепки, пустые фанерные ящики, обрывки газет. Паром отвалил от пристани Набережных Челнов... Позади бежала белопенная сверкающая дорожка, над которой беззвучно плясала невесомая радуга. Высоко, высоко в зените, в клубах сизого марева стояло солнце, хмуро глядя на суматоху, царящую на земле. Ветер крепчал, могучая река билась о борт парома. Кричали чайки, откуда-то издалека повеяло сосной, влажным и горьким запахом майской зелени.

Широкая, диковатая Кама колотилась о борт парома. Кряхтел мотор, и мы причалили к хлипким мосткам.

Елабуга... После шумной круговерти гигантской стройки КамАЗа неожиданная тишина навалилась на нас. Совсем другой, свежий воздух, напоенный ароматом хвои, цветущих лугов, проник в легкие, заполонил душу. Мигом глаз заметил бегущие облака, задевавшие за вершины стройных сосен. Ржание коней, гортанные голоса цыган и дыхание уставшего парома — все, все это создало настрой какой-то стародавней, давно ушедшей поры. Только рев моторов карабкавшихся на косогор автомашин да синие комбинезоны рабочих напоминали о двадцатом веке, навсегда перевернувшем уклады и устои русской глубинки.

Мы брели по сонным улицам Елабуги, и трепетная человечья душа быстро привыкла к милой нежданной тишине и покою этого мало растревоженного городка. И когда распахнулись двери музея Ивана Шишкина и мы окунулись в девятнадцатый век, то сердца наши были готовы к встрече с миром большого художника, который родился и жил много лет в этих краях.

После раскаленного полдня особенно прохладно, уютно, свежо в маленьком доме-музее. Скрипят ступени, слышно, как мелодично бьют бронзовые старые часы. За прозрачными шторами большого окна в кабинете художника широкое приволье. Холодный рассеянный свет струится по письменному столу, мягким креслам красного дерева, блестит на овальной раме портрета отца живописца. Керосиновая лампа, цветастые золотистые обои, на ковре повешен охотничий рог и ружье. Подойдем к окну.

Синяя Русь, бескрайняя, как океан, раскинулась на несчетных холмах, и, подобно волнам, колышутся вершины сосновых лесов, убегающих в голубую даль горизонта. Немедля перед глазами встает знаменитое полотно мастера «Лесные дали», написанное Иваном Шишкиным в 1884 году. Полвека с небольшим прожил художник, написавший этот шедевр. Десять лет отделяло его от кончины первой супруги, всего три года тому назад умерла любимая вторая жена — Ольга

И. Шишкин. 1832—1898. ЛЕСНЫЕ ДАЛИ. 1884.

И. Шишкин. РОЖЬ. 1878.

КОРАБЕЛЬНАЯ РОЩА. 1898.

И. Шишкин. УТРО В СОСНОВОМ ЛЕСУ. 1889.

И. Шишкин. ДОЖДЬ В ДУБОВОМ ЛЕСУ. 1891.

И. Шишкин. ПРУД В СТАРОМ ПАРКЕ. 1898.

И. Шишкин. ДЕБРИ. 1881.

И. Шишкин. МОРДВИНОВСКИЕ ДУБЫ. 1891.

Лагода. С живописцем остались дети... Он был душевно подавлен. И только богатырская натура позволила ему выстоять, подавить в себе малодушие и находить истинное забвение в любимом труде. Работы Ивана Шишкина этих лет обретают особую глубину и мощь. Ведь именно природа, родные края воистину раскрыли свои объятия осиротевшему живописцу, и он со всей сердечной щедростью сторицей воздает русскому пейзажу все то, что накопилось, вызрело, выстрадано было годами.

«Лесные дали» — картина-символ. При всей реальности живописи симфонический строй полотна, его эпическое звучание наталкивают зрителя на долгое раздумье. Наш взгляд охватывает неоглядную панораму вятских лесов, тонущих в голубовато-сизой дымке.

Но посмотрите внимательно на композицию холста... Справа, слегка наклоняясь, как бы начиная рассказ, стоит одинокая сосна. Рядом две каменные глыбы... Невольно вспоминаешь об одиноком художнике и двух надгробьях... Но это — лишь печальное вступление. Далее взор, пробежав солнечную поляну, погружается в самые дебри девственного бора. В высоком небе плывут и тают легкие облака, отражаясь в зеркале излучины реки, пробегающей вдали. Неспешное чередование планов, великанские плечи русского приволья — вот главная тема, лейтмотив этой песенной картины. Протяжные, вольные песни звучат над просторами, не знающими ни конца, ни края.

Как «Вишневый сад» Чехова символизирует печальную поэзию уходящего помещичьего быта, так «Лесные дали» характеризуют и воспевают русское богатство, национальное здоровье, побеждающее все препоны, невзгоды и беды. Трудно представить себе отечественную живопись без картин Шишкина, утверждающих величие родной земли нашей. Часами можно стоять у этого полотна, вслушиваясь в шум ветра, в разговор сосен, в шорох трав.

Не раз в истории мирового искусства мы оказываемся свидетелями, как личные невзгоды, недуги заставляют больших художников объемнее, ярче видеть мир, полновеснее, звучнее говорить их палитру, точнее, четче делают удары их кисти. Таков парадокс. Борьба с бедами, с причудами рока вызывает особо обостренное ощущение красоты жизни.

Непревзойдена по своей песенной красе картина «Лесные дали». В этом произведении Шишкин как бы изливает свою любовь к Отчизне. Написанное будто с птичьего полета, это полотно уникально по своему композиционному ключу. В его оптическом центре сияет небольшой водоем. И это светлое пятно как бы подчеркивает лучезарность самой земной природы, будто обладающей светоносностью, подобной солнцу. Конечно, мы отлично понимаем, что зеркальная, сверкающая гладь воды суть отражение летнего неба, но этот неожиданный блик света в сочетании со сложными переливами контражурного света на кронах сосен и тончайших валерных переходов зеленых и голубых тонов создает удивительную среду, превращая весьма привычный сюжет в волшебную, сказочную по прелести панораму. Эпический масштаб картине придает не только богатырский формат произведения, но и поразительные детали, вызывающие бездну ассоциаций и раздумий.

Вглядитесь! И вы найдете в голубом бескрайнем просторе словно плавающую в океане неба птицу, парящую среди легких перистых облаков. Беззвучный полет благородной птицы как бы отражает гордую стать этого великолепного ландшафта.

Шишкина называли «царем леса», это справедливо, но это лишь раскрывает его преданность теме «русский лес». Иван Иванович Шишкин был поистине «королем валера»: художнику была полностью подвластна во многом ныне утерянная высшая примета станковой живописи — «валер», умение писать картину при помощи тончайших нюансов света, тени, цвета. Безусловно, такая техника требует от мастера великолепного владения рисунком, цветописью и ювелирного ощущения световоздушной среды, общего тона картины, определенной единственным по времени состоянием. Такие полотна будто спеты на одном дыхании, такова чарующая кантилена истинной живописи, не пользующаяся ни грубыми контурами, ни ложными эффектами, подражающая лишь одному великому художнику — природе.

«Дебри»... Несмотря на суровое название, это, пожалуй, один из самых интимных и лирически окрашенных холстов Ивана Шишкина. Картина проникнута особым ощущением таинственности, своеобычной малозаметной прелести скрытой жизни природы леса. Глухомань. Невероятно тонко прочувствовал художник незримый рост елей, сосен. Тихой музыкой лесного быта — поэтичной и сокровенной — пронизано полотно живописца. Хаотически нагромождены поросшие мхом глыбы дикого камня. Вдруг провал в почве. Торчат корни, сухие кусты, ветки валежника. Взгляд ласкает открытая поляна, на которую выбежали малые елочки, робко прижавшиеся друг к другу. Кругом чащоба. Мрак. Глухой строй темных стволов. Ни один луч солнца не проникает в эти дебри. Здесь царит густой смоляной запах хвои, властвует тишина. Редко, редко услышишь крик случайно залетевшей птицы. Тесно, крайне тесно в дебрях, потому и сохнут обреченные поросли, хоть им на первый взгляд и просторно, но мрак чащобы глушит их рост. Как будто в дурном сне тянутся к недосягаемому солнцу высохшие ветви недавно юных пушистых деревьев. Так художник раскрывает зрителю жестокую борьбу за право на жизнь, битву за существование. Невольно приходит на память судьба самого Ивана Ивановича Шишкина — нелегкое детство, годы учения, трагические потери... Особым ощущением таинственности, нетронутости, своеобычной незримой волшебной жизни природы проникнута картина, изображающая лесную глухомань. Наш взор, словно остановленный хаотическим нагромождением поросших мхом каменных гранитных осколков, затем будто взбираясь по вертикалям стволов сосен, попадает в темное царство девственной чащобы, куда редко проникает луч солнца, где царят мрак и тишина, прерываемые порою стоном ветра. Изумительно кружево сплетающихся веток, сухого валежника, корней могучих сосен. Холст написан кистью реалиста. Про него можно сказать — это сама природа, так ясен, прост, непритязателен и так бездонно глубок мир, показанный нам Иваном Шишкиным.

Да, «Дебри» — философский холст, надо только уметь его рассматривать неспешно и пристально, тогда вы поймете всю сложную простоту Шишкина, художника-мыслителя, постигшего многие тайны жизни природы.

В этом великий смысл всего творчества художника, который, казалось, писал самые обыденные сюжеты, но кисть и палитра гения превращали эти на первый взгляд тривиальные темы в песенно-эпические картины, вошедшие, как вехи, в развитие не только национальной, но и мировой культуры.

«Рожь»... Особенный, тихий, погожий выдался день. Величаво, просторно раскинулась нива спеющих хлебов, и среди этого океана золотой ржи, словно сторожа русского богатства, встали великаны сосны, вознеся свои гордые вершины к самому небу.

Невероятная тишина царит в пейзаже. Кажется, слышно, как дышит каждая былинка. До слуха долетает ровное, неспешное дыхание поля. Только щебет малых пташек — ласточек, над самой землей пронзительно режущих воздух, нарушает покой. В сизом мареве у самого горизонта толпятся громады кучевых облаков. Парит. И, несмотря на то, что ветерок не колышет ни один колосок, ни одну веточку сосен, душа чует — быть грозе... Неясное состояние тревоги усиливает обгоревший одинокий скелет дерева, нелепо и дико торчащий среди этой чарующей благодати. Может, удар молнии сжег сосну? Странно и тоскливо маячит она, напоминая зрителю о случайностях, невзгодах, бедах самого автора полотна.

Не так идиллически спокоен этот ландшафт. Серьезная, почти минорная нота сложной, трудной жизни, не всегда ясной и постижимой, слышна в картине. Ее раскрывает и поддерживает тема дороги, утопающей во ржи, по которой бредут два путника, а над ними высоко, высоко в голубом зените кружат птицы.

Искусство Ивана Шишкина требует долгого, внимательного, вдумчивого разглядывания. Тогда только станет понятен тот внутренний, поэтический, далеко не простой ключ картины. Живопись мастера зовет осмыслить сотни подробностей, которые предлагает художник зрителю. И только тогда ты увидишь бездонную глубину «простоты и наивности» Шишкина. К тебе потянутся венчики полевых цветов, ты услышишь запах дорожной пыли, и вдруг дорога уведет в самую гущу нивы — туда, в благоухающее царство хлеба. Тогда станет доступен тот мелодичный, тихий звон, который издают мириады пчел и шмелей, ты почувствуешь до самой глубины сердца чары средней полосы Руси. Современники Шишкина, наглядевшиеся вдоволь на романтиков, упрекали Ивана Ивановича в прозаизме. Это глубокое заблуждение... Ведь поэзия бывает разная. Глядя на его «Рожь», слышишь строки Никитина, Кольцова, Некрасова, Фета...

Медленно встают из-за синих неоглядных далей громадины туч.

«Рубка леса»... Поляна. Разлапистые ели, стройные сосны. Хрупкие березы. Русский лес. Но не это фабула холста. Покойный серебристый колорит прохладного летнего полдня нарушает золотой овал свежеспиленной сосны. Намека на аффектацию, на какой-либо акцент в картине нет. Пейзаж безлюден. Но нелепо торчащий обрубок дерева и свежий спил разрушают гармонию картины. Автор не драматизирует ситуацию. Все обыденно, даже прозаично... Но вглядитесь. И вы увидите тонкую белую березку, печально склонившую свои кудрявые ветки над прахом старшей сестры. И тогда вы услышите крик спиленного дерева и плач березки. Вы почувствуете всю трагедию этой обыденной прозы. Спору нет, лес надо пилить. Он создан помогать людям строить, жить, существовать. Но, наверное, пользоваться этим благом надо крайне умело, осторожно... Не «деляческиˮ, как изображено на удивительно лиричном, поэтому особо страшном холсте живописца...

Напротив «Рубки леса» Шишкина в том же зале экспонируется полотно Верещагина «Апофеоз войны». Обе картины написаны почти одновременно — в 1867 и 1871 году. Я почему-то вздрогнул от этого сопоставления, хотя, что, казалось, могло быть похожего в желтом овале сруба сосны на черные провалы в глазницах тысяч черепов, сложенных в зловещую пирамиду... А все же общее было... Опустошение, смерть, зло. Вот лейтмотив этих столь разных полотен.

Шишкин любил говорить:

— Работать! Работать ежедневно, отправляясь на эту работу, как на службу. Нечего ждать пресловутого «вдохновения»... Вдохновение — это сама работа!

— Знаете, как работает Золя? Пишет ежедневно в определенные часы и определенное количество страниц. И не встанет из-за стола, пока не закончит положенного им на этот день урока. Вот это труженик! А как он изучает материал, прежде чем начать писать! Как он знакомится со всеми деталями того, что собирается описывать!

Но напрасно после этих слов перед вами может возникнуть образ этакого педанта, взвешенно и размеренно пишущего свои полотна. Вот отрывок из воспоминаний современницы, которая представляет нам художника восторженного, мятущегося, вдохновенного:

— Помню, однажды меня застигла в лесу гроза. Сначала я пыталась укрываться под елями, но тщетно. Скоро холодные струйки потекли по моей спине. Гроза промчалась, а дождь лил с прежней силой. Пришлось идти домой под дождем. Свернула по тропинке к даче Шишкина, чтобы сократить путь. Вдали, над лесом, сквозь густую сетку дождя светит яркое солнце.

Я остановилась. И тут на дороге, возле дачи, увидела Ивана Ивановича. Он стоял в луже, босиком, простоволосый, вымокшие блуза и брюки облепили его тело.

— Иван Иванович! Вы тоже попали под дождь?

— Нет, я вышел под дождь! Гроза застала меня дома... Увидел в окно это чудо и выскочил поглядеть. Какая необычайная картина! Этот дождь, это солнце, эти росчерки падающих капель... И темный лес вдали! Хочу запомнить и свет, и цвет, и линии...

Таким — влюбленным в каждый цветок, в каждый кустик, в каждое деревцо, в наш русский лес и полевые равнины — я всегда вспоминаю

Ивана Ивановича Шишкина. Работал он ежедневно, тщательно. Возвращался к работе в определенные часы, чтобы было одинаковое освещение. Я знала, что в 2—3 часа пополудни он обязательно будет на лугу писать дубы; что под вечер, когда седой туман уже окутывает даль, он сидит у пруда, пишет ивы; и что утром, ни свет ни заря, его можно найти у поворота дороги в деревню Жельцы, где катятся волны колосящейся ржи, где загораются и потухают росинки на придорожной траве.

Эта зарисовка, сделанная рукой очевидца, показывает нам истинного Ивана Шишкина.

...Неповторимая минута: в сыром воздухе леса, сквозь сизую прозрачную клубящуюся пелену пробивается солнечный луч, он будто стремительно расталкивает ветви, листья, разбивается тысячей бликов в лужах, внезапно красит бронзой стволы деревьев.

Как заколдованный, зрил художник невыразимую прелесть окружающего его мира. Он забыл о себе, о своих невзгодах. Он мечтал... Может быть, в этот миг и родился сюжет картины «Дождь в дубовом лесу». Да и не сам ли автор бредет, заложив руки в карманы и подняв воротник, шлепая по лужам...

Шишкин в этом холсте показывает себя как виртуоз станковой живописи. Тончайшие нюансы цвета, тона, света пронизывают всю картину. Поистине это полотно могло бы украсить лучшие музеи планеты.

Но не этот холст послужил завершающим, этапным творением Ивана Шишкина. Скорее, «Дождь» был лишь данью великолепному владению палитрой, колоритом, и в этом смысле полотно несколько выпадает из суровых, эпических по складу картин мастера. «Дождь в дубовом лесу» — улыбка живописца, его комплимент жанру, но даже в этом полотне во всей дивной красе предстает перед нами храм живой природы.

А теперь снова обратимся к одному из заключающих жизненный и творческий путь полотен Ивана Шишкина.

«Корабельная роща» — картина-завещание. Она написана в год кончины художника. В полотне как бы обобщен весь опыт долгой и непростой жизни мастера. Золотой колоннадой вздымается к лазурному небу русский лес. Могучая, несокрушимая стена сосен-великанов, озаренных благодатным летним светилом. Блики солнца играют в теплых водах железистого ручья, берущего начало у мощных, несокрушимых корней бора. Светом жизни пронизан весь холст, оч играет в прозрачном источнике, где видна каждая песчинка, сверкает на крылышках желтых бабочек, порхающих в потоках всепроникающего сияния. Озарены и словно вылеплены скульптором брошенные сколы дикого камня, лежащие здесь тысячи веков, сверкают песчаные отмели, зеленеют юные ели, словно прибежавшие на опушку, залитую жарким дыханием лета. Но особую жизнь картине дает игра света и тени, то волшебство бликов, которое заставляет нас буквально зримо ощущать, почти присутствовать в Елабуге и любоваться этим уже почти ставшим историей местом. Жарко. Пахнет хвоей, смолой и невыразимым ароматом вечной юности старых сосен. Ведь многим из них по сто лет. Взор устремляется в даль леса, и мы зрим таинственную чащу, прорезанную дорожками сзета.

Шишкин — чародей. Он так искусно расставил свои сосны, что создается впечатление бесконечности их числа и неохватности пространства леса. Живописец з н а е т структуру лесного пейзажа, и он властно заставляет нас следовать за его волшебной кистью. Колорит картины необычайно богат. Все открытия импрессионистов учтены художником. Но над всеми этими дополнительными фиолетовыми и оранжевыми, синими, желтыми цветами властвует могучее чувство меры великого художника. Он не забывает закона валера, нигде не нарушает натуральность и сдержанность тона. Картина Шишкина не кричит, несмотря на масштаб холста, она поет. И эта заветная прощальная песня доходит до самых глубин сердца зрителя. Мы очарованы полнотой жизненных сил, вложенных в это полотно, и потрясены той великолепной живописной отдачей, которая заставляет нас отнести этот шедевр к творениям самого высокого мирового класса. Мало есть холстов в мировом искусстве, где с таким блеском даны портреты, да, именно портреты десятков деревьев, причем если задаться целью, то о каждой из сосен и елей можно рассказать целую историю. Ведь этот лес — гордость целого края России, и сохранность, обережение его — святое дело.

Сама душа улыбается, когда глядишь на полотна Ивана Шишкина. Ты можешь прийти в Третьяковку, замороченный обыденной сутолокой и круговертью неоконченных дел... Но подойди к картине Шишкина, и с тобою произойдет диво. Вмиг ты окажешься на поляне своего далекого детства, почуешь аромат волшебного ветра, пахнущего солнцем и хвоей, увидишь совсем рядом с собой небывало яркое чудо русской природы — доброй, ласковой, тихой. На тебя снизойдет отрада, благокасания с чем-то бесконечно знакомым и близким. Может быть, ты никогда в самом деле не зрел близко этих могучих стволов, не дышал подобным сладостным покоем и свежестью... Не беда... Оглядись, и ты увидишь молчаливые лица зрителей, пристально смотрящих будто в огромные окна живой, да, поистине живой природы. Можно часами изумляться бегущим по их лицам теням тончайших настроений — сложнейших душевных состояний: то озаренной умиленности, то глубокой грусти, счастливой улыбчивости, то хмурости. Изредка только вздох прервет глубокое молчание, царящее у холстов Шишкина. Люди — граждане конца XX века, которых трудно удивить любыми гремучими контрастами,— замирают, цепенеют перед наивной светлой правдой творений замечательного пейзажиста.

И тут, у картин Шишкина, я еще раз вспомнил слова Ренуара о великой магии произведений античности, чуждых всяческих эффектов, чарующих нас своей гармонией, покоем. Зритель способен довообразить, глядя на древнюю мраморную статую, что она вот сейчас шагнет, двинется... так жизнен, до предела убедителен и доступен язык пластики Эллады.

Так же, да простят меня строгие критики, величаво спокоен, лишен всяческих прикрас и ложной экспрессии древний лес пейзажиста Шишкина. Далеко, далеко проникаешь ты в пространство его полотен. Бродишь по заросшим тропинкам, глядишься в чистый родник, слушаешь голос бора. И этот сокровенный, доверительный шепот сосен проникает до самых глубоких тайников твоей души, заставляет что-то мучительно вспоминать, и тогда ты, городской житель, может быть, никогда не бывавший в старой Елабуге, начнешь понимать истоки той недюжинной, стойкой, мужественной силы, которая свойственна Руси, стране, породившей Илью Муромца и Добрыню Никитича. И вдруг тебя осенит мысль: а ведь недаром и Иван Шишкин и Виктор Васнецов, создавший «Богатырей»,— земляки. Да, много, много нераскрытых тайн хранят гены — кладези всех свойств рода людского, способные создать Человека — диво и с той же беспощадностью слепить лишь подобие человечка. Во всяком случае, благодатность, цельность, какую-то загадочную по своей мощи эманацию леса отлично чувствовал и знал Иван Иванович Шишкин, великолепный рисовальщик и живописец. Он, как никто, ведал тайну вятской пущи и всю свою долгую творческую жизнь отдал почти целиком песне о русском боре.

Что самое парадоксальное и в то же время из века в век повторяющееся происходило в оценке шедевров реалистического искусства? Недооценка многими современниками масштаба, первичности, глубины нового явления живописи. Ведь даже такие мастера, как Крамской, преклонявшийся перед гением Шишкина, в своих письмах нет нет да как бы извинялись, оправдывались за свое пристрастие к его творчеству. Почему? Потому что пора расцвета таланта русского пейзажиста, открывшего неповторимый по своей разящей простоте мир русской природы, совпала с борением страстей в незатихающем море мнений и вкусов, характерных для искусства семидесятых и восьмидесятых годов прошлого века. И бесхитростный, простосердечный язык эпических пейзажей Шишкина казался кому-то «провинциальным», слишком умиротворенно-натуральным. И сколько же убежденности, веры и поистине святого упрямства надо было иметь большому художнику, чтобы не свернуть со своей однажды выстраданной торной тропы. Задумайтесь. Сколько щипков и уколов получал Шишкин за свои, как кому-то мнилось, однообразные, скучноватые, лишенные сюжета и необычных состояний — закатов, бурь, ураганов, радуг, лунных ночей... Поглядите на его картины. Ни тебе роскошных зорь, ни золотых осеней, ни серебряных зим. Все лес да лес. В полдень, когда даже нет эффектных теней, каждая чешуйка сосны, каждый кустик мха — все как на ладони. Толкуют, публикуют статьи, поругивают. А могучий Шишкин хмурится да пишет свои сосны в полдень.

Что это, ограниченность? Или призвание?.. А может быть, подвиг!

Ведь при умении, мастерстве, поэтичной душе, запасе темперамента Ивану Шишкину было доступно все. Но какая-то одному ему известная сила наложила запрет на всякие иные темы виртуозного мастерства. На строгий пост обрек себя живописец. Ведь он объездил Швейцарию с ее романтическими скалами и зеркальными озерами, бывал и в Италии, которую воспели нам Сильвестр Щедрин и Александр Иванов, провел немало времени в Германии... Но одна лишь страсть поглощала все существо Ивана Шишкина. Он тосковал без своей вятской глуши, его манили сосновый бор, русское приволье. Художник пел свою песню. Иван Иванович не внимал голосам, призывавшим его встрепенуться, блеснуть колоритом, разнообразием...

Нет, нет, нет.

Рядом с ним публика неистовствовала у пейзажей Куинджи, потрясавших всех великолепной маэстрией, колдовством световых впечатлений. На его глазах расцвел изумительный поэтический талант Левитана, наконец, Шишкин бывал во Франции и видел все достижения импрессионизма. Любил Руссо, Коро, Добиньи, Рейсдаля.

Но... Шишкин оставался Шишкиным. Недаром Крамской называл его «верстовым столбом» в развитии русского пейзажа.

Ныне, почти через сто лет, можно сказать, что холсты Ивана Шишкина — веха в становлении национального искусства. Потому что его пейзажи, как картины Александра Иванова, Венецианова, Сурикова, Виктора Васнецова, Нестерова, являются костяком, фундаментом здания русской живописи. В нем, как, пожалуй, в очень немногих наших мастерах, соблюдено удивительное чувство достоинства, понимание своей роли в потоке мировой культуры, ощущение той богатырской доброты и непреклонности, которые на Западе зовутся «русской загадкой».

Шишкин велик! Он покоряет нас сегодня мудростью своего мировидения, лишенного хоть какого-то намека на суетливость и компромисс. Его новаторство — в устойчивости, чистоте традиций, в первичности и цельности ощущения мира живой природы, в его любви и преклонении перед натурой. Не рабское следование и копирование, а глубочайшее проникновение в душу пейзажа, верный однажды взятый камертон могучей и непокоримой песни — вот что свойственно былинному складу творчества Ивана Шишкина.

Как он устоял, как сдюжил? Как не изменил себе? Это тайна характера огромного, своеобычного. Такие были, наверное, богатыри, воспетые в былинах. Простые, как дети, могучие, как буря. Простосердечные, добротолюбивые, ясные и терпеливые, гневные и непримиримые.

Такие, как Русь...

8 марта 1898 года Шишкин рано утром, как всегда, вошел в мастерскую — широкоплечий, с шапкой седых вьющихся, непокорных волос, полный энергии. Писал, потом приготовил второй холст, сделал еще рисунок. Прочел газеты о торжественном открытии музея Александра III. Пробыл немного у своих родных, потешался над синичкой, бранил ручного скворца, залетевшего ему на голову... Потом вдруг пожаловался на слабость, вспомнил, что плохо спал последние две ночи... Но возвратился в мастерскую, сел рисовать картину углем. Набросал передний план и передвинул стул направо. Затем его помощник услыхал, что Иван Иванович зевнул, а взглянув на него, вмиг заметил, что рисунок падает из рук живописца, а сам он тихо валится со стула. Гуркин кинулся к нему, но подхватил его уже мертвого... Так закончилась судьба мастера Ивана Шишкина. Жизнь его искусства, картин бессмертна.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АНДРЕЯ ЛУПАНА

ВСЕ УТВЕРЖДАЕТ СМЫСЛ ТРУДА

«Быть поэтом, конечно, почетно, но этот почет наперед оплачен колоссальной душевной работой. Быть поэтом — значит чувствовать и переживать все в тысячу раз острее и трагичнее, чем непоэту».

Это достаточно давнее высказывание известного советского поэта Андрея Павловича Лупана я невольно припомнил, находясь в его кишиневской квартире. Ибо нерасторжимость этих слов и всего подвижнического образа жизни их автора налицо.

Мы беседуем с поэтом в его «чернецком» кабинете, в котором нет ничего лишнего, парадного, все подчинено служению музе, не терпящей суеты: самодельная стенка, забитая до самого потолка книгами и словарями, просторный рабочий стол со множеством своих и чужих рукописей, бюсты классиков молдавской поэзии М. Эминеску и Б. Хашдеу, бронзовая статуэтка М. Горького да искренние подарки художников-земляков: картины и гравюры с изображением сельских пейзажей Молдавии.

Но и здесь Андрей Павлович, как выяснилось, долго старается не задерживаться, только когда появляется потребность сесть за пишущую машинку... А все остальное время он проводит в селе, среди тружеников земли.

— Мне давно хотелось отойти от своих книжных занятий и вновь почувствовать волнения бытия,— поясняет он,— заново ощутить свою привязанность к жизни природы и народной жизни. Знаете, даже в эпоху научно-технической революции человек должен помнить, что он сын природы. Если хотите, то в этом отношении я консерватор. Да здравствует научно-техническая революция! Но пусть она уважает и бережет природу и подчиняется живому творцу...

Очень хотелось бы (и потихонечку это делаю),— продолжает он,— написать о людях, которых знаю, причем не о знаменитых, а о простых, даже безымянных, но конкретных. О красоте человеческой тружеников-крестьян, сельских учителей и врачей. Это люди такой личной яркости, которая просто озарила меня. О ней, я уверен, надо писать. Надо как-то ее сохранить.

— Жанр?

— Воспоминания или стихи — еще не знаю точно, только хотел бы, чтобы было верно, истинно...

Творчество Андрея Павловича Лупана получило во всех уголках его родной земли истинно всенародное признание.

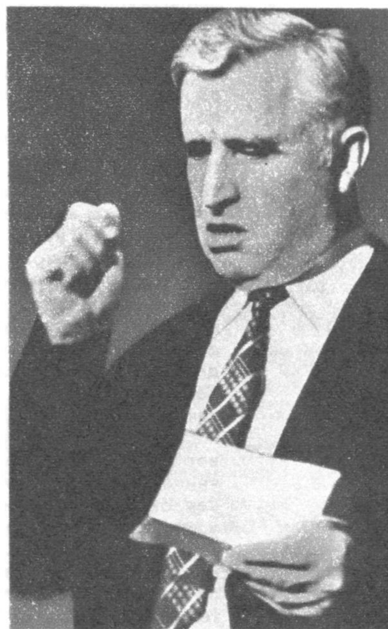
Перед нами явление поэзии нравственно цельное, внутренне полное и глубокое, органически слитое с жизнью народа и Родины. В ней отчетливо звучит струна души молдавского виноградаря и хлебороба с «вселенской уверенностью в мире», для которой в жизни «все утверждает смысл труда». В его поэзии вновь воскрешается, находит и сегодня свою жизненную основу вековой опыт крестьянина, который «не работает на природе», а живет в ней. Недаром критики сравнивают поэзию Андрея Лупана то с шершавой натруженной крестьянской ладонью, то с узловатой виноградной лозой, растущей на опаленной солнцем земле Молдавии.

Эта «земная прикрепленность» его поэзии, постоянное стремление к лаконичности и простоте выражения — «естественности дыхания», что свойственно людям народного склада ума, не случайна. Андрей Лупан с ранних детских лет узнал цену тяжелому труду на пашне. Он, крестьянский сын, выучившийся на агронома. А первые его шаги в литературе совпали с лихими годами оккупации родимого края королевскими войсками Румынии.

— Год моего дебюта, — вспоминает поэт, — если судить по первому напечатанному стихотворению, — 1932-й.

Нелегко пробивался в жизнь Лупан, которому, чтобы учиться, нужно было все время подрабатывать. В его первых произведениях и боль отчаяния и горечь попранного человека:

Отец, на земле униженный,
страною своею обиженный,
непризнанный,
с жестким лицом,
и в сердце — горечь полынная,
и руки — морщинами длинными
изрезаны, будто резцом.
Насущного хлеба ржаного,
черного —
труда твоего упорного —
и в холод, и в летний зной
нет в доме.
Бесплодной нивою
надежды твои счастливые
засохли в стране родной...



В то время, уже начиная с 1934 года, он становится членом подпольной комсомольской организации, а спустя два года — членом Коммунистической партии.

До освобождения Бессарабии (июнь 1940 года) молодой поэт сумел опубликовать лишь десяток стихов. Но уже в них, полных гнева, бунтарской страсти и веры в освобождение Отчизны, читатели увидели своего народного защитника, поэта с ярким гражданским темпераментом: «С презренного Олимпа своего, куда доходит только дым обмана, сойди на холм земной среди бурьяна, где трудный след от плуга моего».

Выражением радостных народных чувств свободно вздохнувшего края стала поэма Андрея Лупана «Забытое село», посвященная дням воссоединения со Страной Советов. Этому произведению отводится особое место в становлении молдавской советской поэзии.

Но всего год длился этот глоток свободы. В стихах военных лет А. Лупана как набат звучит призыв к отмщению и непоколебимая вера в победу над захватчиками: «А ты в грядущее шагнешь, Молдавия, и с новой силой свои ты дойны пропоешь и свежей зеленью зальешь врагов бесславные могилы».

В послевоенный период Андрей Павлович Лупан активно участвует в строительстве новой жизни. Писатели избирают его на долгие годы председателем своего союза, а трудящиеся республики — представителем в «парламенте» Молдавии и всей страны. Напряженно трудится Андрей Павлович и на своем главном фронте — поэтическом. Им создано немало произведений, которые оказали заметное влияние на развитие нашей многонациональной поэзии.

— Для меня наша многонациональная поэзия,— отвечая на мой вопрос, сказал в конце беседы Андрей Павлович Лупан,— целый мир. Это и Эдуардас Межелайтис, и Кайсын Кулиев, и Расул Гамзатов, и Давид Кугультинов, и Мустай Карим, и Евгений Евтушенко, и наш Григоре Виеру... Впрочем, что перечислять!

Мы все очень остро ощущаем свое единство еще и потому, что нам приходится говорить не только дому своему, но и всему миру...

Николай ЛАЛАКИН

Москва — Кишинев.

ОРУЖИЯ ИСПЫТАННОГО РОД

Вид литературного творчества, которому отдает свой талант поэт Дмитрий Демин, не случайно считают самым боевым и бескомпромиссным. Сатирическая миниатюра, короткая басня, остроумный афоризм часто способны не только произвести в обществе конкретную очистительную, лечащую работу, но и призваны нести службу воспитательную и, так сказать, профилактическую. Однако общество нуждается в хороших поэтах-сатириках, конечно, не только в силу своих «прагматических» интересов. Уходя корнями в далекое прошлое мировой литературы, традиция поэтической сатиры как бы синтезировала вековой культурный опыт, где остроумие сочетается с мудростью, а стремление к добру с борьбой за него. Богата традициями и русская советская поэтическая сатира. Дм. Демин опирается в своем творчестве прежде всего на опыт Маяковского и Маршака, в произведениях которых публицистичность и страстность сочетались с духовностью и высоким поэтическим мастерством.

Недавно в Москве проходила выставка работ прославленных Кукрыниксов. И под многими их политическими рисунками и карикатурами последних лет увидели мы строки Дм. Демина. Включены эти произведения, печатавшиеся ранее в «Правде» и других центральных периодических изданиях, в книгу «Цели в прицеле», выпущенную в «Библиотеке «Крокодила». Чаще всего две, реже три-четыре строки составляет стихотворная подпись к рисунку, и в них должна выражаться квинтэссенция графического произведения, должна быть точно и поэтически емко сформулирована его идея. Демину, безусловно, по плечу сложнейшая задача творческого сотрудничества с Кукрыниксы, что само по себе уже говорит о высоком уровне его поэзии. Миниатюры Демина остроумны, афористичны и политически остры. Вот на рисунке три шаржированные фигуры капиталистов, выдаивающих нефть из ближневосточных стран. Подпись поэта:

Тянут из вымени жизненный сок.
Имя у вымени — Ближний Восток.

На другой карикатуре — американский вояка затягивает на аллегорической фигуре Западной Европы платье из натовских ракет. Подпись:

Нет для Европы злодеянья
Страшней, чем это одеянье.

Но, конечно, не только подписи к рисункам вошли в раздел «Политическая сатира» этой книги. Здесь есть и вполне самостоятельные произведения, за внешней лапидарностью и сдержанностью которых сокрыта мысль глубокая и выразительная. Привлекают политическая активность, наступательность этих миниатюр. Поэт уверенно владеет формой: он умело пользуется игрой слов, находит удачные рифмы, вводит в стихи элементы каламбура, что придает им особую яркость и выразительность.

«Смех потребен, как леченье, всем почти без исключенья»,— назвал автор второй раздел сборника. Содержание его — сегодняшняя жизнь нашего общества, его моральные проблемы. Острая наблюдательность и гражданское мужество нужны поэту-сатирику, чтобы разоблачать общественные недостатки, бичевать в стихах недостойные человека черты. Этими качествами Дм. Демин обладает в высокой степени. Он умеет увидеть порок и заклеймить его. Приведем лишь два примера:

Ба!
Шалопай зачислен в вуз,
Видать, в игру
вмешался Туз.
(«Карточная игра».)

Трест
дом построил на века!
И что ж?
Не падает пока.
(«Сомнительная гарантия».)

«Отточенные пики» сатирических рифм Дмитрия Демина разят зло (иначе какая же это сатира?) и беспощадно. Поэт достойно несет свою нелегкую сатирическую службу, его глаз зорок, прицел верен, сердце неравнодушно, и в этом залог успеха и действенности его произведений.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Дмитрий Демин. Цели в прицеле. Рисунки Кукрыниксы. Изд-во «Правда», М., 1981, стр. 48.

Эрвин СИЛЬВАНУС

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ЛА ПРЕНСА

Когда мы бываем вместе, мы говорим о нем.

Последний раз мы говорили о нем в Нью Эш Грин — небольшом поселке на окраине Лондона — в саду у Мартина.

Мы лежали на солнце. И думали о солнце в маленькой бухте южнее Вальпараисо. Мы уже не можем вспомнить, как она называлась. Над бухтой вырос новый университет. Когда идешь мимо первых университетских построек, чаще всего — бараков, можно заглянуть в аудитории. Неподалеку находятся и казармы. Солдат привозят сюда на грузовиках. Заставляют бегать, прыгать, играть в мяч, падать на землю — ах, нам не хотелось смотреть на это. Мы любовались морем, солнцем. Был июль, для Чили зимний месяц. Но солнце пригревало, и мы загорали.

К нам подсел какой-то студент. Хотел узнать, из какой мы страны. Из Англии и Федеративной Республики Германии. Гм. Как нам нравится Чили? Когда начали спрашивать мы, он потерял всякую охоту разговаривать. Потом исчез.

Наш отель находился на главной площади и назывался «Виктория». Из окна мы видели памятник. Отель не принадлежал к числу изысканных и дорогих. Мы ведь и не поехали на север, на Винья дель Мар, где живут богачи. Мы пошли на юг, вдоль портовой улицы. Кто-то шел за нами. Останавливался, когда мы останавливались. Смотрел на море, когда мы смотрели на море. Мы взяли себе за правило заговаривать с такими людьми, спрашивать их о чем-нибудь. Если надо, то и не раз. Ах, значит, нам по пути?

На лифте мы поднялись на гору в южной части Вальпараисо. Сели отдохнуть на стене. Какой-то мальчик предложил нам апельсин. Мы захотели купить апельсины. Все магазины были закрыты. Время обеда. Siesta. Как видно, здесь жили служащие, чиновники, продавцы — среднее сословие.

Мы спустились с горы к бухте. На полдороге еще раз отдохнули. На улице, на вулканических камнях. На круто спускавшейся вниз мощеной улочке. Не для машин и не для велосипедов. Красно-желтая улица. Невдалеке спортплощадка. Подошли четверо или пятеро подростков, подсели к нам, спросили, как прежде спрашивал студент, как вообще часто спрашивали нас: откуда вы? А затем вопрос мне — о футболистах. Они лучше знали имена игроков нашей сборной, чем я. Они сказали нам, где мы через полчаса можем купить вина, сыра и фруктов.

Мы купили вина, сыра и фруктов и нашли бухту. Мы рано приехали из Сантьяго на автобусе и проголодались. Мы ели сыр и фрукты, пили вино, раздевшись до пояса, сидели на песке, смотрели на море. Спине было холодно. Только там, куда падали лучи солнца, ощущалась приятная теплота.

Когда студент ушел, а солдаты еще прыгали, бегали и выполняли приказания, мы отправились к набережной. Мы могли бы сесть в автобус, но нам хотелось пройти три-четыре километра пешком. Нам встречались влюбленные парочки, очевидно, студенты. Великолепные красные герани, на другой стороне улицы, по направлению к горе. Там же мы увидели какую-то диковинную птицу. Тоже чудесного красного цвета, но иного, чем у герани. Светящегося. Грудь птицы была черной, как волосы индейца,— у Роберто были такие же волосы. Когда мы бываем вместе, то говорим о нем. Не можем не говорить. Он появился внезапно. Мартин не знает, откуда и как он вдруг появился. Я тоже не знаю. Может, было и правильно, что мы подошли к нему, познакомились. Теперь уже нам в этом не разобраться. Да, он из Вальпараисо. Нам по дороге, сказал Мартин. Смотря по обстоятельствам. Мартин сказал мне по-немецки: не знаю, что с ним. Кажется, очень голоден. Я хочу пригласить его поужинать. Роберто не захотел принимать приглашение. Сказал, что до города пойдет с нами, но только до первых домов. Не дальше. Мы туристы, пояснил Мартин. Из Чили мы полетим в Мексику, а потом в Соединенные Штаты. Завтра мы поедем сначала на автобусе обратно в Сантьяго, а потом хотим на юг, в Анды, потом еще и на север. Мартин не сказал, что накануне мы ходили на стадион. Мы знали его по фотографиям в газетах и журналах. Видели решетки, которые должны защищать игроков от темпераментных зрителей. Те самые решетки, за которыми после переворота хунты сидели заключенные, за которыми их мучили, пытали. Мы не назвали имени Виктора Хара, певца, у которого они вырвали гитару, размозжили руки, а он все еще пел... потом они его убили.

Мы побывали в предместьях, в гетто бедняков, откуда друзья Хара выходили брать землю. Мы бродили вдоль реки Мапучио, из которой было выловлено так много трупов. Но мы сказали Роберто, что мы туристы.

Нравится вам Чили?

Красивая страна. Вот только... Тогда Мартин все-таки рассказал про стадион. Собственно говоря, не совсем про стадион. Про ярмарочную площадь перед стадионом. С множеством детей. Ни одна карусель не крутилась. Колесо с гондолами тоже. Дети смотрели на чудеса в палатках. Никто из них ничего не покупал, ни у кого не было денег. Хочу доставить детям радость, сказал я Мартину. Пусть хоть разок покатаются на колесе с гондолами. И на карусели. А потом...

Мы купили тридцать билетов, пятьдесят, восемьдесят. К нам подходило все больше детей, они окружали нас, понимая, что мы хотим для них что-то сделать. Они висли на нас, вырывали из рук билеты. Оставшиеся билеты мы разбросали среди них. Дети бежали к каруселям, к гондолам. Другие проталкивались к нам, осаждали нас. Мы хотели уйти. Но не могли.

Пока не появился некто — в новом мундире, серо-голубом, под правой рукой зажат автомат. А один ребенок успел еще сказать: моя мама голодна. Теперь мы смогли пойти на автобусную остановку. В автобусе Мартин сказал: иначе не получилось бы. Как бы мы смогли уйти?

Я сказал Роберто: хотя бы тому мальчику, который сказал, что его мать голодна, я должен был бы дать еще и денег.

Роберто сел, ему стало нехорошо. Сказал, что придется нам идти в Вальпараисо без него, что он благодарит нас.

За что?— спросил Мартин. И еще раз пригласил Роберто поужинать с нами.

Не получится. Ведь вы же знаете, комендантский час...

Но это только в полночь!

Мне показалось, что у Роберто такое же лицо, как у того мальчика, который попросил денег для своей мамы. И Мартину, вероятно, тоже так казалось. Нам не хотелось еще раз почувствовать себя виноватыми. Теперь мы были теми детьми, которые не хотят отпускать иностранца, не дают ему уйти. Он назвал нам свое имя, как мы назвали свои имена детям в Сантьяго. Некоторым, прежде чем купить билеты, мы написали наши имена на ладошках, когда они об этом просили. Пока не было человека в военной форме с автоматом.

Роберто пошел с нами. Когда мы достигли первых домов, он остановился. Но потом все же пошел с нами дальше. Мимо рыбачьей пристани с пестрыми лодками. Мимо казарм. Часовые перед входом сидели за мешками с песком.

Роберто шел с нами. Мимо фруктовых прилавков.

С ним творилось что-то странное. Мы сказали, как мы любили Неруду и только теперь его правильно поняли. Но я не сказал, что лично знал Неруду. Ровно десять лет тому назад я был с ним в Берлине. Мы пили вино. Он прижимал меня к своей груди. Могучей, как грудь Анд. Он пел. О революции. С того дня, как мы приехали в Чили, я всегда говорил Мартину, когда он обращал мое внимание на какой-нибудь дом, на цветок, на камень, на ночное небо: я знаю этот дом, знаю цветок, камень, ночное небо. Потому что я знал Неруду.

А я слышал только, как он поет, пил с ним вино, прижимался к его груди. К груди, похожей на здешние Анды. Роберто сказал нам, что живет в Вальпараисо, или он сказал, что родился в Вальпараисо? Потому что он смотрел на дома так, будто вспоминал их. У ресторанчика «Нептун» он хотел попрощаться с нами. Случай привел нас к этому ресторанчику, может быть, матросскому кабачку, во всяком случае, как видно, не для гурманов. Мартин сказал: мы могли бы пойти в более приличный ресторан. Мы подумали, что «Нептун» понравится тебе больше. Он не так бросается в глаза. Мы туристы и не любим ходить туда, куда обычно ходят туристы.

Но вы ходили на стадион? — спросил Роберто. Не из любопытства, ответил Мартин. Нет, не из любопытства. Ты доставишь нам радость, если поешь с нами. И мы охотно оплатим для тебя комнату в отеле. Мы живем в отеле «Виктория», он дешевый. Для нас даже очень дешевый.

Значит, не из любопытства? — спросил Роберто. Но тогда зачем же ехать на стадион, если туристы? На футбольных болельщиков вы не похожи. Нет, сказал Мартин, мы не болельщики. Но мы знаем песни Виктора Хара. Зна-

ем о его мучениях. А теперь нам не следует больше говорить об этом возле «Нептуна». Детям мы не смогли помочь. Их было слишком много. Скажи нам, как и чем мы могли бы помочь тебе? Но сначала ты должен поесть, Роберто!

Роберто пошел с нами. В ресторан вели несколько ступенек. Вход был очень узкий. Трое молодых людей играли модную танцевальную музыку, отнюдь не чилийский фольклор. Действительно, в ресторанчике стояли и сидели много матросов. И совсем юные девушки и пожилые женщины. Танцевали совсем мало.

Мы сели за столик с пестрыми салфетками из пластика. Рядом играли в карты. Мы спросили Роберто, что он будет есть, что он может посоветовать. Мы заказали бы такое же блюдо и для нас. Это должно быть его любимое блюдо. А пить мы будем его любимое вино. Говядину, конечно, не подавали и в Вальпараисо. Не стоило даже спрашивать. «Из-за эпидемии ящура»,— отвечают официанты. А на самом деле из-за валютного дефицита. Из Аргентины говядину нельзя уже импортировать. Роберто поговорил с хозяином о еде. Хозяин обещал приготовить для нас превосходный ужин. Прежде всего он принес нам великолепного белого вина. Мы пили за Роберто, просили его доверять нам. Иначе я не пошел бы с вами, сказал Роберто. Нам бросилось в глаза, что он очень плотно сжимал свой бокал с вином. Нам была видна только тыльная сторона ладони. Левую руку он держал под столом. Он бросил взгляд на дверь. Оттуда ворвались солдаты с автоматами на изготовку. Очевидно, имелся еще один вход. Потому что солдаты вошли и с противоположной стороны. Они окружили посетителей. Увели одну молоденькую девочку. Подошли к нашему столику. Потребовали у Роберто документы.

Роберто отнял руку от бокала, положил на стол и левую руку. Показал обе руки. С изувеченными кончиками пальцев. Он едва успел сказать «спасибо», и его увели.

Мы хотели пойти за ним. Но увидели, что окружены солдатами с автоматами на изготовку, которые нас остановили. Мы показали свои паспорта, британский и паспорт Федеративной Республики Германии. Нам вежливо предложили съесть то, что мы заказали. А все, что здесь произошло, нас не касается.

А если касается? — сказал я. Роберто наш друг. Где Роберто? Офицер пожал плечами. Того, который сидел за столом, зовут не Роберто. Забудьте о нем. Мы желаем вам приятного пребывания в Вальпараисо. Он дал знак танцевальной капелле. Трое музыкантов взяли свои инструменты, заиграли снова. Хозяин принес нам две порции.

Мы заплатили, но есть не стали.

«Ему вырвали ногти. Он был на стадионе»,— подумали мы, но сказали это друг другу позже. На следующий вечер. В клубе офицеров в Сантьяго. Мы хотели отказаться от приглашения. Но потом приняли его и даже достали себе галстуки. Там едят в отдельных кабинетах. Ждут, пока не пригласят к заказанному столику. Потом идут в бар. Там сидел он, шеф тайной полиции. Мы видели его лишь несколько минут. Все уже собирались уходить. Для чилийских офицеров тоже существует комендантский час. Мы не из-за любопытства ходили в офицерский клуб.

В этот раз мы жили в «Шератоне» рядом с разрушенным дворцом Монеда. Сидя за завтраком, мы видели начисто выжженные комнаты, в которых Альенде защищался до конца. Один молодой коммерсант сказал нам: жаль прекрасных настенных ковров. Комнаты президента были украшены ценнейшими коврами. Жаль их.

Два дня спустя мы на машине ехали вВикторию, на юг Чили. Случилась авария, меня вдавило в чилийскую землю. Были кое-какие последствия, например, перелом моей правой ключицы.

Мне пришлось лечь на операцию. Подробнее я еще напишу об этом.

А сначала — о Викторе Хара и о том, что в Чили он бессмертен. Я только потому упоминаю сейчас об аварии, что, думаю, речь идет вовсе не об аварии. На этот раз Неруда не прижал меня к своей груди. Он прижал меня к чилийской земле. Крепко. Но не в наказание.

Мы не заставляли Роберто идти с нами. Мы просили его об этом. Когда должен был начаться разговор, настоящий разговор — пришли солдаты. А он положил свои изувеченные руки на стол и сказал: «Спасибо».

В «Ла Пренсе» появилось сообщение, что в Сантьяго, Консепсьоне и в Вальпараисо были проведены аресты. Облавы касались в основном уголовников. В основном.

Когда мы бываем вместе, мы говорим о Роберто. Что мы сделали не так? Мы говорим о детях возле стадиона. А когда мы не бываем вместе, то думаем о Роберто, о детях возле стадиона, о рабочих предместьях Сантьяго, о Викторе Хара...

Когда я писал это, один коллега заметил, что сейчас модно говорить и писать о Чили.

Я ничего не ответил. Писал дальше.

Перевела с немецкого
Т. СТЕЖЕНСКАЯ.

Н. ХРАБРОВА,
фото Э. ЭТТИНГЕРА

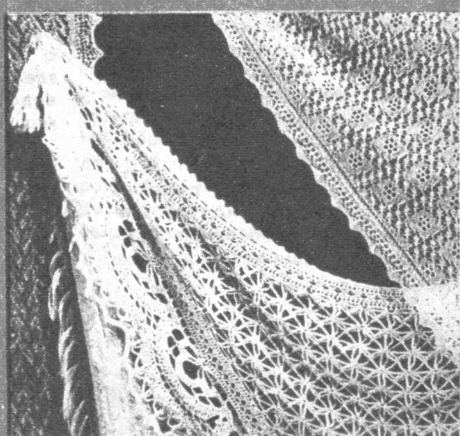
РАБО

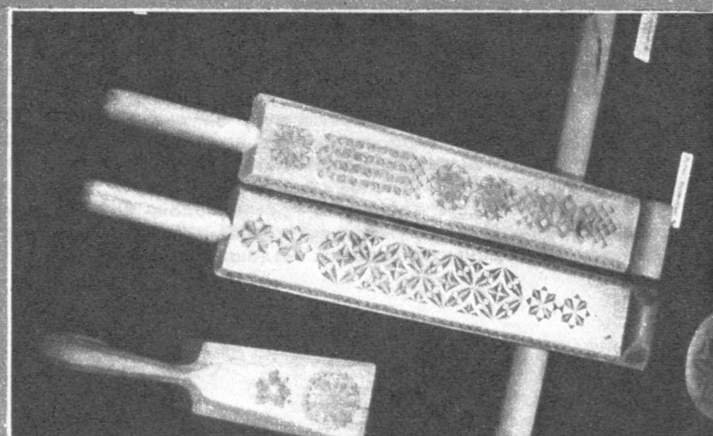
В объединении мастеров народных художественных промыслов «Уку» запросто можно представить, как люди заводили себе богов. Был когда-то в эстонской мифологии хранитель домашнего очага, дух покойного предка — в доме обитал как бы член семьи, на которого в случае отлучки вполне можно было положиться, и если что не так, то и выговор сделать. Имя позаимствовали у финнов: от «Укко» — «Уку». А потом старые простоватые боги стали сказкой. Поэтизируя ее, собиратель народного эпоса прошлого века Ф. Р. Крейцвальд произвел Уку в ранг богов высшего порядка — тех, что не в каком-то домашнем закутке, а в заоблачных высях пребывают. Однако современные эсты, чтя предания старины, добродушно вернули его к делам земным, чуть видоизменив его функции,— теперь уж в его обязанности входит украшение очага и сотворение уюта.

Будете в Таллине — загляните в магазин «Уку», что на улице Пикк. Здесь и убедитесь в том, что «Уку» собирает под свое крыло самые талантливые руки Эстонии. В двух тысячах эстонских квартир каждый день происходит неуловимое чудо: самые обычные вещи становятся праздничными, и, пожалуй, нет смысла пытаться объяснить это превращение — еще никому не удавалось объяснить природу таланта. Но почему в двух тысячах квартир, а не мастерских? Потому что большинство мастеров творческого коллектива «Уку» работают дома, работают с простыми, доступными материалами — шерсть, хлопок, медь, никель, железо, дерево, обрезки кожи. В республике создано шестнадцать производственных участков «Уку»: неудобно дома — приходи, трудись в мастерской. Но ведь есть немало людей, которые рады бы работать в мастерской, да различные обстоятельства привязывают их к дому. Скажем, молодые матери. А сколько одаренных людей с ограниченной трудоспособностью маялись бы от праздности, от невозможности отдать свой талант на радость людям, не будь «Уку»? И как могли бы реализовать свое художественное дарование люди разных профессий, обнаружившие в себе наряду с основной профессией страсть к творчеству? А пенсионеры с их опытом и различными умениями смогли бы разве с радостью для себя и с пользой для других распорядиться своим свободным временем?

Кузнец Майдо Вайкре.

Творения мастеров «Уку».

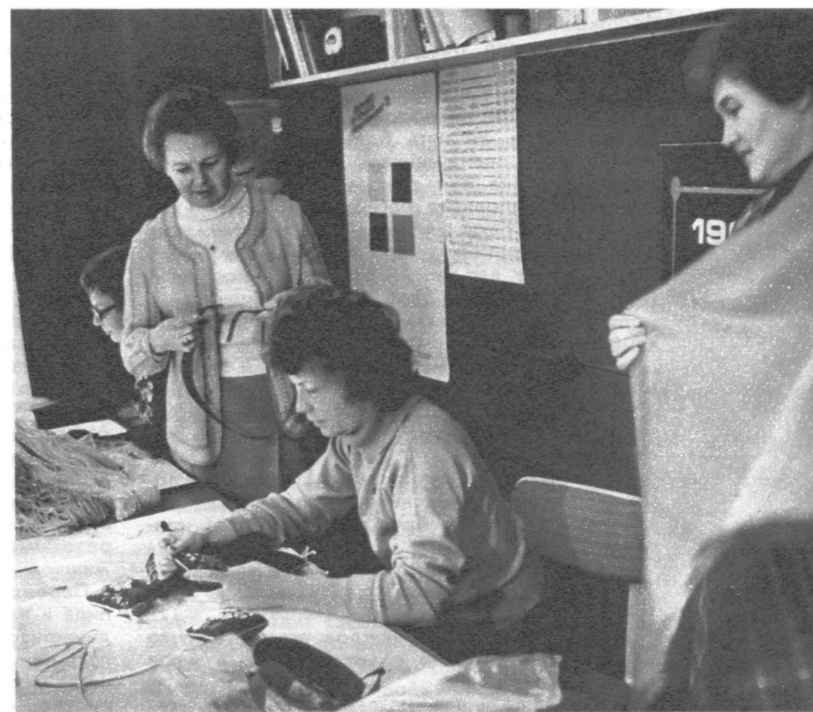




Мать-героиня Клара Мёльдер.

Айно Мяливере работает в «Уку» со дня его основания.

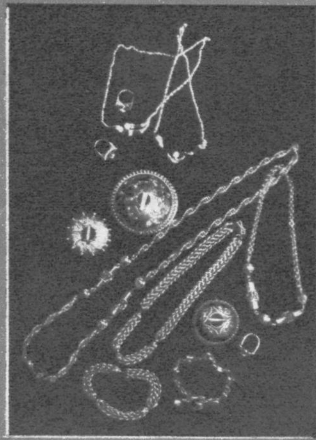
Здесь работают художники-модельеры по дереву, коже, металлу и тканям.



ЧЕЕ МЕСТО... ДОМА

Творческое объединение «Уку» — прекрасный образец всестороннего использования трудовых ресурсов, к чему призывал ноябрьский (1981 года) Пленум ЦК КПСС, пример большой заботы о пополнении рынка бытовыми товарами, необходимыми для каждого дома, товарами повышенного спроса. Это варежки, шарфы, платки, свитеры, джемперы, юбки, блузки, кожаные пояса, сумочки для косметики, кошельки, спортивная одежда, деревянная столовая утварь — плетенки для хлеба, разделочные доски, тарелки, корзиночки, медные кофейники, чайники и бокалы, колпаки-грелки и хваталки для горячих кастрюль и сковородок, железные дверные ручки, щипцы, кочерги, решетки для каминов и многое другое. По данным отдела сбыта «Уку», «нумерация артикулов превышает 4000». Все эти вещи пользуются большим спросом не только в Эстонии и в других советских республиках, но и вывозятся в Финляндию, где высоко ценятся ручные изделия народных мастеров.

...На спокойной, свежим снегом посеребренной таллинской улочке Якобсони находится главная контора «Уку». Атмосфера здесь не-



принужденная, хозяева охотно показывают творения мастеров, и, конечно, ничего удивительного в этом нет: ведь одобрение зрителей — всегда большая радость для художника. Только одна дверь плотно закрыта — там заседают творческие руководители «Уку», семь его профессиональных художниц. Но не станем поверять алгеброй гармонию и мешать художницам: они обсуждают новые образцы — и свои и предложенные народными мастерами. Женские голоса то текут мелодичными ручейками, то переходят в спор, наконец, раздается дружный взрыв смеха, и дверь распахивается. Моложавые и веселые художницы довольны — модели были удачные, да и весь минувший год прошел под знаком удач. А год был юбилейный: «Уку» исполнилось пятнадцать лет, и почти все эти годы трудились здесь главный художник Тийю Мюрк, художник по коже Кира Кадарик, по дереву — Хели Ормиссон, по металлу — Эне Юрилоо и Хелью Тасса, по вязанию — Регина Кули и по текстилю — Малль Таймре.

Интересно в комнате у Элле Реммельгас: идет сдача готовой продукции — вышивки, вязанье, пояса, цепочки, браслеты. Громоздятся цветные сугробы шерсти, которая через положенный срок станет чем-то нарядным и радостным для покупательниц. Элле принимает, взвешивает, сравнивает, начисляет выполнение плана и зарплату. Здесь мы знакомимся с самой молодой мастерицей «Уку» Имби Кадари. Ей чуть больше двадцати, она тоненькая и очень живая. Дома у нее двое малышей; пока они спят и играют, Имби на полставки выполняет работу для «Уку» — вышивает заготовки для комнатных туфель: по черному суконному полю яркие цветы.

— А кто у вас самый старший в коллективе? — спрашиваем у Элле.

— О! — говорит она.— Посмотрите-ка на эти варежки, видели что-нибудь подобное?

— Видели вчера на вашей выставке, а раньше не приходилось.

— Естественно, потому что варежки идут нарасхват, вяжет их Клара Мёльдер, ей восемьдесят два года.

Тонкий узор на разноцветных варежках похож то ли на полет снежинок, то ли на причудливые витки серебристой нити. Очень красиво.

— Съездим к ней? — предлагаем Элле.

— Сейчас еще рано.

— Спит долго?

— Нет, что вы! Она каждое утро из своего микрорайона Ыйсмяэ ездит в центр в кафе «Пэрл» пить кофе.

В положенный час мы звоним в дверь Клары Мёльдер и у женщины, открывшей нам, спрашиваем, дома ли ее мама.

— Мама?! Элле, да кто же тебе нужен?

— Ты, Клара,—говорит Элле, и они обе смеются, а мы удивляемся, потому что бабушке Кларе на вид по крайней мере на двадцать лет меньше восьмидесяти. Рассматриваем варежки и слушаем рассказ Клары про ее родную деревню у Чудского озера, про ее десятерых детей, у которых столько потомства, что их всех и не запомнить.

— Когда вяжу, вспоминаю слова песен, которые в молодости пела. Вы знаете такую песню — «Вера чудная моя»?..— И, как-то очень мило притопывая, бабушка Клара поет озорную студенческую песню далеких лет, услышанную ею от давних заезжих студентов. Она приглашает нас зайти еще раз в субботу, когда у нее будут родственники. Тогда нам удастся сделать хоть и многолюдный, но неполный семейный портрет, в центре которого восседает сама Клара Мёльдер с очень серьезным видом, озабоченная тем, чтобы на снимке получилась ее награда — орден «Мать-героиня».

— В «Уку» я работаю со дня основания, пятнадцать лет, и разлучит меня с ним только... Даже не хочу говорить что,— заявляет она на прощание и, бойко хлопнув нашего фотокорреспондента по плечу, поет ему: — До свиданья, милый скажет, а на сердце камень ляжет...

По дороге мы говорим о том, какой удивительный жизненный эликсир — дело, которое любишь.

И еще одно знакомство — супруги Вяйно и Валве Серка и их дочь Юлле. Вяйно Серка долго работал на Таллинской ювелирной фабрике, потом перешел по состоянию здоровья в «Уку» надомником, обучил ювелирному делу жену и дочь. Их рабочее место — табуретка на кухне, где в ювелирном — ювелирнейшем! — порядке в спичечных коробках, поставленных в несколько этажей, размещаются и сырье и готовая продукция. Здесь впервые видим, как делаются звенья цепочки: тонкая проволока наматывается плотной спиралью на палочку, потом спираль перепиливается продольно, и крохотные скобки падают на подставленное блюдце. Затем Вяйно Серка надевает очки с увеличительными стеклами, берет специальный, им самим придуманный держатель, миниатюрные щипчики и молоточки и молниеносно создает цепочку.

— Юлле делает цепи из более крупных звеньев, она работает у себя в комнате,— говорит он.

— Это серебро?

— Сплав, в котором нет ни грана серебра. Но разве цепочка от этого менее красива?

...— Вязание и работа с металлом довольно широко распространены в республике,— рассказывает на другой день Элле Реммельгас.— А сейчас я хочу показать вам искусство редкое, свойственное только жительницам острова Муху, их национальным нарядам. Молодежь там одевается современно, и искусство мухуской вышивки могло бы исчезнуть, если бы не Лейда Кирст.

Лейда в своей комнате устроила для нас целую выставку. Цветы, вышитые ею по черному тонкому сукну, могут пригрезиться человеку только во сне, в мечтах. Я знаю островок Муху — малорослая рожь с васильками да куколью, ромашки и редкий шиповник. Так вот же женщины Муху сумели дополнить неброскость своей природы этакой красотой! Нет, они не фантазировали, просто усилили свои шиповники да ромашки талантливым воображением.

— У кого вы учились вышивать?

— Кто же спрашивает мухускую женщину об этом? — улыбается Лейда.— Мы рождаемся сразу с умением вышивать. Вот эту подушку я расшивала с маминого свадебного одеяла, а мама шерсть еще травами красила: мхом — в коричневый цвет, осиновой корой — в оранжевый, подмаренником — в красный, березовыми листьями — в зеленый, желтой ромашкой — в желтый.

Переехав с острова в Таллин, Лейда поступила в народный университет культуры, в студию рисования имени Лайкмаа, да так и осталась там в рисовальном кружке, ходит на занятия вот уже десять лет. В яркий мухуский рисунок она внесла удивительное свойство — цветы воспринимаются живыми, выпуклыми, они дышат полевыми ароматами. Как это получается?

— Светотень,— объясняет Лейда,— для каждого цветка подбираю шесть-семь тонов.

Были мы в гостях и на Пээскюласком участке, где пенсионерки Айно Мяливере и Лейда Пыдер на старинных ручных станках ткали мохнатые ковры, один из них для Финляндии, по эскизу финской художницы Леены-Кайсы Халме. Здесь же Агнес Лейдла и Эне Вене делали кожаные пояса и сумочки, Хелле Леэс на вязальной машине создавала юбки и джемперы из смешанных ниток, Валентин Маасинг обрабатывал дерево. Знакомства наши были приятны и глазу и сердцу.

Начав свой рассказ о симпатичном божке уюта Уку, закончим его сферой влияния другого бога — повелителя железа и огня Ильмарине. Правда, его подданный кузнец Майдо Вайкре сказал:

— Ни в богов, ни в божков не верю, пусть уж будут символами, ладно. Верю в силу и выдумку человека.

В уютной, чистенькой — не правда ли, странно звучит? — кузнице Майдо Вайкре зашумел горн, накалилось железо, лицо у кузнеца покраснело, жилы на висках вздулись, побежали по лицу струйки пота. Мягким, как воск, стало алое железо, легко подчинилось человеку и молотку в его руках. Сделав поковку, Майдо весело обернулся к нам — у него было лицо счастливого человека. Живет такой художник по железу в маленьком курортном поселке Аэгвийду на улице Пийбе...

...Конечно, талант — удел избранных. Но народная мудрость справедливо утверждает: каждый человек — кузнец своего счастья.

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Они ехали уже несколько часов. Мэри все время молчала, лишь коротко отвечая на вопросы. Только после полудня она напомнила Андрею:

— Неплохо бы перекусить, сэр!

— Извините,— сказал Костров и стал читать указатели. Наконец он увидел знак.

Ресторанчик оказался хороший и к тому же безлюдный. Кормили вкусно. У хозяина был небольшой отель на десять номеров и несколько разноцветных пластмассовых домиков в сторонке, на берегу небольшого озера. Место было красивое. Очевидно, на уик-энд сюда приезжало отдыхать много народу.

Поели молча. Лишь после обеда Мэри сказала:

— Мы так уверенно промчались мимо поворота на Оттаву, что я усомнилась в том, будто вы собирались туда заезжать.

— Я же вас предупреждал, что мои планы могут перемениться.

— Я это предвидела.— Она кивнула на чемодан.

На самом деле Андрей, проезжая поворот на Оттаву, внимательно смотрел, как поведет себя Мэри. Если Фергюссон следит за ним, то перемена маршрута ее озадачит. Ведь из автомобиля передать какую-либо информацию она не сможет.

Увиденное не обрадовало его. Мэри заметила, что они проскочили линию Оттавы, но никак не отреагировала на это. Лишь проехав миль десять, попросила остановиться у бензоколонки.

— На минуточку,— смущенно сказала она.

«В туалетах тоже бывают телефоны-автоматы»,— подумал Андрей.

Наконец Костров съехал с автострады и направился к центру города.

— В отеле может не оказаться места,— сказал Андрей.

— Номер мне уже заказан, и там же, где и вам.

— Вы расторопны,— сказал он, думая о том, зачем она раскрывает перед ним карты. Он чувствовал, что Мэри делает это искренне, и его доверие к ней росло. И все же он старался трезво оценивать каждый ее шаг.

Они подъехали к отелю. Костров затормозил. Солидный швейцар открыл дверцу. К ним подбежал паренек лет восемнадцати. Серо-голубая форма с галунами и такое же кепи, на котором золотыми буквами было написано название отеля, делали его строгим и официальным.

Мэри вышла. Бой взял чемодан.

— Подождите меня в холле. Я быстро,— сказал Костров и отъехал, чтобы поставить машину.

Лифт поднял их на пятый этаж, и Костров проводил Мэри до ее номера.

— Через полчаса в холле? — спросил он.

— Отлично,— ответила она.

Ужинали в ресторане при отеле. Несмотря на усталость, сидели довольно долго. Андрей, приспособив перевернутую рюмку вместо формочки, делал круглые канапе. Мэри ела их с удовольствием, хвалила.

Костров рассказывал ей о своей жизни, о далекой России.

Никогда еще у Мэри Фергюссон не было такого приятного вечера. И никогда после возвращения в Канаду ни одному мужчине она не показывала, что ей с ним так хорошо, но Костров не замечал этого.

Мэри Фергюссон вспомнила о стоматологическом кабинете, о Брауне. Интересно, они уже получили ее записку? Адрес на конверте она, кажется, не напутала...

Настроение у нее вдруг испортилось. Андрей заметил это сразу. Он проводил ее,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—6.

Д Е К А Д А

открыл дверь и, пожелав спокойной ночи, ушел.

Мэри стянула с себя платье, бросила его в кресло возле телевизора. Потом скинула туфли и легла на разобранную горничной постель. Ей почему-то хотелось плакать.

Долговязый позвонил Брауну на следующий день утром.

— Вашего приятеля в Оттаве нет,— сказал он растерянно.

— Это меня не касается,— ответил Фред Браун.— Я тебя обо всем предупредил. И я не шутил.

Долговязый в отчаянии повесил трубку.

В Торонто Костров быстро отыскал Энди Мартина, к которому его направил Стенли Мерфью. Все получилось проще, чем предполагал Андрей. Здесь было два зала. В одном установлена стационарная звуковая и съемная проекционная шестнадцатимиллиметровая аппаратура. Это была удача. Проекционные камеры сняли, и уже к концу первого дня несколько энтузиастов, молодых рабочих парней, которым Костров только помогал, переводя русские инструкции, установили проекторы.

Когда вечером усталый Костров вернулся к отелю, Мэри со своей дорожной сумкой в руках ждала его возле гаража.

— Почему вы удрали?

— Не хотел будить. Я оставил вам записку у портье.

— Я получила, но найти вас было невозможно. Телефон не отвечал.

Она придержала Андрея за локоть.

— Эндрю, где ваши фильмы?

— В багажнике.

Он удивился: она думает о том же, что целый день мучило его.

— По-моему, сюда войдет несколько катушек, если их вынуть из больших коробок,— протянув сумку, сказала Мэри.

Костров насторожился.

— Так надежнее, у меня искать не будут.

Андрей подумал, что она, пожалуй, права, даже если это только предлог. Ведь если фильмы пропадут у нее, он будет знать хоть, с кого спросить. А если их просто выкрадут ночью из машины... Он открыл багажник и стал перекладывать бобины в сумку Мэри.

Утром Костров снова был в клубе. Его уже ждали. Энди Мартин, знакомый Мерфью, сказал:

— Может, вы могли бы остаться здесь до вторника?

— Это сложно. А почему именно до вторника?

— В этот день у нас бесплатная двадцатиминутная передача в телепрограмме. Сначала покажут репортаж о переговорах хозяев автобусной компании с бастующими уже месяц водителями. Эту часть можно сократить до десяти минут. Я говорил с парнями из телецентра. Они согласились помочь нам в оставшиеся десять минут сделать небольшой репортаж о работе клуба, причем тоже бесплатно. Но снимать они смогут только в понедельник.

Костров ухватился за эту возможность. Договорились, что вечером в пятницу, субботу и воскресенье дадут по одному сеансу. В понедельник — два, чтобы операторы могли снять отобранные куски.

Казалось бы, все идет неплохо. Костров много хлопотал, особенно в пятницу. Это был последний рабочий день недели. Мерфью обзвонил своих людей на предприятиях. Договорились, что у входа члены местных профсоюзных комитетов наклеят специальные объявления.

На каждом объявлении Андрей написал толстым фломастером время начала сеанса и адрес клуба. Мерфью предварительно созвонился со знакомым таксистом — бывшим фронтовиком. Тот приехал вовремя. За два часа все афиши были переданы адресатам, вывешены, и, уходя с предприятия, рабочие узнавали о бесплатном просмотре для них и их семей.

В пятницу вечером за пятнадцать минут до начала сеанса зал был еще пуст. Костров волновался. «Не придут,— думал он.— Время плохое: весна, конец недели. Уедут за город или сядут перед телевизорами». Но без десяти минут семь появились первые зрители. Сначала шли пожилые люди. Потом народ повалил гуще, и уже перед самим сеансом и даже после того, как в зале погас свет, шли молодые.

В местных коммерческих кинотеатрах зритель может прийти в середине и в конце фильма. Это никого не волнует, и хождение не раздражает присутствующих. Так же приходили люди и в клуб, но реакция на помехи и шум была иной. Когда начали показывать фильм «Обыкновенный фашизм», наблюдения и разъяснения автора на фоне кадров сегодняшнего дня не сразу захватили зрителей: в зале разговаривали, шутили. Но постепенно гомон затихал. К концу первой части все зрители напряженно следили за экраном, ловили каждое слово. Люди раздраженно реагировали на шаги, скрип кресел.

Когда зажегся свет, никто не встал с места. Костров сидел в последнем ряду и следил за аудиторией. Каким-то чутьем люди угадали в нем человека, к которому можно обратиться с вопросом. Вначале говорили лишь сидевшие рядом, но постепенно в беседу вступали их более дальние соседи. Через несколько минут весь зал обернулся к Андрею. Костров отвечал: рассказывал о войне, понесенных народом жертвах и о нашем сегодняшнем дне. Но слов было мало, люди хотели видеть. И в зале снова погас свет. Показали фильм о часовом заводе. Потом о профсоюзной здравнице на Черном море, об эстетическом воспитании в детском саду и напоследок грузинский фильм «Свадьба».

Было уже около одиннадцати вечера, но никто не хотел уходить. Толпа окружила Кострова тесным кольцом. Вопросы возникали один за другим. Люди хотели знать правду.

На другой день, в субботу, на просмотр пришла странная компания. Костров сразу увидел этих людей. Они оглядывались на него, держались вместе, старались не терять друг друга в массе рабочих. Еще не слыша их слов и не видя поступков, Андрей почувствовал — провокаторы. Он напряженно думал: «Они затеют скандал или постараются втянуть меня в дискуссию. Второе не страшно. Пожалуй, даже наоборот. Но, спровоцировав спор, они поднимут потом шум о том, что представитель Советского Союза ведет здесь пропаганду и вмешивается во внутренние дела страны, а правительство Канады не принимает мер». Костров уже заметил в толпе нескольких газетчиков с фотоаппаратами.

«Однако и уйти тоже нельзя: ведь это значит уступить им, дать возможность еще раз оклеветать нашу страну, объявить фильмы «большевистской пропагандой».

Костров остался.

Предчувствие не обмануло его. На этот раз вместо «Обыкновенного фашизма» показывали «Великую Отечественную». Сзади Андрей видел ряд, где сидели провокаторы. Он ждал вылазки, но было тихо. Видимо, чувствуя настроение зала, они боялись затевать шум. Их могли бы просто избить и выбросить.

После сеанса вновь Кострова окружили зрители. Он заметил среди них несколько человек из той группы. Газетчики с открытыми камерами были рядом.

Андрей стоял и думал: «Как странно! Я окружен толпой граждан чужой страны, они не знают моего языка, а я ощущаю их своими, близкими. А вон те, явно русские или украинцы, ели наш хлеб, пели те же песни, что и я,— они враги, чужие».

Ждать пришлось недолго. К Кострову протиснулся невысокого роста, худощавый человек. Нос его оседлали небольшие очки без оправы, но с поблескивавшими дужками, уходящими за маленькие оттопыренные уши. На нем был аккуратно выглаженный черный костюм, белая рубашка, галстук.

— Здравствуйте,— сказал он на чистом русском языке и улыбнулся как-то злорадно и жалко одновременно.

— Здравствуйте,— ответил Костров по-английски.

— Я бы хотел кое о чем поговорить с вами,— вновь обратился тот по-русски.

«Нужно, чтобы нас понимали»,— подумал Костров.

— Я готов поговорить с вами, как вы сказали, «кое о чем», но только по-английски,— ответил он.

— Хотите использовать возможность для пропаганды?— сказал тот вновь по-русски.

— Я не собираюсь пользоваться возможностью для пропаганды, но я полагаю, что невежливо говорить на языке, которого не понимают вокруг. По-моему, здесь каждый вправе знать, о чем идет речь,— опять по-английски ответил Костров. Он строил ответы так, чтобы собравшиеся понимали, каким был вопрос.

— Ол райт,— вынужденно согласился человек в очках. Он полез в боковой карман и вынул какую-то сложенную вчетверо бумажку.— Вот полученное из Москвы письмо советского писателя...

Он назвал совершенно неизвестную Андрею фамилию и повторил измышления правой прессы о нашей стране.

Костров заметил поднятые над головами фотокамеры, протянутые на длинных штативах микрофоны магнитофонов. От него ждали ответа журналисты. Его внимательно слушали окружающие их рабочие.

— Я не знаю, о ком вы говорите. Но если у нас происходит такое, то как могло появиться это письмо? И почему его автор на свободе?

По толпе пронесся одобрительный гул. «Первый раунд за мной»,— подумал Костров.

Человечек поправил очки и многозначительно сказал:

— Но вы все-таки возьмите и прочитайте это письмо.

— Зачем? Оно меня попросту не интересует: ведь о таком «писателе» я никогда не слыхал.

Человечек возликовал. Фальцетом, почти срываясь на визг, он крикнул:

— Видите, как вас запугал Сталин! Так запугал, что по сей день трясетесь.

Костров ответил спокойно, внятно и громко:

— Странная логика у вас. Нас Сталин запугал, но мы не удрали при удобном случае к Гитлеру, не бросили и не предали Родину, а разбили фашистов. От испуга, наверно, мы в короткий срок восстановили и отстроили сожженные и разграбленные гитлеровцами города и села Советского Союза, от испуга вырвались в космос. А вы, храбрецы, помогали фашистам расстреливать своих соотечественников, грабить свой народ. А потом от храбрости, наверно, удрали, страшась суда народа, и по сей день боитесь вернуться на свою землю, хотя у нас давно уже амнистированы люди, сотрудничавшие с оккупантами.

В толпе дружно засмеялись.

— Сволочь! Мало мы вас вешали!— исступленно закричал по-русски человечек, очки слетели с его вспотевшего носа, глаза горели ненавистью.

— Этот господин говорит, что он вешал таких, как я, до того, как удрал из России,— перевел Костров.

Люди, только что просмотревшие фильмы о кровавой борьбе советского народа, о том, как далась победа, притихли после этих слов. Человечек замолчал и испуганно оглянулся по сторонам. Толпа расступалась, образуя узкий проход. Высокий мужчина с огромными рука-

ми и короткой толстой шеей вдруг сказал, обращаясь к человечку в очках:

— Грязная свинья! Убирайся отсюда, пока я тебя не вколотил в нашу землю, которую ты топчешь и поганишь!

Человечек, пятясь, отступал по узкому проходу.

Газетчики убирали фотокамеры. Сенсации не получилось.

Все эти дни Мэри Фергюссон не спускала с Кострова глаз, сопровождая его с утра до вечера. Андрей много работал. Постоянное напряжение не оставляло его, и Мэри казалось, что он попросту не замечает ее, лишь изредка перекидываясь с ней ничего не значащими фразами. Но это было не так. Андрей напряженно следил за каждым шагом Мэри Фергюссон.

В понедельник он сказал ей за завтраком:

— Уик-энд не получился,— и, рассмеявшись, добавил: — Отгулы и оплату сверхурочных просите у братьев Розз.

— А вы?— серьезно спросила она.

— Я — нет. В этой стране меня никто не защищает. Ведь я не член профсоюза. Капиталист Майкл не даст мне отгула и не выплатит сверхурочных.

Он допил кофе и, глядя на осунувшуюся за три дня Мэри, добавил:

— Сегодня вечером посмотрим телепередачу, потом я заберу в клубе фильмы. Аппараты Мартин обещал отправить в среду утром. А мы выедем во вторник пораньше и проведем остаток дня в том отеле, где обедали. Там и переночуем, а утром пораньше — в Монреаль.

Они выехали из Торонто в пять часов утра.

Настроение у Андрея было хорошее. Он считал, что проделал в Торонто полезную работу. Это радовало его не только потому, что две-три тысячи человек узнали крупицу правды о нашей Родине. Костров понимал, что после телевизионной передачи интерес к декаде советских фильмов возрастет. Огорчало, что из-за забастовки водителей автобусов он не смог договориться о размещении подвижной рекламы. Но за борьбой профсоюза с предпринимателями следил весь город, и передачу об их переговорах смотрели сотни тысяч людей. Все они увидят репортаж о показе советских фильмов в клубе, а из интервью Кострова узнают, что они будут идти в городе десять дней.

Мэри, немного грустная, молча сидела рядом. «Еще не проснулась окончательно»,— подумал Костров.

А она глядела на уносящиеся назад столбы и проволочные сетки оград, кустарники и водную гладь озер, и солнечный день не радовал ее.

...Хозяин ресторанчика и отеля, где они обедали по дороге в Торонто, был рад старым гостям. Обычно в будние дни у него постояльцев не бывало.

— У меня есть для вас чудесный номер на двоих с прекрасным видом на озеро,— засуетился он.

— Спасибо. Но нам нужно два номера,— ответил Костров.

— Ради бога.— Старик смущенно развел руками.— Есть и два. Можно и отдельные коттеджи.

— Нет, просто две нормальные комнаты для мисс и для меня.

— Хорошо. Приглашаю вас искупаться: возле нашего берега бьют теплые ключи, и вода в самый раз. Только не заплывайте далеко.

Они разместились удобно и свободно. Через несколько минут Андрей, переодевшись, пошел к озеру.

— Вы не хотите поплавать?— крикнул он, подняв голову к открытому окну в комнате Мэри.

— Иду,— откликнулась она, но не выглянула.

Озерная вода была в меру холодна, и Андрей, блаженно пофыркивая, нырял и плавал недалеко от берега.

Он уже собрался было вылезать из воды, когда на дорожке, которая вела от ресторанчика к пляжу, появилась Мэри.

Купальные трусы из синей искусственной кожи с вышитой серебряной канителью бабочкой плотно облегали ее стройные бедра. Такой же бюстгальтер охватывал маленькую грудь. Костров смотрел на Мэри, восхищаясь ее пропорционально сложенным, по-девичьи тонким и гибким телом, красотой больших темных глаз.

Они поплыли от берега. Вода становилась все холоднее.

— Дальше не надо, не стоит рисковать,— сказал Андрей.— От холода может свести ногу судорогой.

— Мне кажется, что правую уже сводит,— не то в шутку, не то всерьез подтвердила Мэри и, подплыв к Андрею, оперлась рукой о его плечо. Он почувствовал, как напряглась ее ладонь, дрогнули пальцы.

— У вас действительно судорога от холода? — спросил он.

— И от вашей глупости,— ответила она и, оттолкнувшись, поплыла к берегу.

Купание в озере и чистый воздух соснового бора освежили их. Захотелось есть, и они направились к отелю.

Пока они купались, на стоянке появились еще две машины. Пыль и виннипегские номера говорили о том, что их владельцы проделали долгий путь.

Через десять минут Костров и Мэри вновь встретились в обеденном зале. Стейки удались на славу. Их вкусный запах Андрей почувствовал еще в дверях.

За столом просидели долго. Мэри рассказывала о своем детстве, расспрашивала Андрея. Его юность резко оборвал июнь тысяча девятьсот сорок первого года, и поэтому разговор зашел о войне. Притихшая Мэри ловила каждое его слово.

Какие-то люди, очевидно, с тех двух машин, сидели неподалеку. Андрею показалось, что и они тоже внимательно прислушиваются к его рассказу.

— По-моему, нас подслушивают,— наигранно-весело и нарочито громко сказал Андрей по-русски.

За соседним столиком задвигали стульями, зазвенели фужерами, с деланным оживлением заговорили.

Костров поддерживал беседу, стараясь быть предупредительным и внимательным, но ему не давала покоя мысль о новых постояльцах.

— У вас сегодня удачный день: еще гости появились,— сказал Андрей хозяину, выходя с Мэри из зала.

— Они только пообедать и отдохнуть,— ответил старик.— К вечеру уедут.

Но это не успокоило Кострова. Интуиция подсказывала ему, что встреча не случайна. Мелькнула мысль: отправиться дальше сейчас же, но он оставил ее. Пускаться в дорогу на ночь глядя было неразумно.

Однако Андрей незаметно наблюдал за двумя машинами. Он видел, как, быстро усевшись, незнакомцы уехали, и его синий «шевроле» вновь остался один на стоянке.

Утро, как и вчера, было чудесным. Они мчались по шоссе, и Костров думал о том, что, хотя в Монреале его ждет множество дел, все же нужно заскочить на часок в Оттаву и посоветоваться с товарищами в посольстве. На этом он и порешил.

Может быть, оттого, что солнечное утро сменило сумерки вчерашнего вечера у холодноватого озера, на душе у Андрея стало спокойно. «Случайная встреча. Мало ли русских в Канаде»,— сказал он себе.

Андрей поглядел на Мэри.

— Вы опять без ремня? Хотите, чтобы меня оштрафовали?

— Лучше не превышайте скорости,— отпарировала она и грустно спросила: — И вообще, куда вы так спешите? Вам очень надоело ехать со мной?

На триста сорок седьмой миле посреди дороги номер два стоял маленький шлагбаум, покрытый серпантином самосветящихся фонариков. Над ними был установлен круг указателя со знаком «Въезд запрещен». В стороне на подставке стрелка с надписью «Объезд».

Андрей съехал на объездную трассу. Здесь асфальтовое покрытие было уже и полосы не разделяли встречного движения. Машин не видно. Еще издалека Костров заметил идущих друг за другом двух огромных желтых «даймондов» с крытыми зеленым брезентом кузовами. Грузовики ползли неторопливо, уверенно. Слева был небольшой лесок. Дорога довольно круто огибала его. «Даймонды» скрылись за деревьями.

Когда они вновь вырвались на шоссе из-за лесочка, то уже теперь мчались рядом, бортом к борту. Костров слышал рев моторов. Расстояние быстро сокращалось. Дорога впереди перекрыта. Справа, вплотную к полотну,— стволы деревьев. Впереди многотонные желтые «даймонды». Слева канава. За ней поле, огороженное металлической решеткой.

А расстояние все сокращается. Вдруг восемь мощных ламп-фар на двух «даймондах» сверкнули ярким светом, который бьет в глаза, слепит.

Руки Кострова впились в рулевое колесо. Правая нога с акселератора — на тормоз. Педаль без усилия проваливается вниз.

Андрей видит висящие над ним «даймонды», каменные лица шоферов и в зеркале — широко раскрытые глаза Мэри.

— Ремень!— кричит Костров, но в тот же миг понимает: «Поздно». Левой рукой он еще крепче сжимает руль. Правую протягивает перед Мэри, прикрывает ее лицо.

До «даймондов» — лишь считанные метры. Руль круто влево. Нога до отказа прижимает акселератор к полу. Резкий толчок — и «шевроле» летит над канавой. Рядом, в десяти сантиметрах, с воем промчался «даймонд», и желтые дьяволы уносятся, не остановившись.

Тяжелый и низкий лимузин падает четырьмя колесами на поле. Удар. Машина подпрыгивает и ударяется еще раз, теперь об ограду. Вылетает лобовое стекло.

Звон, и вслед за ним тишина. Андрей лежит на земле, и Мэри платочком вытирает кровь с его лица. Он медленно открывает глаза и замечает, что Мэри плачет.

Костров пытается шевельнуться, но от острой боли в правом плече едва не теряет сознание.

— Вы не разбились?— тихо спрашивает он у Мэри.

— Нет, нет!— глотая слезы, отвечает она.

Андрей вновь закрывает глаза и чувствует, как она припадает к его лицу мокрой щекой. Он вновь приходит в себя. На губах солоноватый привкус. «Кровь»,— думает Костров. Он открывает глаза и смотрит на Мэри. По ее лицу катятся слезы.

Андрей осторожно сел. «Ноги целы»,— подумал он, шевельнув ступнями. От удара о рулевое колесо очень болела грудь, а правая рука совсем не слушалась его.

Опираясь на здоровую левую руку, Костров встал. Его слегка поташнивало, в голове шумело. Мэри сидела на земле, беспомощно опустив плечи и обхватив руками согнутые в коленях ноги, и все еще плакала. Сквозь порванные чулки виднелись кровавые ссадины.

— Реакция,— сказал Андрей.— Это пройдет. Ведь у вас, кажется, нет переломов?

Он с трудом наклонился и левой рукой помог ей встать.

Они огляделись. На дороге никого не было. «Даймонды» давно уже скрылись за поворотом. Костров с надеждой посмотрел вверх, но не увидел в небе полицейского вертолета.

Синий «шевроле» беспомощно распластался на поле, лежа днищем на земле. Когда Андрей попытался открыть капот, это удалось не сразу. При внешнем осмотре мотор показался ему не поврежденным. Он осторожно сел за руль и включил зажигание. Мотор завелся мгновенно и заработал тихо и ровно. Он хотел попробовать отъехать назад, но вспомнил, что у машины отказали тормоза.

— Давайте я пойду по шоссе до первого телефона?— предложила Мэри.

— Это ведь объезд, вряд ли здесь есть телефоны.

В ожидании прошло около часа. Наконец они услышали шум двигателя, и на дороге показался колесный трактор. Фермер увидел их и удивленно остановился.

— Что с вами, сэр?

— Отказали тормоза,— сказал Костров, не вдаваясь в подробности.— Далеко ли здесь до телефона?

— Не очень. Миль пять.

— Если вы в ту сторону, то вызовите, пожалуйста, полицию.

Прошло еще с полчаса, и над полем повис полицейский вертолет. Прижав к земле трепещущую траву, он опустился рядом и, тревожно пострекотав винтами, затих.

— Что стряслось?— еще на ходу спросил по-

лицейский.— Я уже вызвал «Скорую помощь».

Костров рассказал, что произошло. Вскоре в воздухе повис второй вертолет с красным крестом на днище и на боках. Пока он садился, полицейский осмотрел машину, следы на дороге, выбоину на бруствере канавы и сказал удивленно и с облегчением:

— Вы родились в рубашке.— Потом спросил: — Машина застрахована?

— Да, конечно.

— Тогда все о'кэй. Летите и лечитесь.

Между тем молодой красивый доктор суетился возле Кострова. Однако он лишь проверил пульс и произвел внешний осмотр.

— Вы иностранец?

— Да, русский.

— Вы из России или эмигрант?— подумав, сказал доктор.

— Я из Советского Союза,— резко ответил Костров.

Но это не обидело доктора.

— Отлично! У вас богатая страна, вы вполне можете лечиться в нашем госпитале. Он лучший в городе.

Костров знал, что такое частный госпиталь. Три года назад его сотрудника, молодого киномеханика, отвезли в больницу с острым аппендицитом. Операция, лекарства и три дня послеоперационного ухода и питания стоили восемьсот семьдесят долларов.

Андрей не считал свое положение слишком серьезным. Головокружение, как ему казалось, утихало. А с рукой он решил обратиться к посольскому доктору.

— Благодарю вас,— сказал Костров,— я чувствую себя достаточно хорошо.

— Смотрите, мистер Костров. У нас отличная клиника. Сейчас приедет муниципальная «Скорая помощь», но это не для белого человека,— попытался он пошутить.

— Благодарю,— еще раз сухо ответил Костров и отвернулся.

Врач уже направился к вертолету, как вдруг в дело вмешалась Мэри Фергюссон.

— Стойте!— сказала она врачу.— Как вы можете бросать больного?

— Но он, очевидно, не хочет платить.

— Заплачу я.

Она подбежала к машине, выхватила из сумочки чековую книжку и, вернувшись к врачу, раскрыла ее перед ним.

— Тогда другое дело.

Красивый доктор в белом халате решительно направился к Кострову.

Полицейский с интересом следил за этой сценой.

— Мисс Фергюссон,— сказал Андрей, и что-то сжалось в нем от собственной сухости,— я признателен вам, но денег на моей чековой книжке достаточно. Кроме того, любую медицинскую помощь, оказанную мне, оплачивает посольство Союза Советских Социалистических Республик. Однако оставить фильмы я не могу и не уеду отсюда, пока не прибудет наш представитель.

Полицейский вызвал из Оттавы техническую помощь и попросил передать в советское посольство, чтобы за Костровым приехали.

— Как вы попали на эту дорогу?— спросил он у Андрея, когда врач-коммерсант улетел, а прибывший на другом вертолете муниципальный врач обработал ссадины Кострова и его спутницы и тоже улетел, сказав, что госпитализация не нужна.

— Как я попал на эту дорогу? Но ведь там стоит указатель — «Объезд»!

— Никакого указателя там нет. Эта дорога давно закрыта, и ею пользуются лишь местные фермеры.

«Так вот почему здесь не было машин,— подумал Андрей.— Они специально направили меня по этому пути...»

Вскоре показалась машина технической помощи. Двое коренастых мужчин в оранжевых комбинезонах подцепили «шевроле» за задний бампер и мигом вытащили его на шоссе. Потом их грузовик тросом подъемника задрал передок «шевроле», уперев его колесами в специальный помост. Один из рабочих вместе с полицейским наклонились и стали разглядывать машину снизу.

Потом полицейский вновь вытащил из сумки протокол и что-то дописал туда.

— Тормозные шланги подпилены возле всех цилиндров,— сказал он Кострову.

Продолжение следует.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

«Истинный защитник России — это история». Так сказал великий Тютчев — поэт и историк, философ и дипломат. Так все отчетливее, все явственнее начинаем эту истину понимать все мы, даже не философы, не поэты, не историки и не дипломаты. История была, она уже прошлое. Но для того, чтобы она стала, чтобы прошлое перешло в настоящее и протянулось в будущее, нужны усилия. Большие усилия дающих, писателей-историков. И немалое желание, и часто усилия внимающих, — читателей, становящихся историками. Давно, наверное, не было такого положения, когда спрос и предложение так искали бы и находили друг друга. Сейчас наш общий читательский спрос на родную историю в очередной раз удовлетворен предложением значительной и нужной книги «Дипломатия древней Руси».

И речь совсем не о прилавочном спросе — здесь-то как раз все ясно: книгу достать, конечно, нельзя. А ведь она посвящена, казалось бы, сугубо специальной проблеме, снабжена тщательно сделанным, опять-таки носящим специальный характер аппаратом, включившим обильную литературу вопроса, отечественную и западную, издана отнюдь не чрезвычайным, но все-таки не таким уж маленьким — 38 000 экземпляров — тиражом. К тому же она нигде не сбивается на популярничанье, а ведь это тоже одно из условий, обеспечивающих подлинную популярность.

«Дипломатия древней Руси»... В первоначальном восприятии эти слова вроде бы и вяжутся странно. Древняя Русь, да еще какая — самая древняя, но потому и самая юная — IX век — первая половина X века — самая первоначальная. И вдруг — дипломатия. Но, может быть, как раз неожиданность сочетания и придает ему особую силу. Ведь мы имеем дело с новой, становящейся государственностью и всеми ее принципами, началами и особенностями и, конечно же, с внешней политикой, то есть с дипломатией. В последние годы открываются все новые и новые, неведомые области древнерусской жизни. Может быть, потому неведомые, что и невидимые. Так было с древнерусской музыкой: не храм ведь, не крепость, не роспись. Так было в самой уже гражданской истории — с дипломатией. Область эта до недавнего времени выглядела для нас как наиболее отдаленная и наименее доступная.

Конечно, за книгой А. Н. Сахарова стоят многолетние усилия многих исследователей и авторов, которые, скрупулезно учитывая своих предшественников, благодарно обращаются к учителям и достойно обходятся с оппонентами. Но сейчас такое исследование, не изменяя академизму, получило и характер очень значимого общественного, публицистического акта. С книгой Сахарова вся эта область изучения перестает быть вещью в себе и становится, так сказать, вещью для нас. Автор рисует картину, которая, подчиняясь логике самого исторического развития, оказывается все более широкой, все более проясняющейся: становление дипломатической практики древних русских, организация внешнеполитической деятельности Киева, вовлечение в сферу внешнеполитической активности Руси еще большего количества государств и народов, зарождение и развитие посольской службы в собственном смысле слова. Но дело не только в этом.

В. И. Ленин писал о том, что «выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль».

Дело, таким образом, не просто в изучении внешней политики. Без изучения внешней политики нельзя понять и внутренней политики, то есть в известном смысле всей жизни древнего русского государства. Отметим, между прочим, что тогда, оказывается, «впервые в русской дипломатической документации вводится понятие «Русская земля», которую представляют послы и под которой понимаются великий князь, его князья и бояре, а также все русские люди». При этом автор всегда четок в характеристике классовых предпосылок, в уяснении социальной природы идеологических форм и дипломатических акций: «Древнерусское государство с удивительной последовательностью проводило эту тривиальную для эксплуататорской верхушки складывающегося господствующего класса феодалов идею единства власти и народа».

В исследовании детально, шаг за шагом, рассматриваются аспекты дипломатии древней Руси как части общего развития государственности в сопредельных странах Европы и Передней Азии — от похода русских на Константинополь в 860 году и дипломатического признания древней Руси до политического значения крещения княгини Ольги. Подробно разбираются вопросы исторического значения русско-византийских договоров 907, 911 и 944 годов. Так, договор 944 года, явившийся огромным успехом молодой русской дипломатии, был, по существу, программой военного равноправного союза двух государств. Впервые в своей истории Русь сумела завершить определенный этап политического развития равноправным союзом военного раритета, «мира и любви».

Что знает широкий читатель о внешней политике древней, еще раз напомню, самой древней Руси? С детских лет запомнившиеся пушкинские строки: «Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хозарам»... Кстати, о хазарах. Не перестаешь удивляться провидчеству Пушкина и тогда, когда оно обращено в глубокое прошлое. Подтверждение этому и историк, и читатель, и литературовед, конечно, безотносительно к Пушкину, может найти на многих интереснейших страницах книги Сахарова, посвященных первому в литературе совокупному освещению статей договора 944 года. Отталкиваясь от осторожных предположений предшественников, А. Н. Сахаров убежденно и убедительно говорит о военном союзе Руси и Византии против Хазарского каганата и его союзников. Русь и Хазария были давнишними врагами. Шаг за шагом освобождались восточнославянские племена от ига хазар, каганат стоял заслоном на торговых путях в восточные страны: «Договор 944 года открыл для Руси возможность активных действий против Хазарии»...

Часто в науке, особенно на первых этапах освоения проблемы, приходится иметь дело со своеобразным периодом первоначального накопления, материалом обильным, но и эмпиричным. На втором этапе — и такой научной литературы немало — мысль становится суверенной, она решительна, смела, но, увы, подчас в обращении с фактами произвольна. На третьем этапе снова выходит вперед его величество факт, мысль как бы отступает, уходит, но уходит вглубь и потому-то оказывается более глубокой. В книге А. Н. Сахарова «Дипломатия древней Руси» мысль деликатна, но не робка, она знает цену себе; она свободна по отношению к фактам, но не потому, что ломает их, а потому, что смело идет им навстречу.

Николай СКАТОВ,
доктор филологических наук, профессор

Ленинград.

А. Н. Сахаров. Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в. М., «Мысль», 1980, 358 с.

ТРЕТЬЯКОВКА ОБНОВЛЯЕТСЯ

Жалуя Москве свое знаменитое собрание, П. М. Третьяков решил предоставить в собственность Московской городской думе и принадлежащую ему часть дома, где помещалась его художественная коллекция. Узнав об этом намерении брата, отдал свою половину и Сергей Михайлович. Так жилой дом Третьяковых, «состоящий Якиманской части, в приходе Св. Николая, что в Толмачах», стал галереей. После смерти П. Третьякова дом был перестроен, оборудованы новые залы, а в 1902 году по проекту В. Васнецова возведен фасад, который объединил дом Третьяковых с новыми пристройками. По этому фасаду, напоминающему своей формой старые русские терема, мы сегодня и узнаем Третьяковку. И вот теперь, впервые за все время ее существования,— в галерее капитальный ремонт.

Лаврушинский переулок будто замер — так непривычно здесь это малолюдье. Нет очереди у кассы, ровным снежным ковром покрыт двор... Но жизнь в стенах галереи стала еще напряженнее. Каждый день в девять утра у директора летучка. Работа предстоит огромная, таких масштабов ее Третьяковка еще не знала.

Прежде всего капитальный ремонт и реконструкция старого здания. Они будут проводиться по частям, в три этапа, что позволит закрыть галерею лишь ненадолго. О трудоемкости этой работы говорят цифры. Так, чтобы подготовить к ремонту только первую часть здания, нужно перенести в другие залы 119 икон, 371 скульптуру, 17 с лишним тысяч графических работ, 1164 произведения живописи, из них 125 крупногабаритных, а 4 значатся в графе «Перенос особой сложности». И сложность не только в том, что полотна эти большого размера и веса и требуют особой механизации при перемещении. Поскольку залы строились в разное время, не совпадают проемы дверей, и, чтобы перенести, к примеру, «Боярыню Морозову» В. Сурикова, пришлось разобрать раму.

Одновременно с ремонтом старого здания будут реставрироваться примыкающие к галерее дома и памятники архитектуры, в которых после реставрации разместятся запасники древнерусской живописи с экспозиционным залом для специалистов, научные отделы.

Еще в 1913 году И. Грабарь, став попечителем Третьяковки, мечтал, чтобы русское искусство было представлено здесь во всем своем многообразии. «Для музея такого размаха Третьяковская галерея дает более чем достаточно материала, но увы! — для этого слишком тесны нынешние стены»,— сетовал он уже тогда. Грабарь хотел «идеальной свободы места» и понимал, что она «может получиться только при капитальной перестройке галереи». Реконструкция стала тем более необходимой в наши дни, ибо намного увеличился поток зрителей. Если до революции в день через залы Третьяковки проходило всего до трехсот человек, то теперь она принимает до пяти тысяч зрителей, а в год — свыше полутора миллионов.

Вдоль Большого Толмачевского переулка до Кадашевской набережной будут пристроены к галерее флигеля, сохраняющие ее стиль и архитектуру. Отдельные помещения планируются для технических служб, для экспозиций, для концертного зала. Вместо центрального внутреннего дворика на плане будущей Третьяковки значится большой новый двухэтажный зал, в верхнем этаже которого разместится «Явление Христа народу» и другие произведения А. Иванова. Свой «персональный» зал получат и полотна К. Брюллова.

Сейчас из более чем 50-тысячного собрания произведений Третьяковки экспонируется лишь две тысячи с небольшим. После реконструкции многие шедевры русского искусства, лежащие ныне в запасниках, «выйдут» в залы. Шире будет показано древнерусское искусство, произведения XVIII века.

Л. ГОЛУШКИНА

театр

ДЕРЗАНИЕ

Сцена из спектакля «Белый пожар».

По виду он уже далеко не молод... Все лицо прорезали лучики морщин. Седина посеребрила бороду, тронула усы и густо разросшиеся брови. Но молодо, озорно блестят глаза у этого человека, стремительна походка, энергичны жесты... Таков великий преобразователь природы Иван Владимирович Мичурин в спектакле «Белый пожар» Мичуринского театра драмы. Именно таким и запомнился мне живой, подлинный Мичурин с детских лет, когда школьницей пробиралась я за яблоками вместе с другими девчонками и ребятами в знаменитый на всю страну питомник. В городе едва ли не у каждого дома тоже был сад, но мичуринские яблоки казались и вкуснее и слаще... Нередко встречали мы Ивана Владимировича на улицах города и неизменно приветствовали его возгласами: «Дедушка Мичурин! Дедушка Мичурин!..»

Спектакль «Белый пожар», раскрывающий приверженность ученого родной земле, страстную его одержимость идеей помощи природе, его душевность и благородство, волнует по-настоящему. Волнует образ человека, «с которого» хочется делать жизнь, как сказал поэт.

Одна из сцен спектакля произвела на меня по-особому сильное впечатление: сцена, где Мичурин ловит забравшегося за яблоками в сад подростка Пашку и долго разговаривает с ним... Открывается перед мальчишкой увлекательная жизненная перспектива: он будет выращивать такие же сады, как этот суровый, нахмуренный человек... Боже мой, подумала я, не был ли этот Пашка среди моих сверстников, тех ребят, с которыми заглядывала и я в мичуринский сад?! Да нет, по годам вроде бы не выходит... Значит, и потом, после, из года в год тянуло все новую ребятню в питомник,— и хотя мы этого тогда, конечно, не сознавали,— влекло по-прежнему еще и обаяние имени, личности дерзкого преобразователя природы.

Скупо, но поэтично оформил спектакль «Белый пожар» художник И. Сазыкин. На фоне белого яблоневого пожара разыгрываются острые схватки Мичурина с мракобесом-попом Христофором (В. Соколов), с городским головой (В. Войцеховский), с заокеанским бизнесменом Стратфордом (Г. Поклонский)... Христофор, как и городской голова, хотел бы запретить, остановить дерзновенный поиск ученого, утвердить на земле неподвижность, неизменяемость всего сущего. Стратфорд же, напротив, высоко ценит опыты Мичурина, но он хотел бы купить и самого ученого, и его талант, и его сад... Хотел бы все это вывезти из России за океан: ему это сулит большие барыши!..

Режиссер спектакля Г. Томилин и сосредоточил внимание на передаче яростной, напряженной схватки Мичурина с теми, кто противостоит его делу, его научным и патриотическим идеям.

Подчеркнув мировоззренческий характер этой схватки, Г. Томилин углубил и укрупнил сильные стороны пьесы И. Гладких; кстати, он тоже уроженец Мичуринска. В спектакле постепенно преодолевается одиночество великого ученого, которого в дореволюционном Козлове (так тогда назывался этот город) обыватели всячески третировали, старались унизить, оскорбить... Но вот постепенно вокруг Мичурина группируются его последователи и единомышленники. Теперь среди них уже взрослый Паша, проникновенно сыгранный С. Левандовским.

Но, конечно же, главный успех спектакля — это образ Мичурина, созданный заслуженным артистом РСФСР И. Полянским. Зрители старшего поколения хорошо помнят, как был сыгран Мичурин выдающимся актером Г. Беловым в одноименном фильме А. Довженко. В том образе было что-то от человека неистового, затравленного обывателями и с огромной силой против них восстающего.

Театр предлагает свое, вполне самостоятельное решение образа. Здесь Мичурин также непреклонен и горд, также раним, но он сдержаннее и мудрее: в высокой степени умеет герой Полянского владеть своими чувствами... Характер, воплощенный актером, глубоко народен, это характер революционера, борца по своей сущности, по своей природе. Потому-то и становится Иван Владимирович безоговорочно на сторону борющегося народа, сразу же принимает победу Великого Октября.

Присуждение Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского режиссеру спектакля «Белый пожар» Г. Томилину и исполнителю роли И. В. Мичурина И. Полянскому стало событием не только для театра, но для всего города, для всей Тамбовской земли.

Довелось посмотреть в театре и другой спектакль: «Материнское поле» Ч. Айтматова, также поставленный Г. Томилиным, перекликающийся по основной идее — приверженности родной земле — с «Белым пожаром», той же патриотической одержимостью героев.

Этот спектакль также заслуживает внимания и поддержки. Привлекает точностью прочтения авторского замысла, слаженностью актерского ансамбля и наличием таких работ, среди которых хочется особо выделить крупный, величественный образ Толгонай (заслуженная артистка РСФСР В. Ключанская). Проникновенно звучит душевный образ Земли (Т. Николаева).

Успех «Материнского поля» — еще одно подтверждение не случайной победы «Белого пожара».

Конечно, все это заслуга театра, его руководства. И здесь наряду с именем главного режиссера следует назвать имя директора театра — И. Костина, это человек, самозабвенно преданный искусству.

Театр прочно связан со всей духовной жизнью города, с его давними театральными традициями. Его успехи, конечно, подготовлены, обеспечены той повседневной заботой, с какой относятся к театру партийные и советские организации города. Если вспомнить, что в постановлении Совета Министров Российской Федерации «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию театрального искусства в РСФСР» особое внимание уделено городским театрам, формированию их репертуара, повышению уровня творческой деятельности,— особенно радует присуждение премии имени К. С. Станиславского Мичуринскому театру. Этот праздник мичуринцев, по сути дела, разделяют все городские театры России, стремящиеся к столь же высоким творческим результатам. И хоть говорят, что первая ласточка погоды не делает, думается, есть все основания верить, что эта ласточка погоду сделает!..

Вера ЗУБКОВА, режиссер

Гости «Огонька»

МОЛОДОЙ ДУЭТ

И двух лет не прошло с тех пор, как Татьяна Рузавина и Сергей Таюшев впервые вышли вместе на сцену. До этого была учеба — Таня занималась в Тамбовском музыкальном училище по классу фортепиано, Сергей учился вокалу в музыкальном училище Саратова, потом работа в ВИА «Надежда». А сейчас имена молодых певцов мы все чаще встречаем в программах телевидения, дуэт много работает на радио, записал свою первую пластинку. Рузавина и Таюшев участвовали в музыкальных форумах Союза композиторов в Москве, Ульяновске, Ташкенте, стали лауреатами телевизионного конкурса «Песня-81». Конечно, все это только первые шаги, но уже сейчас можно выделить главную тему в работе артистов, понять, что же позволило только что родившемуся дуэту не потеряться в бурном море дебютов, заставить прислушаться именно к своей песне.

Молодые исполнители, несомненно, музыкальны, артистичны, но мало ли музыкальных дарований ежегодно пытают счастья на многочисленных подмостках и исчезают. Голоса у Татьяны и Сергея из тех, что принято называть камерными, так что вряд ли они смогли поразить слушателей совершенством вокала. Интересно в их работе, пожалуй, то, что они поют, так сказать, в собственном сопровождении: Татьяна играет на рояле, Сергей — на гитаре. Изящный, тонкий аккомпанемент всегда много значит для исполнителя, и, поскольку они зависят только от себя, у них есть возможность варьировать настроение музыкальной картины, придавать ей новые краски — ведь концертный номер не есть нечто раз и навсегда заученное, в нем всегда будут возможности для импровизаций.

Но главное в том, что Рузавина и Таюшев представляют собой с жанровой точки зрения классический романтический дуэт.

Приподнятая интонация — не частая гостья сейчас на эстраде, а ведь совсем недавно редкая песня обходилась без тоски по «запаху тайги, туманам» и прочим романтическим атрибутам. Нет нужды иронизировать над этим — у каждого времени, как известно, свои песни. Наши дни принесли на эстраду публицистику, баллады, раздумья, даже философские притчи.

Но тяга ко всему тому, что составляет основу подлинно романтического в человеке, независима от моды.

Потому, наверное, и откликаемся мы на песни этого дуэта, что есть в его даровании нечто помогающее нам подняться над обыденностью, возвращающее нам изначальный смысл прекрасных, но затверженных до пустоты слов.

Вряд ли обращение именно к этой интонации было на первых порах для Татьяны и Сергея четко осознанным. Но природа их таланта, видимо, подсказала им ту дорогу, по которой они идут сегодня. Им, несомненно, порой приходится трудно: нота, которую они взяли, едва заявив о своем творческом существовании, — нота эта высокая, чистая и очень, если можно так выразиться, хрупкая.

Как сложится судьба молодого дуэта? Голос его набирает силу и уверенность, все отчетливей звучит он на современной эстраде. Ну, а нам остается только ждать новых встреч с ним, ждать новых песен.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Т. Рузавина и С. Таюшев в редакции «Огонька».

НУЖНА ЛИ СУВЕНИРНАЯ КАСТРЮЛЯ?

Все чаще обиходные, повседневные товары получают статус сувенира. Кому это выгодно! Этот вопрос мы адресуем республиканским министерствам местной промышленности, другим ведомствам, предприятия которых выполняют план по товарам народного потребления и за счет сувениров, а также Министерству торговли СССР.

К. БАРЫКИН

Долго я вертел в руках эту вещицу, пытаясь определить, к чему она. Снова открыл крышку коробки, повертел ее и так и эдак. В верхнем углу, под эмблемой Красноярского завода телевизоров, увидел, что прежняя цена стыдливо, но не очень аккуратно зацарапана. А рядом небрежно наклеен крохотный машинописный листочек с новой ценой.

— Такой инструмент никто и за трешку не рискнул бы приобрести,— прокомментировал случайный сосед по большому столичному магазину.— Вот и нашли выход — перевели товар в разряд сувениров. Денег вдвое больше, а ответственности никакой...

Обуреваемый сомнениями, я все же приобрел за семь рублей эту коробку с надписью: «Набор слесарных инструментов».

— Слесарных? — переспросил меня мастер слесарного дела одного из технических училищ.— Попробуйте-ка такой отверткой шуруп отвернуть. Не получится. Не инструмент это, а одно название. Только металл и пластмассу переводят.

— В сувенирную категорию стало модным переводить не только инструмент, — прокомментировали мою покупку в «Росхозторге».— Полюбуйтесь...

И поставили на стол весьма аляповатые изделия. Вазы — не вазы. Нечто из стекла и мельхиора. Не без труда разобрал этикетки: «Конфетница с ободком «Сурские зори», «Сувенир-салфетница». «Зори» шли по двенадцать рублей, за салфетный сувенир механический завод Пензенского облисполкома запрашивал семь рублей.

— Вы купили бы такое? — переспросил меня заместитель начальника объединения «Росхозторг» Л. М. Белобоков.

— Зачем же такой товар разрешают продавать? — в свою очередь, спросил я.

Оказалось, его и не согласовывают. Как только та или другая поделка получает статус сувенира, она тотчас перестает быть товаром утилитарного назначения и освобождается от целого ряда проверок и утверждений, обязательных для обычного товара.

Меня снова охватило сомнение. Как же так? В инструментальном магазине нелегко найти крестообразную отвертку, а в сувенирных отделах их — хоть пруд пруди. Работать ими, правда, нельзя; но сувениры и не для работы, скажут вам.

И подумалось: случайны ли эти подарочные слесарный набор и конфетница с ободком? В рассуждениях таких пошел в самый большой сувенирный магазин столицы. Тут меня окружили изделия повседневного обихода, но все с ярлыками «сувенир». Авторучка-сувенир. Блокнот-сувенир. Ковер-сувенир. Чайный сервиз-сувенир.

— Позвольте,— поспешили упрекнуть меня в незнании дела работники магазина.— Сервиз ведь вполне может быть сувениром.

Тогда я перелистал толстенный том товарного словаря, отыскал нужную страницу и снова перечитал строки о сувенирах, как об изделиях, «связанных с определенным местом, отражающим природу, искусство, бытовые сцены из жизни местного населения и его национальные особенности...». Вот и улови, какие бытовые сцены из жизни местного населения предлагает вниманию покупателя металлическая тарелка с эмалью, привезенная из далекой стороны.

В обилии сувениров, представленных на межреспубликанскую ярмарку галантерейных товаров, нетрудно было выявить сувениры-поделки, товары, которым этот ярлычок потребовался лишь для того, чтобы денег (цену) взять побольше, а количество изделий выпустить поменьше. И убить сразу не двух зайцев, а с полдюжины. Дается, скажем, заводу план — сделать ножи и вилки на энную сумму. Выделяются под это металл, станки, фонд зарплаты.

И начинаются непохвальные превращения. Ножи и ложки украшаются так, что не поймешь сразу — то ли это упражнения неопытных художников, то ли откровенная халтура и безвкусица. Но зато достигнута поставленная кем-то цель: вместо ста комплектов столовых приборов появляется двадцать—тридцать на ту же сумму. Получается и экономия металла. Но попадают ложки и вилки не в хозяйственный, где им и надлежит быть, а в сувенирный магазин. В объединении «Прогресс» местной промышленности Ярославской области прежде делали кухонные доски и скалки. Затем сняли ходовую, но, по мнению руководителей объединения, непрестижную продукцию и возобновили ее изготовление — в сувенирном исполнении. Казаковское объединение, что в Горьковской области, и мудрить не стало: сразу сделало сувенирные ложки «Виктория» и «Ветлуга».

Среди сувениров теперь есть даже кастрюли.

Не без огорчения знакомлюсь с результатами подобных новаций. Вот кухонный набор (сувенирный) с ручками под хохлому. Неудобный — на редкость. Может, красивый? «Дизайн оставляет желать лучшего», — комментирует известный московский художник-прикладник.

Набор ножей, вилок и ложек, сделанных в несувенирном варианте, стоил бы максимум 30—35 рублей, а тут заломили семьдесят пять.

Может, так выполняют план выпуска товаров народного потребления только в Павлове-на-Оке? Отнюдь. Хреновский лесхоз-техникум предлагает «миску большую», конечно же, сувенирную — за семь двадцать. Клинский стекольный завод выдал «комплект стаканов (цитирую этикетку.— К. Б.) цилиндрической формы без поддона и утолщенного дна в сувенирной коробке. Цвет изделий— бесцветный». Много ли заработаешь на бесцветном стакане, принесет ли он славу? И тогда выводят на стекле ярко-красные рисунки, никакого отношения к местному, клинскому колориту не имеющие. И готов сувенир!

Вдруг с прилавков стали исчезать кухонные разделочные доски — незамысловатые, но в хозяйстве без них не обходятся. В чем дело? Они перешли в другую «весовую» категорию. Похоже, что выпускать обычные доски с приятным ароматом чистого, хорошо обработанного дерева стало дурным тоном. Их обязательно надо разрисовать, раскрасить. Как говорят, «кухонная живоянсь». Прибыльное дело — вместо ста обычных досок можно сделать десяток «сувенирных» и получить за них те же деньги. Понятно, на подобной доске хлеб не нарежешь, сыр от нее пойдет радугой. Но с сувенира-то спрос какой? Подарил, и с плеч долой. Я присутствовал при разговоре весьма серьезных мужчин — представители промышленности и сувенирной торговли всерьез обсуждали проблему: какой бантик больше пойдет к этой разделочной доске, а какой — к другой. Спорили, забыв при этом, что кухонной доске бантик, как и «кухонная живопись», просто-напросто противопоказан. Плохой это вкус. И плохая экономика, потому что идет она вразрез с нуждами покупателя, с представлениями о разумности и рациональности.

Лет десять тому я приобрел и до сих пор храню маленький листочек березовой коры — точную копию берестяного письма, найденного при новгородских раскопках. На березовой коре воспроизведен с факсимильной точностью рисунок новгородского мальчика Онфима — его автопортрет. Он известен сейчас археологам всего мира. Купил я этот подлинный сувенир в Новгороде. Но не ищите сейчас такие отличные изделия в этом городе. Нет их. Берестяной сувенир непрост в изготовлении, да и не продашь его за «сувенирную» сумму. Вот галантерейно-сувенирная торговля и «не заметила», как исчезла великолепная копия новгородской бересты.

Псевдосувениры заполонили прилавки, сметая на своем пути другие изделия. Меньше стало простых стаканов, но их исчезновение и не заметишь за хрустальными бокалами в сувенирном исполнении. Не сразу купишь чистую кухонную доску, зато даже в табачных киосках предлагают доски-сувениры.

На соблазнительную и скользкую эту дорожку теперь ступают не только неведомые предприятия и фабрики местной промышленности. И большие заводы не устояли перед искушением. Делает же Красноярский телезавод «сувенир» — набор слесарных инструментов. Может, снять эту сомнительную продукцию, поискать для производства иное изделие? Или заняться улучшением качества основной продукции — ведь местные телевизоры не отмечены выдающимися достоинствами.

Вот какие мысли навевает поток псевдосувениров.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Перед отлетом в Австрию на горнолыжный чемпионат мира мы долго искали на карте Шладминг и никак не могли его найти. Этот штирийский городок, втиснувшийся в узкую щель горной долины у подножия альпийского массива Дахштейн, даже на австрийских картах теряется среди многих других, и название его, набранное самым мелким шрифтом, не так-то легко обнаружить. И вот маленький, незаметный Шладминг получил сразу широкую известность, став столицей горнолыжного спорта.

Именно здесь три года назад наш Владимир Макеев завоевал в скоростном спуске в борьбе за Кубок мира третье призовое место, и он имел вполне реальную возможность снова быть третьим — на этот раз в борьбе за призовую медаль чемпионата мира. Как это было бы к месту после неудачных выступлений его товарищей в Шладминге и в горнолыжном двоеборье и в слаломе! Но, увы, великолепно преодолев почти всю дистанцию скоростного спуска, Владимир Макеев буквально на последних метрах утратил уверенность движений и потерял драгоценные сотые секунды, что отбросило его хоть и на почетное, но все же шестое место...

Я написал слово «почетное» и подумал, что оно, наверное, вызовет недоумение тех, кто привык оценивать успехи в спорте лишь числом золотых медалей на крупнейших чемпионатах. Пока к на-раз убедиться, достаточно напомнить, что даже такие неизменные лидеры, как австрийские горнолыжники, до предпоследнего дня мирового чемпионата не смогли добиться ни одной победы и только на дистанции скоростного спуска наконец-то завоевали золотую медаль...

На электроцифровом табло, которое было установлено на лыжном стадионе в Шладминге, столь стремительно мелькали сотые части секунд, что трудно было вести подробную запись результатов. Всего мгновение назад спортсмен взял старт, и вот уже на табло вспыхивал его результат, показанный на первой половине не видимой зрителям дистанции, и тут же лыжник показывался на крутом повороте последнего отрезка трассы и мчался по ней, совершая перед финишем многометровый прыжок. Как раз на этом месте и постигла неудача Владимира Макеева, и он был не одинок: уж слишком сложны были ледяные трассы чемпионата. На всех соревнованиях мы были свидетелями целого ряда неудач ведущих горнолыжников мира. Так, например, на дистанции женского скоростного спуска из пятнадцати сильнейших лыжниц шесть не смогли завершить борьбы. Что же удивительного, что и австрийские горнолыжники никак не могли добиться своего золотого часа. Только Х. Вайратхеру, одиннадцатым взявшему старт в скоростном спуске, удалось показать самое лучшее время.

А сколько еще сюрпризов преподнес чемпионат его зрителям! Кто мог предполагать, что в слаломе-гиганте Стенмарк отдаст золотую медаль американцу Стиву Маре, что чемпионом мира в горнолыжном двоеборье станет француз-

ЭКЗАМЕНУЕТ ШЛАДМИНГ

шему горнолыжному спорту такие критерии неприменимы. Однако хоть мы и не выиграли в прошлом году Кубок мира, в борьбе за который Александр Жиров занял «всего лишь» третье место, а другие наши спортсмены ограничились успехами на отдельных этапах, но их возможности на мировой горнолыжной бирже были оценены очень высоко, и наша команда получила право выступать в сильнейшей группе, так называемой группе пятнадцати, что уже само по себе является большим успехом. Александр Жиров, победивший четыре раза в течение прошлого сезона трехкратного обладателя Кубка мира и двукратного олимпийского чемпиона шведа Ингемара Стенмарка, получил специальный приз, а его наставник старший тренер сборной Леонид Тягачев был признан лучшим тренером года.

Ход борьбы для нашей команды в нынешнем сезоне сложился далеко не так благоприятно: на одном из кубковых стартов перед чемпионатом Жиров упал и повредил колено, а его товарищи по команде Владимир Макеев, Валерий Цыганов и Владимир Андреев, видимо, перетренировались и чувствовали себя не очень уверенно.

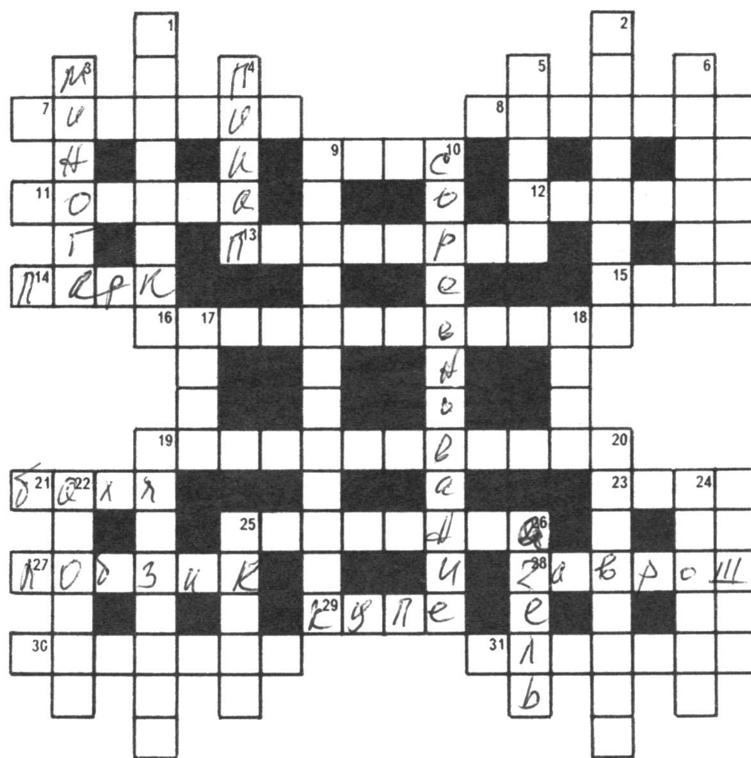
Таковы явные просчеты, бросающиеся в глаза, но, думается, что ими дело не ограничивается. Однако раскрытие причин неудачного выступления советской команды в Шладминге требует специального детального разбора, который, надо полагать, будет сделан. И все же уже сейчас можно отметить тот факт, что, отлично освоив за последние годы почти все тонкости сложнейшей горнолыжной техники, наши спортсмены в Шладминге не показали умения держать в узде огромные скорости, на которых идет борьба, и на последних отрезках дистанций они не раз теряли драгоценные доли секунд.

Таковы первые впечатления от выступлений наших спортсменов в Шладминге. Нынешний сезон не оправдал ожиданий, и мы не сделали следующего шага к пьедесталу почета. Но как же трудно дается новый шаг в горнолыжном спорте даже испытанным асам, за плечами которых давние традиции! Для того, чтобы в этом еще ский спортсмен Мишель Вион, представитель той команды, которая в последние годы терпела неудачу за неудачей. Я думаю, что среди знатоков не было такого, который предсказал бы швейцарской горнолыжнице Э. Хесс три золотые медали.

Щедрые на овации австрийские любители горнолыжного спорта горячо встречали и победителей и побежденных. Австрия, как известно, страна небольшая, ее население — всего восемь миллионов человек, но полтора миллиона австрийцев владеют премудростями горнолыжной техники чуть ли не с пяти лет. В стране работают более четырехсот горнолыжных школ, где опытные преподаватели в самое короткое время учат спускаться с гор. С одним из таких преподавателей я встретился в местечке Роосмус. Франц Тричер, директор местной лыжной школы, который работает в ней вот уже двадцать лет, рассказал мне, что первоначальный курс обучения в школе всего пять дней, и за такой короткий срок его ученики в возрасте от четырех лет получают возможность чувствовать себя уверенно на снежных склонах. В школе двадцать пять опытных педагогов, и после нескольких повторных курсов обучения их подопечные уже считают себя хозяевами самых высоких скоростей. Школа располагает достаточным количеством самых лучших лыж, а в том же здании находится спортивный магазин, где можно приобрести необходимое оборудование.

Франц Тричер, познакомив меня с работой школы, пригласил на торжественный акт вручения медалей лучшим ученикам, которые как раз в этот день завершали пятидневный цикл обучения. Я видел, как на пьедестал почета поднимались пятилетние малыши и торжественно получали из рук учителей свои призовые медали. Да, чудес в спорте, как и в других областях человеческой деятельности, не бывает. И если мы хотим побеждать на международных горнолыжных трассах, приходить первыми к финишам в Гармиш-Партенкирхене, в Санкт-Морице и Шладминге, то надо прокладывать дорогу к ним в Красноярске, Кировске и Бакуриани.

КРОССВОРД



По горизонтали: 7. Химический элемент, металл. 8. Песня на слова А. В. Кольцова. 9. Комнатная собака. 11. Сельскохозяйственная машина. 12. Древнеримский поэт. 13. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Три сестры». 14. Роща с аллеями, прудами, цветниками. 15. Приток Оби. 16. Шуточный жанр народного творчества. 19. Река в Испании. 21. Оценка успеваемости и поведения учащихся. 23. Город в Ростовской области. 25. Государство в Восточной Африке. 27. Инструмент для узорного выпиливания. 28. Мальчик в романе В. Гюго «Отверженные». 29. Отделение для пассажиров в вагоне. 30. Разновидность фортепьяно. 31. Окончание слова.

По вертикали: 1. Безосколочное стекло. 2. Болгарская монета. 3. Рыба отряда угрей. 4. Грузопассажирский легковой автомобиль. 5. Советский летчик-космонавт. 6. Артист, исполнитель ведущей партии в опере, балете. 9. Геометрическое тело. 10. Стремление добиться по сравнению с другими лучших результатов. 17. Столица Украинской ССР. 18. Бескрылая птица. 19. Композитор, дирижер, народный артист республики. 20. Декабрист. 22. Физиолог, академик, лауреат Ленинской премии. 24. Спортсмен, многократный чемпион СССР в прыжках с шестом. 25. Текстильное изделие, материя. 26. Лишайник, олений мох.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 3. Павлов. 5. Плакат. 7. Ессей. 8. Слово. 9. Устав. 11. Мачта. 13. «Нахаленок». 16. Нерча. 17. «Орфей». 18. Роттердам. 21. Север. 22. Касса. 24. Тюбетейка. 27. Фагот. 29. Раман. 30. Улица. 31. Сопка. 32. Моцарт. 33. Рапорт.

По вертикали: 1. Плиев. 2. Паром. 3. Пуссен. 4. Веста. 5. Просо. 6. Тритий. 10. Атрек. 12. Анфас. 13. Натюрморт. 14. Лейтенант. 15. Коломыйка. 19. Шевро. 20. Ласка. 21. Слалом. 23. Азамат. 25. Юрист. 26. Купер. 28. Туман. 29. Рампа.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На заводе «Динамо» робот УМ-160 выдал первый вал * Научные сотрудники лаборатории робототехники Н. Шаронов, С. Теплов, Е. Рахманов, возглавляемой членом-корреспондентом АН СССР Е. П. Поповым * На перфоленте записана программа действий робота * Автоматизированная система участка производства цветных кинескопов работает без участия людей * Так выглядит электронная память робота * Станок обслуживается автоматически. (См. в номере материал «Три поколения роботов».)

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Картины афганского художника Аслама Акрама. (См. в номере материал «В Афганистане».)

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.01.82. Подписано к печати 09.02.82. А 00318. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 317. Заказ № 1844.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Ф. КОМАРОВА

400 ЛЕТ АПТЕЧНОМУ ДЕЛУ В РОССИИ

Во время правления Ивана Грозного было положено начало книгопечатанию, организации регулярного войска, вооруженного огнестрельным оружием, введены единые меры для всей территории государства. Была создана и первая русская аптека. Ее организовали московские мастера под руководством англичанина Джемса Тренчема, присланного по просьбе царя в Россию королевой Англии Елизаветой.

Прошло четыреста лет. А недавно в нашу страну приезжала группа английских фармацевтов во главе с президентом английской фармацевтической ассоциации. Когда они побывали в музее ВНИИ фармации и ознакомились с его экспонатами, с фотовыставкой, с аптеками союзных республик, глава делегации сказал: «Завидуем, что вы имеете возможность работать в таких прекрасных аптеках».

Мы беседуем с заместителем директора ВНИИ фармации доктором фармацевтических наук, профессором Е. И. ПАНЧЕНКО.

— Первая аптека снабжала лекарствами только царя и его семью,— рассказывает Екатерина Ионовна.— Жители Москвы и других городов покупали лекарства на рынках, в зелейных лавках. Изготавливали лекарства с помощью ступки. Бесконтрольная продажа далеких от совершенства лекарственных средств, среди которых было немало ядовитых и сильнодействующих, сопровождалась случаями отравлений, порой — смертельных...

Все возрастающее число отравлений зельями вынудило царское правительство открыть в 1673 году еще одну аптеку — для публики. Она находилась на Красной площади и одновременно выполняла функции поликлиники. В ней дежурили лекари и доктора Аптекарского приказа, который распоряжался «бережением» Москвы от «заразы».

Для снабжения лекарственными растениями были устроены три казенных аптекарских огорода. Их продукция зачастую собиралась воеводами как подать.

— Как сказалось открытие этой аптеки на внеаптечной торговле лекарственными средствами?

— В 1672 году внеаптечная торговля была запрещена, но этого запрета, по существу, никто не придерживался. Одна аптека не могла удовлетворить нужду в лекарствах всех москвичей. Огромное значение для положительного решения этого вопроса имела аптечная реформа, проведенная при Петре I. В 1701 году он издал указ, по которому Москва была разделена на 8 районов, и в каждом из них разрешалось открыть одну частную аптеку. Первая аптека по указу Петра I была открыта на территории нынешней площади Революции, и от нее ведет свою родословную крупнейшая аптека нашей страны — № 1.

— Но ведь московская аптека № 1 сейчас расположена не на территории площади Революции, а на улице 25-го Октября. Как это произошло?

— Частные аптеки то и дело переходили из рук в руки, один из очередных владельцев и «перенес» ее на бывшую Никольскую улицу, ныне улицу 25-го Октября. В конце прошлого столетия эта аптека (старожилы Москвы знают ее как аптеку Феррейна) считалась крупнейшей в мире.

Аптека Феррейна вошла в историю Москвы еще и тем, что в ней в 1892 году произошла одна из первых забастовок в столице.

— Какие характерные черты были свойственны развитию аптечного дела в царской России?

— Это развитие обусловливалось частной формой собственности на аптеки. С одной стороны, аптека должна была выполнять функции органа народного здравоохранения, а с другой — она являлась частным капиталистическим предприятием, владелец которого был заинтересован главным образом в извлечении из него максимальной прибыли. Стоимость лекарств в аптеках была настолько высокой, что делала их почти недоступными для бедных. Размещались аптеки крайне неравномерно, в частности, на восточных окраинах России их почти не было. Больше всего аптек существовало в начале XX века в столице — восемьдесят...

— А сейчас?

— Теперь — четыреста семнадцать. Кроме того, при лечебно-профилактических учреждениях работают более трехсот филиалов.

Следует сказать, что в царское время совершенно не было контроля со стороны государства за качеством аптечной продукции. Это обстоятельство открывало широкие возможности для фальсификации лекарств, отпуску их без недостающих ингредиентов.

Рабочий день продолжался 12—14 часов, служащие жили в общежитии при аптеке и не имели возможности обзавестись семьей. Они обязывались пользоваться дорогим хозяйским столом. И неудивительно, что аптечные работники принимали активное участие в революционном движении пролетариата. Волны забастовок прокатились по аптекам страны в 1905 и в 1917 годах. Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции их работники на местах стихийно осуществляли национализацию...

— А когда произошла всеобщая национализация аптек?

— На основании декрета Совнаркома от 28 декабря 1918 года. В условиях гражданской войны и саботажа со стороны владельцев это было своевременное мероприятие Советского правительства.

— Расскажите, пожалуйста, о развитии аптечного дела в нашей стране после революции.

— Улучшены условия труда работников, приняты меры для развития сети на окраинах страны и надежного лекарственного снабжения жителей сельских местностей. И, что очень важно, начала создаваться отечественная фармацевтическая промышленность.

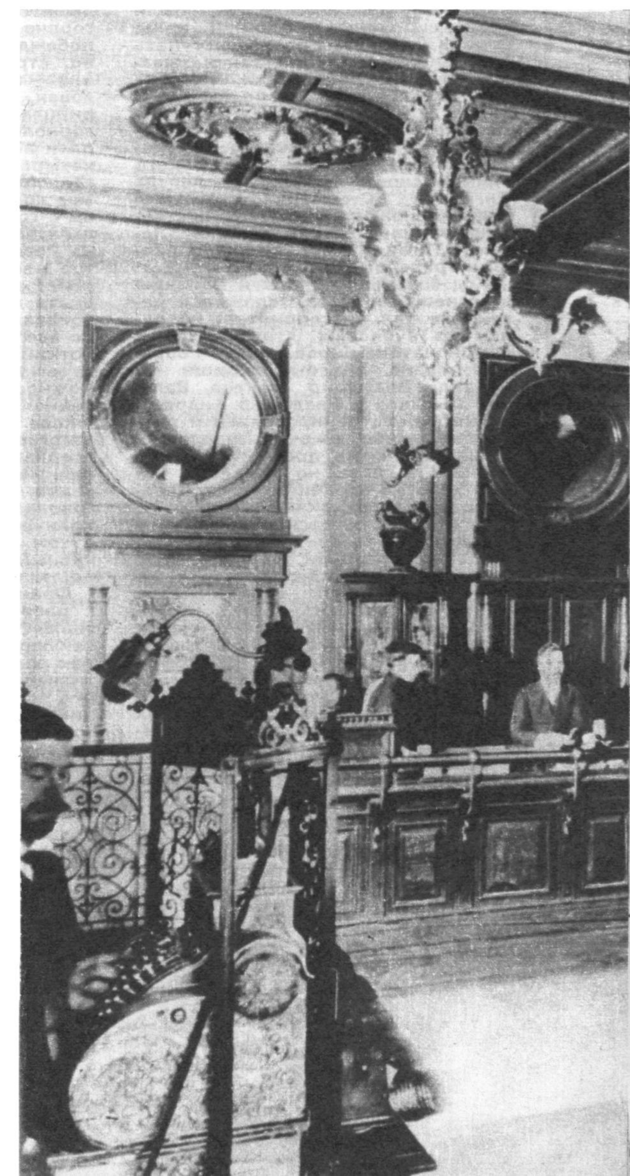
В начале первой пятилетки в Москве была создана Центральная аптечная опытная станция. Ее сотрудники проводили работу по совершенствованию технологических процессов, разрабатывали новое оборудование. Эта опытная станция явилась основой для создания единственного в мире научно-исследовательского института. До 1975 года он назывался Центральным аптечным научно-исследовательским институтом, сейчас это — Всесоюзный научно-исследовательский институт фармации.

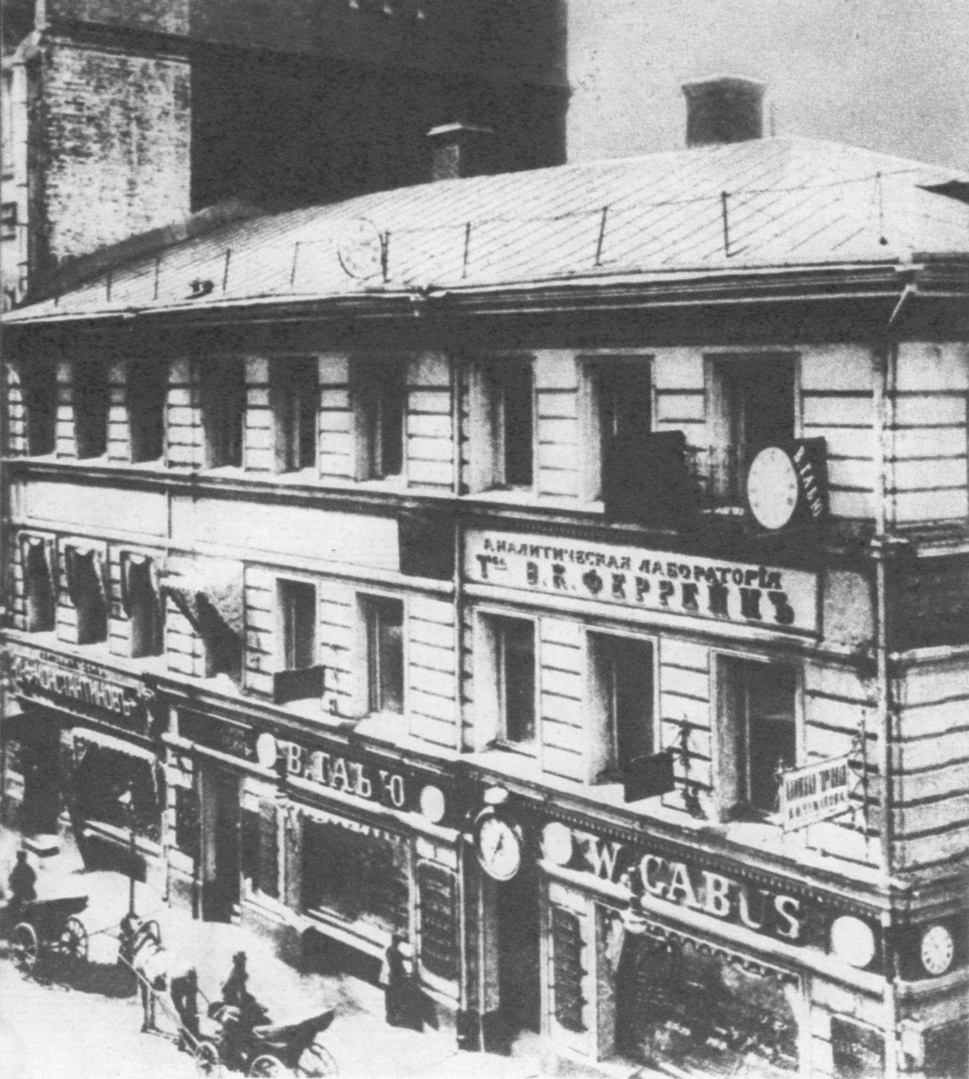
— Каковы перспективы развития аптечного дела в нашей стране?

— В одиннадцатой пятилетке предусматривается дальнейшее динамичное и пропорциональное развитие аптечного дела. Например, вместе с увеличением количества лекарств, изготавливаемых промышленным способом, будут совершенствоваться организационные формы лекарственного обслуживания населения. Получат быстрое развитие аптеки готовых лекарств, что значительно сократит затраты времени на приобретение нужных медикаментов. Войдет в строй автоматизированная подсистема планирования медикаментозного обеспечения и управления аптечным хозяйством страны. Для этих целей будут широко использоваться ЭВМ.

Беседу вел М. ГЕРАСИМЕНКО.

ОТ СТ





Так выглядела старая никольская аптека в прошлом веке.

Московская аптека № 1—крупнейшая в стране.

УПКИ ДО ЭВМ

В ожидании клиентов (фото конца XIX века).

Фармацевт Татьяна Кислая — один из лучших специалистов аптеки № 1 сегодня.

Трудовой день начался...

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663